

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ИЮЛЬ
2005**

**СИВАН
5765**

N 7 (159)

ЗАМЫКАЯ КРУГ ДОБРЫХ ДЕЛ

(ÈP ÈÛÑÊÎÁ ÑËÎÁÎ ÆËÁÁÎ ÎÁÎ ÐÀËÎÀ ÐÎÑÑÈÈ)

Ó íáííá ááðÿ áíêí ááá ñííà çà áðáíåðá - áíáòóé è áááíóé. Áááíóé áááá òáááííá íá èíáé. Îáíáááá òááá ííçáííéé áíáòóíó ñííó è íðéááíéé íá òíðéááíóáí: «Î áíÿ íáááááááò òáááíí, íðéááé è áááá íáÿçáðáéííí ñííáíé áíçú è. Áíá ðááííáá áíçí áúó íáí ááááííí». Áíáòóé ñííí íáðááíááéíí è ñðáçó ííáááéé ííéóíáòú ñáí çá áíðíáá íðáçú è: íçáááááá Òíéúéí á ííéááíéé í íáíò áííííéé, ÷òí ááááá òááá òíáá çááé. Îðéí ÷áéíí è íáí ó, èðé: èð: «Ááááé, ííáááéé, òááá íðéáááááá!» Áááá íáðááíáòúíí íá ááé - áíéóíéé á ñáí íéáð, è ííéáðáé. Îðéááááò è òóóá Îðáçúéé á ðáçúðá, ñááááééíí áááéúá éðáé, ííçáááááááá ñáááééá Áóíáéò áíáòóé ñííí - áíí áíéíáéððò: áááááòú, éáéíá òááá, òááéá è áááðé ó íáá. Áóíáéò áááíóé ñííí á éíóí òóóó - éçú éééíí áíðé, áááá íé: ááá òíééíí íá íííÿéé... Èíðí: á, éíááá òíðéááíóáí çáéíí: ééííí, áíáòóé ñííí ííðááíááé, ÷òíáú òááá ííéáðéé áí ó ííáçéú «Èçáéíé, - áááðéò òááá, - ÿ íáááíáé áíçí áíðéòúí áíí ðááííáá, éíòíðáá áí ííááááá ðááé í áíÿ. Áíéé áú óú íáí í íá áú áé, óú áú, í ááááí íá, ñáááéá í ááááá í íçááíðééíí, éáé ÿ íðííé. Á óú áí áéÿ íááÿ...»

В Торе и в Талмуде Б-г множество раз обещает вознаградить человека за добрые дела. Например: «Ты должен дать десятину, а Я тебе верну вдесятеро».

Возникает вопрос: зачем Б-г сулит нам награду за то, что мы и так должны делать? Ведь ясно же, что творить добро надо не потому, что за него можно получить «вдесятеро»: просто это соответствует природе человека, созданного по образу Б-жьему! Точно так же и служить Б-гу следует из любви к Нему, а не ради воздаяния. Так откуда же в святых книгах эти «торговые» предложения?

Самое доступное и самое распространенное объяснение в том, что Б-г воспитывает нас, как детей. Вспомните: когда мы были маленькими, мама уговаривала нас съесть суп и второе, обещая конфету, а то и мороженое тому, кто всё доест до конца. Мама хочет, чтобы ребенок был сыт. При этом она знает, что ее доводы – вырастешь сильным, не будешь болеть и т. д. – ребенок не поймет. Он дитя малое, неразумное. Вот мама и предлагает съесть суп «за конфету» или «за мороженое».

Объяснение простое, но гонится, наверное, не для всех, а только для тех детей Б-жьих, что воистину «малы и неразумны». Однако Тора и Талмуд созданы, как известно, не только для них, но и для вполне зрелых людей. Поэтому Рамбам предлагает другое объяснение, более универсальное. Обещанная награда, учит он, имеет свое предназначение: она облегчает человеку дальнейшее выполнение заповедей. Если человек совершил доброе дело и получил за это вознаграждение от Б-га (здоровье, богатство, семейное счастье), он потом сможет сделать еще больше во имя Всевышнего, он найдет в себе силы «идти путями Его».

Основатели хасидизма предложили третье объяснение. Баал-Шем-Тов говорит: «Б-г взял духовность и превратил ее в материю. Нам заповедано взять материальное и вновь превратить его в духовность».

Что это значит? Превращение духовности в материю есть акт Творения: мы сотворены словом Всевышнего. Всё, чем мы обладаем, даровано нам Б-гом. И наша задача – замкнуть круг, использовать те материальные блага, что мы получили от Него, для выполнения заповедей, для благих дел, для помощи ближнему. Иными словами, материальная награда, которую нам обещает Тора и о которой говорят мудрецы Талмуда, предназначена не для «личного потребления», а для того, чтобы лучше служить Б-гу, чтобы облегчать жизнь других людей.

Только правильно используя дары и награды, полученные от Г-спода в нашей земной, временной жизни, мы обретем настоящее вознаграждение в жизни вечной. На этот счет существует хасидская притча. В некотором царстве жители ежегодно выбирали себе нового царя. Соберутся на площади, выйдут все вместе за городские ворота – и первого, кого встретят, назначают своим правителем. Год он правит, все его слушаются, а потом выбирают нового монарха. Прежнего же выгоняют из страны в чем был, с пустыми карманами. Вот как-то раз встретился им человек бедный, но умный. Он быстро понял местные обычаи и весь год, пока царствовал, тратил деньги из казны на помощь честным и достойным людям. Закончился срок – ушел бедняк из дворца в старых своих лохмотьях. Но люди, которым он помогал,

разумеется, не оставили его в беде: он получил дом, хорошую работу и жил в достатке, пользуясь всеобщим уважением.

Àéààí ùé ðàààéí Ðíííé Ààðé Éàçàð

УЧЕНИЕ РЕБЕ ОБ УЧЕНИИ

(ИЮЛЬСКИЕ ПОСЛАНИЯ ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ)

Adia Na'ei it

Ī DĀĪ ĀDĀĒĀĪ ĒĀ Ī ĒDĪ CĀĀĪ ĒB

Āēāāy ī dēdīāā òdāī nōīdī āōēē āēēāī āā

Ребе подчеркивал, что возможность для трансформации ближнего, его преобразования всегда открыта. При этом он замечал, что человек отзывается на попытку трансформации прежде всего тогда, когда присущие ему положительные мотивации и врожденные добродетели получают возможность реализоваться в действии. В связи с этим Ребе указывал на пример рабби Элазара бен Дурдая (Авойда Зора, 17а), чье раскаяние и сокрушение о прошлых прегрешениях были столь сильны, что ускорили исход его души из тела. Ребе подчеркивал: с Элазаром бен Дурдая произошла очень глубокая трансформация, но всё же было бы лучше, если пережитое им нашло бы выражение в серии практических деяний, совершенных тогда, когда «душа облечена телом».

Почему же предпочтение отдается действиям в материальном мире? В этом вопросе Ребе следует рабби Шнеуру-Залману из Ляд, учившему, что «цель ишталшелус (последовательного схождения) миров, следующих, в соответствии с чином своим, от высшего к низшему, лежит не в высших мирах – это из их перспективы развертывание миров есть низвержение, шаг за шагом... Истинная цель творения есть дольний мир, ибо Святой, будь Он благословен, возжелал иметь обитель в низших мирах». Ребе подчеркивает: наибольшее благо приносит та трансформация, которая не отделяет человека от ближних, а наоборот, дает ему глубже осознать эту связь. Кстати, этот путь противоположен пути Койраха, искавшего не действия в материальном мире, но прикосновения к миру духовному.

Следуя принципам анализа, разработанным кабалистами, и ранним учителям движения Хабад, Ребе указывает: само имя Койрах, начертание образующих его букв, указывает на те ловушки, которых следует избегать, если мы желаем преобразования. Все три буквы, составляющие имя, – коф, рейш и хес – являются по начертанию производными от буквы эй.

Так, коф отличается от эй тем, что ее левая «ножка» продлена ниже строки, на которой помещается эта буква. Рейш отличается от эй отсутствием левой ножки, а хес – тем, что ее левая ножка присоединена к верхней черте.

В Талмуде подчеркивается: буква эй есть образ мира, как его сотворил Создатель. Эта буква образована тремя чертами. Горизонтальная черта, вознесенная над остальными, символизирует мысль; соединенная с ней перпендикулярная черта олицетворяет речь; левая же черта, отделенная от двух других промежутком, есть олицетворение действия, ибо зачастую действие не связано с отражением идеалов в сознании и слове. Промежуток, отделяющий левую черту буквы эй от двух других, дает нам увидеть, в чем состоит наша жизненная задача: мысль и речь не самодостаточны – они должны реализоваться в действии, которое является главным в нашей жизни.

По Ребе, три буквы, образующие имя Койрах, указывают на три препятствия, стоящие на пути перехода мысли и слова в действие.

Буква коф с ее левой чертой, спустившейся ниже строки, указывает на столь глубокую вовлеченность человека в мир действия, что им уже забыты идеалы, существующие на уровне мысли и ее артикуляции в речи.

Буква рейш, с отсутствующей у нее левой чертой, символизирует бездействие, доведенное до абсолюта, – абстрактные идеалы и говорение, не имеющие ни малейшего отношения к реальному делу, – всё то, что свойственно человеку, «живущему в соответствии с буквой рейш».

Наконец, буква хес, с ее левой чертой, соединенной с двумя другими, олицетворяет ошибку, заблуждение особого рода: человек настолько оказался захвачен материальным, что забыл и помышлять о дистанции между духовным и физическим, о лестнице миров.

ПУТИ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОЗДАНИЯ

Фрагмент Торы, описывающий события, связанные с Потопом, читается в последнюю неделю месяца тишрей. Заметим, наши мысли в течение этого месяца должны быть отданы духовному – тишрей «посвящен» духовным усилиям человека. С началом следующего месяца – хешвана – мы заново погружаемся в земное, стремясь прежде всего к его очищению, к преобразению дольного мира. Практика, принятая движением Хабад, подразумевает, что окончание месяца тишрей знаменуется чтением стиха «И Яков пошел своим путем...» (Брейшис, 32:2). Стих этот должен напоминать нам, что мы вновь всецело возвращаемся в «узкие» пределы земного во имя того, чтобы обновленным взором увидеть, как на наших ежедневных путях мы можем способствовать его превращению в обитель Б-га (Тания, гл. 36). Теперь, пройдя через духовную экзальтацию месяца тишрей, мы должны заботиться, чтобы на всех наших помыслах и деяниях лежал отблеск святости, которым был насыщен предыдущий период. Комментируя этот переход от возвышенного к земному, маркированный пересечением границы между двумя месяцами, Ребе напоминает: имя месяца хешван в полной форме звучит как «мархешван». Корень «мар» мы встречаем в стихе из пророка Ишаяу: «Ведь народы – как капля из ведра, и пылинкой <на весах> считаются они» (Ишаяу, 40:15). Упоминание «мар» («капли из ведра») в имени месяца указывает на связь этого периода с земными занятиями, и прежде всего – с сельскохозяйственной деятельностью, столь зависящей от дождя.

Но почему наш переход к активному «служению Б-гу в мире дольном» (а именно в этом цель человеческого бытия) отмечен чтением текста о Потопе, заставляющего трепетать и погружающего нас в мрачные раздумья?

Ребе указывает: текст о Потопе – это прежде всего текст о творении «нового мира». Историю Ноаха лишь в ее начальной части можно рассматривать как историю о неблагоприятном, обернувшимся катастрофой столкновении человека с миром материальности. Ее же конец, когда Ноах покидает Ковчег, повествует нам о человеке, оставшемся лицом к лицу с миром после того, как тот был обновлен.

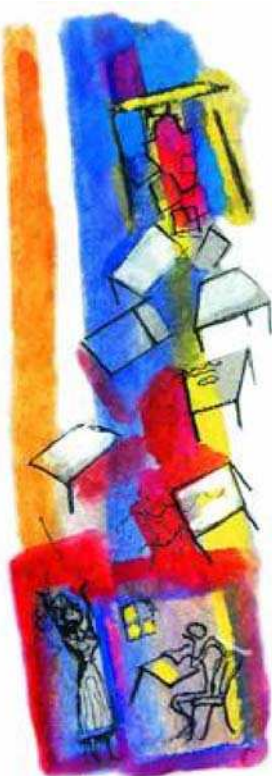
Ребе также отмечает, что в комментарии мидраша о Ноахе, ступившем из Ковчеха на землю, сказано, что «видел он мир новый» (Брейшис Раба, 30:8): здесь подразумевается не только «новое» состояние мира по сравнению с «допотопным», уничтоженным разлившимися водами, но состояние вполне «новое», в том числе по отношению к миру, каким он был явлен сразу после Творения.

Можно задаться вопросом: как же так, почему мир Ноаха, со всей его предысторией от грехопадения до Потопа, качественно «новее» мира, каким он был сразу после Творения? Но это именно так: можно говорить об улучшении мира по сравнению с тем, каким он был до Потопа. Можно даже говорить о привнесении в этот мир качества стабильности, не присущего допотопному миру, ибо сказано Вседержителем: «Впредь, во все дни земли сеяние и жатва, холод и тепло, лето и зима, день и ночь не прекратятся» (Брейшис, 8:22). Вновь возникают вопросы. Разве эта новизна может сравниться с новизной мира, только что сотворенного из ничего? Разве повествование Торы о Сотворении мира не звучит значительно более радостно, чем рассказ о Потопе? А ведь радость – величайший из источников вдохновения!..

В интерпретации Ребе именно рассказ о Ноахе содержит источник вдохновения более глубокий, чем повествование в самом начале книги Брейшис: с событий после Потопа начинается процесс трансформации мира, очищения и движения к той цели, во имя которой мир был создан. Именно с Ноаха человек становится настоящим соратником Б-га и начинает готовить Творцу «обитель в нижних мирах». С этой точки зрения рассказ о Потопе воистину является источником величайшего вдохновения, которым следует проникнуться всем нам, стараясь, по мере сил, служить Б-гу. Именно поэтому наше годовое служение открывается чтением этого текста.

Сравнивая два повествования о «началах» мира – рассказ о Творении в книге Брейшис и рассказ о начале, положенном Потопом, в главе Ноах, Ребе отмечает: Тора начинается с повествования о трансформации ничто в нечто, когда мироздание вызывается к бытию ex nihilo. И в этом смысле Сотворение

мира принадлежит первой стадии той трехчастной парадигмы, на которую раз за разом указывал Ребе. Первая, идеальная стадия связана с изначальным замыслом, когда индивидуальное «прислушивается» к Б-жественному замыслу и «сопрягается» с ним. Затем наступает черед следующего этапа, на котором ищутся пути реализации этого замысла в «сопротивляющемся» и «неподатливом» окружении. И лишь затем наступает заключительная стадия реализации, на которой идеал обретает зримое воплощение. Последняя стадия важнее первой, она – «выше» ее, ибо начало служит завершению основанием и тем самым уступает ему. Глава Ноах говорит о реализации второй стадии указанной парадигмы: в ходе трансформации происходит поиск того, как материальное может быть «возвращено» к духовным измерениям, которые служили для него своего рода «лекалом».

Рассказ о Потопе – это рассказ о пере-Сотворении мира: физически существующее было возвращено в небытие, сведено к ничто, из которого оно вышло. Уникальное свойство человека заключается в том, что он наделен способностью к трансформации разных аспектов физического мира и потому может быть соратником Б-га в Творении. Благодаря соучастию человека физическая природа тварного мира, не причастная духовному напрямую, преобразается – человек вовлекает ее в действие духовного, и, шаг за шагом, бытие меняется, чтобы стать тем, чем ему назначено в Б-жем замысле. Потому преобразование мироздания при участии человека – это достижение даже большее, чем сотворение мира из ничего.

Ребе напоминает: мудрецы Талмуда считали, что обращение сущего в не-сущее – достижение большее, чем выявление физической сущности из небытия и наделение ее существованием. Учителя движения Хабад, развивая эту традицию, вывели на основе Талмуда (Ксубойс, 5а) формулу: «У деяний праведных больше величия, чем в самом сотворении Неба и Земли». Можно напомнить также рассказ Агоды (Таанис, 25а) о рабби Ханине и его жене, живших в великой бедности и столь ею угнетенных, что в своих молитвах зывали они о ниспослании хотя бы доли тех сокровищ, что приурочены для праведников в грядущей жизни, еще при жизни этой. Молитва рабби Ханины была услышана, и ему была дарована одна из золотых ножек стола, за которой назначено ему сидеть среди праведников, удостоенных воздаяния. Узнав, однако, что тем самым уменьшится его награда в грядущей жизни, рабби Ханина вновь вознес молитву – и ножка стола исчезла. Талмудисты подчеркивали: исчезновение этой ножки – чудо большее, чем ее ниспослание: то, что вызвано Б-гом к бытию, по сути, невозможно лишить существования.

При этом Ребе указывал, что Потоп нельзя рассматривать в качестве кары как таковой. Каря – это окончательный приговор, то есть действие, которое, свершившись раз, не изменяет уже характер своего бытия. Каря, свершившись однажды, продолжает пребывать неизменной. А длительность Потопа ограничилась сорока днями. Значит, в Потопе следует видеть не столько кару, сколько средство очищения и преобразования мира. Потоп был критическим событием в истории мироздания, но вместе с тем самой нижней точкой в процессе очищения, возвышения и преобразования мира.

В подтверждение Ребе ссылается на комментарий Раши к стиху «И был дождь на земле сорок дней и сорок ночей» (Брейшис, 7:12), где указывается, что поначалу дождь был умеренным. Раши пишет об этом стихе: «А ниже сказано: “и был потоп” (7:17). Однако ниспосылая <на землю воды>, Он <вначале> ниспослал их с милосердием, чтобы, если люди раскаются, они стали дождями благодатными. Но поскольку те не раскаялись, <воды> стали потопом». То есть, даже начавшись, Потоп еще был призывом к покаянию, тшува: даже на этом этапе для живущих оставалась возможность измениться и избежать гибели в водах Потопа. Б-жественная воля даже при начале Потопа была направлена на преобразование людей, а через них – всего мира, но не встретила поддержки ни в ком, кроме Ноаха. Ноах был единственный в своем поколении, кто внял этому призыву к покаянию, и тем самым стал проводником Б-жественной воли в отношении мироздания. То есть Ноах был первым человеком, чьи деяния послужили трансформации долнего мира в обитель Б-га.

יְאָדָאֵם יִינְוֹוֹ אָבִי עֵי

Обосновывая примат поступков, Ребе ссылается на учение рабби Исроэла Баал-Шем-Това, утверждавшего, что нисхождение души в тело, где ей суждено пребывать около семидесяти-восемидесяти лет, оправдано, если за это время человек совершит хотя бы один альтруистический поступок, радея не о себе, а о ближнем. И не важно, имеет ли этот поступок материальную или духовную природу. Человек не ведает, в каком именно деянии будет реализован истинный смысл и суть его земной миссии (о том, что нам не дано это знать, напоминает стих псалма: «Знаков наших не увидели мы, нет больше пророка, и не с нами

знающий – доколе?» (Теилим, 74:9). А потому всякий контакт с ближним следует воспринимать как акт, через который может осуществиться глубочайший смысл нашего существования. Тем большее значение имеют совершаемые нами поступки. В сущности, любой из них может оказаться определяющим для всей нашей жизни.

Ребе приводит наглядный пример, указывающий на то, что определяющее значение имеют именно поступки. Как происходит установление начала нового месяца? Закон говорит, что определение даты Рош Койдеш – прерогатива бейс дина (религиозного суда). Тора велит нам справлять этот праздник, но соответствующий день зависит от решения бейс дина, на который возложено установить начало месяца. А решение это, в свою очередь, зависит от свидетельств тех, кто видел только что народившуюся Луну. И даже если свидетельствующие ошиблись, признание этих свидетельств бейс дином придает им силу: провозглашается начало месяца и день праздника.

Эта ситуация помогает понять, что имеют в виду кабалисты, говоря, что Б-г являет Себя через мир. Это происходит так же, как воля Б-га, явленная в Торе, обретает реализацию в праздновании Рош Койдеш: «активность» Вседержителя оказывается реализованной через активность людей, действующих в физическом мире. Ребе замечает, что тем самым подчеркивается определяющее значение событий, совершающихся в нашем, физическом мире: само функционирование «духовных царств» зависит от решений, принятых людьми и укорененных в «мире действия».

אֲוֹרֵי הַיָּמִים אֵינָם מְשַׁלְּטִים עַל הַיָּמִים אֲשֶׁר בָּהֶם

Во времена Потопа полное уничтожение общества, как оно существовало в ту пору, было условием трансформации мироздания: «И стерлось всякое существо, что на поверхности земли, от человека до скота, и гада, и птицы небесной, – и стерлись они с земли; и остался только Ной и те, что с ним в Ковчеге» (Брейшис, 7:23). Но после Потопа «стирание», уничтожение предшествующей стадии уже более никогда не становилось условием трансформации. В Торе читаем: «и сказал Г-сподь в сердце Своем: Не буду более проклинать землю за человека, ибо помысел сердца человека зол от молодости его, и не буду более поражать всё живущее, как Я сделал» (Брейшис, 8:21). Комментируя это место, Раши подчеркивает: «не буду более... и не буду более. Повтор слова <служит> для <выражения> клятвы. К сему <относится> сказанное: “Как клялся Я, что воды Ноаха не пройдут вновь по земле” (Ишаяу, 54:9)». Здесь отрицается сама возможность того, что разрушение мира может быть повторено. В мире после Потопа действуют только созидательные, а не разрушительные средства трансформации.

Отныне задача выглядит не так, что единственный способ подвести материальное к той духовной цели, которая является сутью его существования, заключается в том, чтобы это материальное уничтожить. Теперь материальное должно пройти процесс возвышения и раскрытия истинного смысла его существования, то есть выявить Б-жественную сущность, сокрытую под покровом материальности. Напомним формулу Рамбама, утверждавшего, что Б-жественность есть суть всего сущего в физическом мире (Законы основ Торы, 1:1).

Ребе указывает: о том же самом Б-г говорит Аврааму, когда требует от него изменить свою жизнь и жизнь окружающих. От Авраама вовсе не требуется полностью перечеркнуть всю свою жизнь, предшествующую этому моменту. Отныне для человека открыт путь раскаяния, тшува, – путь преобразования и трансформации, не требующий полного, всеохватывающего самоотрицания. От человека требуется отнюдь не коллапс, а восхождение на иную, более высокую ступень, возвышение того, что заложено в нем от природы, до уровня нового идеала.

Алоха требует, чтобы лишь раз в году, по окончании празднования Йом Кипура, мы читали молитву Шма, выражающую готовность оставить эту жизнь и земное существование во имя исповедания единого Б-га. Но во всё остальное время Алоха требует, чтобы в своем служении мы просто осознавали себя существами, чье земное существование посвящено Б-гу – и старались бы действовать в соответствии с этим. То есть Алоха дает нам осознать, что мы проходим в этой жизни процесс трансформации, но это не требует от нас отрицания собственного бытия, – просто мы должны стремиться возвысить это бытие до Б-жественного идеала.

Так же и преобразование мира – это процесс, не требующий тотального революционного изменения всего его порядка. Этот процесс осуществляется посредством накопления множества индивидуальных поступков, направленных на благо – и в конечном счете меняющих этот мир.

МОЖЕМ ЛИ МЫ СЕБЯ ИЗМЕНИТЬ?

Nei ti Aaei ai ti

I daai eee I aeia e Oaii daaa ya o i adia a mde aayou ai ae, toi a-ai iue mdaioi-ai eai ia madaoi noaiai ee nae yi ioei aeiii e ae e e. Eae aue ec mde a ayoe ai ae mto aoi no aao ia i i o ec ai ae o ia nai eae ai nai u (49) i de ni e o ia i yi i ee. Ai u i adate i i i yuai madaoi no aiai ep «epaae a epaae», ai u i adate - madaoi no aiai ep «aei e e i u a epaae» e o. a

Размышляя о самосовершенствовании и духовном росте, мы должны задать себе серьезный вопрос: каким образом мы можем себя изменить?

К примеру, животные не утруждаются изменением себя и отношений между собой. Они такие, какие есть, и руководствуются не более чем природными инстинктами. Животные не подвергаются терапии, не принимают прозак и живут в соответствии с заложенным в них механизмом.

Конечно, мы можем научить животных прыгать сквозь обруч, да и другим трюкам. Однако, как заметил д-р Моро, кардинально изменить их природные характеристики мы не способны.

Хорошей иллюстрацией служит известный анекдот о коте. Два философа спорили, можно ли изменить животных до такой степени, чтобы они стали похожи на людей? Один философ показал другому кота, которого обучили профессии официанта в модном ресторане. Котьяра, одетый в смокинг, обслуживал клиентов; он шествовал на задних лапах, гордо задрал нос и изящно распушив усы. Второй философ открыл портфель и выпустил оттуда несколько мышей, которые разбежались в разные стороны. Кот в смокинге мгновенно опустился на все четыре лапы, бросил поднос с вином и ужином на дорогой пол из вишневого дерева и понесся за мышью. Первому философу оставалось только почесать в затылке...

У людей тоже есть присущие им черты. Мы не можем изменить цвет глаз или свой рост (разве что искусственным образом). И как мы можем изменить свой «эмоциональный тип»?

Если следовать наиболее популярной сегодня дарвиновско-фрейдистской концепции человека – как животного, чья эволюция обуславливается эгоистическим стремлением сохранить свою идентичность, – то не приходится особо надеяться, что наше поведение может претерпеть какие-то кардинальные изменения.

Достаточно обратить внимание на то, как низко может пасть человек, когда срабатывает инстинкт выживания. Известно, что изголодавшиеся люди превращались в озверевших людоедов, убивая других людей, только чтобы утолить свой голод. Никого нельзя подвергать подобной проверке, но история знает много примеров, когда человек вырождался в животное, способное на самые чудовищные зверства, – если только на кону стоял вопрос о его выживании.

Это придется не по вкусу миллиардной индустрии «помоги себе сам» и терапевтическому сообществу (и наоборот, поспособствует процветанию косметической отрасли), но, увы, если мы неспособны измениться, давайте уж тогда назовем вещи своими именами и прекратим тратить время, нервы и деньги на самосовершенствование. В этом случае нам прямой путь в магазин косметики.

К примеру, если кто-то родился с геном злости или стал злым с юности – вследствие чрезмерного желания походить на злого отца либо в силу глубоко запятой обиды, с годами лишь усиливающейся, – можем ли мы ожидать, что этот человек когда-нибудь избавится от приступов злобы? Или если человек скуп от природы, способен ли он стать щедрым? Заложено ли в нас сострадание? Отмерено ли оно кому-то в большей степени, в то время как в других людях закреплены совершенно иные черты?

Изучая проблемы наследственности, можно заметить, что некоторые качества достаются человеку «из семьи». И то, каким образом он приобрел их – в силу наследственности или в результате воспитания – не столь важно, поскольку всё равно мы сталкиваемся с очень трудной, а то и неразрешимой задачей: ведь мы устроены определенным образом и не можем этого изменить, как не можем изменить строение дерева.

Так в чем же состоит наша цель, когда мы пытаемся изменить себя – если даже сама наша затея кажется довольно сомнительной?

Сколько вы знаете людей, которые изменили себя?

Можно привести довод: хотя саму человеческую натуру изменить невозможно, можно изменить поведение. Мы не ожидаем от цивилизованных людей, чтобы они меняли себя изнутри – достаточно, чтобы они следовали в своей жизни общепринятому закону, обязующему относиться с уважением друг к другу. Сочетание «красного» и «зеленого» света позволяет нам сосуществовать. Мы надеемся, что стена поведенческих норм удержит «внутреннего зверя», разве что за некоторыми исключениями, вроде мерзких преступников, которые оказываются за решеткой. В такой системе представлений страх наказания – главный сдерживающий фактор, который останавливает людей от того, чтобы не скатиться к природной «самости».

Но, предоставленные самим себе, люди обычно возвращаются к своим истокам – превращаются в животных, которые стремятся выжить любой ценой.

Не слишком привлекательная картина, но какая существует альтернатива?

А теперь хорошая новость.

Любое утверждение зиждется на исходной предпосылке. Всякая теория строится на основе принятых аксиом.

Мы полагаем, что не способны измениться, в силу изначального ощущения, что наша вселенная не может кардинально измениться. Камни остаются камнями, овощи – овощами, а леопарды «не теряют своих пятен».

Бытие, которое мы постигаем чувствами, статично. Да, предметы подвержены изменениям, но они не меняют радикально своих природных характеристик и не преодолевают присущую им ограниченность. Солнце восходит утром и заходит вечером. Потом восходит и заходит луна. Лунный цикл неизменно повторяется каждый месяц. Любая часть «природы» похожа на заведенные часы, точно отсчитывающие время. Камень, дерево, животное никогда не меняются – почему же мы должны считать, что человек устроен иначе?

Исходя из такой предпосылки – что бытие статично и, более того, подвержено умиранию, – можно заключить, что человек не способен измениться. Овца не может превратиться в волка.

При этом мы рассуждаем, исходя из предпосылки «как известно».

Но можно исходить из другой предпосылки, и тогда вся концепция неизменного бытия рушится. Эта предпосылка постулируется Торой. Подобно рентгену, Тора формулирует не симптомы, а причины. Мы, люди, постигаем бытие невооруженным глазом – Тора же постигает его подлинное внутреннее содержание.

Тора показывает вещи таковыми, какими они в действительности являются. Она начинается с описания человека и предлагает нам не метрические характеристики человеческого скелета, не портрет тонкого и умного творения, существа, которое рождается и умирает... Кто же тогда человек? Нам сразу сказано, что человек – «Б-жий», созданный «по образу Б-жьему». В каждом из нас есть «Б-жественная личность».

Не вдаваясь в сложное понятие «образа Б-жьего», отметим, что основное различие между человеческим и Б-жественным – это различие между смертью и жизнью. Б-жественное динамично, человеческое статично. Б-жественное живо, человеческое мертво.

Обратим внимание: физическая Вселенная стареет и разрушается, и это свидетельствует о том, что она заведомо обречена. В Торе поднимается вопрос: что может считаться «маим хайм» («водами живыми»). Закон гласит: если источник пересохнет в течение семи лет, то даже когда он действует, его нельзя называть «живым», потому что он обречен. Если смерть неизбежна, то была ли жизнь?

Иными словами, вечность открывается не в конце, а в начале пути. Вечное качественно, а не количественно отличается от мимолетного, подобно тому, как бесконечность количественно равно удалена и от единицы, и от триллиона.

Мы можем многое не знать о Б-жественном, но Б-жественное несомненно отлично от человеческого. Б-жественное – это постоянный источник энергии, исходящей от Всевышнего. Живое и динамичное, Б-жественное всегда открыто изменениям.

Утверждая, что человек создан по «образу Б-жьему», мы должны переосмыслить природу человека. Вместо того чтобы пытаться облечь духовные «идеи» в человеческие понятия, мы призваны вместить «человеческие» свойства в «Б-жественный» контекст. Как кто-то заметил: «Мы не человеческие существа на духовном пути; мы духовные существа на человеческом пути».

Разумеется, Б-жественное побуждает нас переосмыслить саму природу бытия. И не только человека, но и всей Вселенной, наполненной живой и динамичной Б-жественной энергией. Видя в себе Б-жественное, мы можем взглянуть на Вселенную по-новому и понять, что мы способны целиком изменить наше бытие.

Мне всегда не давало покоя утверждение кого-то из французских атеистов, что «если Б-га нет, то Его следовало бы придумать». Если отвлечься от кощунственного подтекста этого утверждения, в нем есть глубокая правда: если мы позволяем себе видеть жизнь как нечто смертное, то всё, что смертно, – мертво. По сути дела мы сводим все свои жизненные выборы, жертвы, призвания к чему-то умирающему – тому, что умирает вместе с нами.

Наш единственный источник надежды, наполняющий все наши убеждения вечным смыслом, – это связь с Б-жественным.

Как сказал один человек, выживший в Холокосте, «после Холокоста у нас не остается выбора, верить ли нам в Б-га, поскольку мы уже не можем верить в человека...»

Перемена, происходящая в нас в силу нашей Б-жественной (а не человеческой!) природы – поистине революционная и далеко идущая. Она формулирует бесконечно высокий стандарт того, что мы можем ожидать от себя и других. Она побуждает нас стремиться к тому, что мы всегда считали недостижимым. И прежде всего, она дает нам силы изменить саму нашу природу – даже если она связана корнями с нашими генами и личностными характеристиками, полученными в силу наследственности или воспитания.

ЕВРЕЙСКОЕ ДЕЛО

Éaí í eä Däáçèõí áñééé

Какова антисемитская составляющая в «деле Ходорковского»?

Очень велика.

В известном анекдоте апостолы говорят своему собрату, который начал тонуть: «Не фиг выпендриваться, шел бы как все – по камушкам». Это вообще главное «диалектическое противоречие» в жизни МБХ. И, для начала, надо было идти как все – «по камушкам» в анкете: взять мамину фамилию – Петров. Так тов. Израитель стал – Кириенко. И ведь все знали, что он полуеврей, но можете себе представить премьер-министра с фамилией Израитель?! (Не какой-то там Фрадков или Примаков!) Вот так и с Ходорковским. На скамье обвиняемых Петров – да уже половина налоговых претензий снята! А «дело Петрова и Лебедева» – да это бред какой-то, когда Фридман и Вексельберг ходят на воле! (С другой стороны – в этом и диалектика! – если бы МБХ «не выделялся», например, носил фамилию Петров, то, может, он и не стал бы тем, кем стал? Сильные люди любят тренировать свою силу – правда, непонятно, до каких же «перегрузок» в этой тренировке можно дойти, чтоб не сорваться... В общем, я, никак не будучи сильным человеком, об этом судить не берусь. «Им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни/ Гром ударов их пугает». Еще и как пугает!..)

При этом, повторяю в сотый раз, Путин – не антисемит. Но он, понятно, прислушивается к «общественному мнению». Для «общества» же дело против олигарха несъедобно без юдофобской соли. «Еврей-олигарх»! По отдельности эти слова «не читаются», во всяком случае, не образуют той гремучей смеси, которая взрывается в «разуме возмущенном» честного русского патриота... И, кстати, «будь он Петровым», быть бы ему и новым Ельциным: Петров, сидящий в тюрьме, – народный герой, а вот кем станет Ходорковский – большой вопрос...

А как «понимает себя» сам МБХ? Известный «левый политолог» – г-н Белковский называет МБХ «настоящим еврейским “русским мальчиком” (Достоевский), у которого есть свое преступление и свое наказание». (Похоже, что сильно озабоченный своей «еврейской рускостью» Белковский тут немножко написал и о себе.) Думаю, что МБХ действительно считает себя русским. Не знаю, православный ли он, но точно не иудей, видимо, у него русская жена и, значит, даже по самому «строгому счету» русские дети (как, кстати, у Абрамовича и многих других). В общем «еврей Ходорковский» – миф. Но миф, в который твердо верят и антисемиты, и евреи, живет своей отдельной от МБХ жизнью.

Однако, хотя добрая половина «народной любви» к МБХ определяется его несуществующим еврейством (смешно – и это преступление такая же «липа», как все остальные!), назвать процесс «антисемитским» я бы всё же не рискнул.

Я уж не говорю о деле Бейлиса. Возьмем как бы более «нейтральные» дела Дрейфуса (липовое) или Розенбергов (реальное). Тут сходство есть – например, пиршество доказательств обвинения в деле МБХ – то же, что в деле Дрейфуса. Доказательства «...занимают 732 квадратных метра, что, считая по 500 кг на метр, составит в целом 366 000 кг.

Самый большой документ представляет собою листочек размером меньше 1 кв. миллиметра. Самый большой имеет 70 метров в ширину и 90 см в ширину.

При этом разоблачении публика содрогнулась от гнева». «Когда они были пронумерованы, то оказалось, что общее их число составляет 14 626 320. Приступив к их изучению, советник (проверяющий “дело”. – Л. Р.) был сначала смущен, затем удивлен, затем поражен, затем ошеломлен и умопотрясен. Он находил в папках объявления галантерейных магазинов, газеты, картинки модных журналов, школьные тетради, дерюгу, наждачную бумагу для чистки паркета, игральные карты, 6000 экземпляров “Толкователя снов”, но ни одного документа, который бы имел хоть какое-то касательство к Пиро (Дрейфусу. – Л. Р.)» (Анатоль Франс. Остров пингвинов). Прокурор Шохин и судья Колесникова ничего своего не изобрели. Но на этом сходство двух «дел» кончается.

Обвинения конкретного еврея в шпионаже в пользу иностранного государства, конечно, легко переносится на всех евреев. И обвинение в шпионаже, «измене Родине» хоть и не такое жуткое, как в ритуальных убийствах детей, но тоже «острое», куда больше берет за душу, чем пошлая «неуплата налогов». Преступление МБХ в глазах народа – не «неуплата налогов» (какой дурак их платит?!), а только обладание миллиардами.

Так что, с учетом «еврейского фактора», МБХ было легче судить и осудить. Но само по себе дело МБХ не стало катализатором для дальнейшего роста антисемитизма. Другое дело, если МБХ действительно станет лидером оппозиции, станет опасен для Путина – ну, вот тогда, как положено, власть выловит из рукава «антисемитскую козырную шестерку», чтобы покрыть ею «демократически-еврейского туза». Но пока что таким развитием событий и не пахнет...

Ну и, наконец, не могу не отметить классическую тему «еврейской солидарности», как выражался тот же А. Франс, солидарности «700 родичей Пиро».

Кто – ЕДИНСТВЕННЫЙ! – публично громко поддержал приговор, добавив «Мало! Расстрелять надо было!» (жаль, не добавил «как бешеную собаку»)? Правильно – конечно же, Владимир Вольфович Эдельштейн (Жириновский... в честь отчима).

Кого Невзлин обвинил в создании «дела МБХ» наряду с Путиным? Правильно – Абрамовича. И не столь важно, насколько справедливо обвинение. Просто вслушаемся в эту музыку: Невзлин обвиняет Абрамовича в «заказе» Ходорковского. Поэма!

Ну, и конечно, среди наиболее ярых защитников МБХ – Каспаров, Явлинский, Гусинский, еврей-журналисты.

Как же понять эту «еврейскую позицию»? Как всегда – к счастью (к несчастью?), никакой «общей еврейской позиции» не существует, есть общая еврейская активность. «Шел трамвай, на рельсы встал – под трамвай еврей попал! Евреи, евреи, кругом одни евреи».

КОРЕХ

Михаил Горелик

Из одних и тех же охристых бесформенных пятен последовательно появляются три забавные фигурки: собачка, скрипач, женщина. Скрипач играет себе на своей скрипочке, собачка виляет хвостиком в такт движению смычка. В руках у женщины появляется бутерброд. Она угощает им скрипача. Тот делит бутерброд с собачкой, а затем вновь продолжает играть. За спиной женщины возникают породившие ее пятна, она сливается с ними и растворяется в них. Затем та же участь постигает скрипача. Последней исчезает собачка. Остаются только пятна.

Анимационный фильм называется «Бутерброд» и продолжается три с половиной минуты – больше и не надо: сюжет (скорей уж, сюжетец) вполне укладывается в эти рамки. Эстетический эффект в значительной мере достигается за счет художественного минимализма. Именно благодаря нарочитой простоте создается пространство, заполняемое экзистенциальным и культурным опытом самого зрителя.

Охра – глина – прах. «И образовал Г-сподь Б-г человека из праха земного, и вдунул в ноздри его дыхание жизни, и стал человек существом живым» (Брейшис, 2:7). «Человек» – так здесь переводится слово «адам». Слово «адам» происходит от «адама» – земля. «Адама» – от «адума» (красная), а может, и наоборот. Адама адума – земля красная. В Стране Израиля много краснозема. Земля, из которой произошел Адам, – красна. В нее он и возвращается по слову Всевышнего после известного инцидента: «Возвратишься в землю, ибо из нее ты взят, ибо ты прах и в прах возвратишься» (Брейшис, 3:19).

Мимолетность и эфемерность жизни: родились, повилили хвостиком, сыграли на скрипочке, съели бутербродик, и опять – в бесформенность праха. Из праха в прах перелетая.

В отличие от русского, в иврите слово «корех» (бутерброд) не заемно. Впрочем, я не филолог, откуда мне знать, может, оно из арамейского. Но если заимствование и было, то случилось очень давно: в «Пасхальной Агоде» рассказывается, что Гилел, празднуя Пейсах, ел бутерброд с горькой зеленью. И сегодня на сейдере поступают так же. В еврейском сознании слова «корех» и «горечь» – неразрывны.

Daá Oi óyě

– Ну что вы! Всё совершенно не так. Этот человек раввин. Много занимается Торой, но у него хватает времени и на скрипку, а вот его жена – одета скромно, по-еврейски.

– Помилуйте, да почему же раввин? С какой стати раввин?!

– Посмотрите, как он одет: конечно, раввин. Одежда о многом говорит: богатый человек или бедный, интеллектуал или простак, религиозный или светский. Персонажи определены одеждой. Что тут есть, кроме одежды? Скрипка. Инструмент вполне еврейский. И бутерброд. Конечно, кошерный.

– Хорошо, допустим. Но ведь в конце концов всё проваливается в бесформенность, в прах, в смерть, и тогда так ли уж важно, кто этот человек и кошерен ли бутерброд? Достаточно того, что это просто человек, съедающий бутерброд за мгновение до смерти. Фильм безмерно печален.

– Что представляет собой человек, как он живет, – важно всегда. И кошерность бутерброда тоже важна – она говорит нам о человеке, о его отношении к Торе, о стиле жизни. Это фильм о смысле и образе жизни. Собака – животная природа человека. Музыка, скрипка – одно из наиболее тонких выражений человеческой сущности.

– Когда возникает женщина, ждешь младенца, она даже руки как-то так складывает, что вот сейчас на них неизбежно появится младенец, – а появляется бутерброд. Женщина угощает бутербродом мужчину, тот делит бутерброд с собачкой, не взглянув на женщину, не улыбнувшись ей, даже не поинтересовавшись, не хочет ли она скромно поучаствовать в этом пиршестве. Забавная и в то же время внятная демонстрация мужского эгоизма.

– Женщина всегда при кастрюле, голодной не останется. Уж наверно сыта, и мужчина это знает. Вы обратили внимание, появляется бутерброд, и скрипка сразу откладывается. Вопрос приоритетов. Фрагмент жизни с бутербродом и назойливо вертящейся под ногами собакой. То, что вы считаете смертью, – просто тайм аут. Если они умерли, значит, нет надежды, но ведь это не так. Мужчина и женщина возвращаются к началу: оно полно возможностей, в нем есть потенциал. Посмотрите на пятна: они полны жизни. В следующий раз бутерброда уже не будет – на руках у женщины появится младенец, и собака потеряет свое центральное положение, перестанет вертеться под ногами, мозолить глаза, окажется в сторонке – там, где настоящее ее место. В центре должны быть дети. Они рождаются для новой, более высокой жизни, для встречи Мошиаха.

«Nèi òi»

Почему мне вообще пришла в голову мысль обсуждать «Бутерброд» с главным раввином Днепропетровска? Фильм этот сделан в Днепропетровске – в еврейской детской студии творческого развития «Симха». Местная продукция. Вообще-то я думал, он видел. А впрочем, что удивительного: еврейский Днепропетровск живет насыщенной жизнью, здесь постоянно что-то происходит, среди прочего и важные события, в том числе в «Симхе», смотреть каждый сделанный здесь детский фильм (благо, их много и все они хороши) раввину нет возможности – и без того дел хватает.

Слово «Симха» в переводе с иврита означает «радость». Хорошее название, точное, не истертое бесконечными повторениями. В «Симхе» дети занимаются изобразительным искусством, литературой, музыкой, снимают кино, не только анимацию, – такой эстетический синтез. У рава Шмуэла пять дочерей: Иудис, Мушка, Риша, Ривка и Сара. И сынок Рувен. Все девочки Каминецкие – участницы программ «Симхи». Рувен – потенциальный участник. Перед визитом к раввину я случайно попал на репетицию кукольного спектакля. Какая-то там коза-дереза. Артисты – самые маленькие. Одна из девочек – Сара Каминецкая. Вы ведь к раввину собираетесь? Это его младшенькая. Дети радуются, для них и репетиция, и будущий спектакль – море удовольствия, девочки хохочут.

«Симха» издает книжки с рассказами маленьких детей, подростков, взрослых. Снимается оппозиция: творцы культуры – потребители культуры. Дети приобретают навыки и охоту к творчеству в самых разнообразных его проявлениях. Снимается оппозиция: дети (подростки) – родители, они все вместе, все под одной обложкой. Естественно, я стал искать рассказы сестричек Каминецких. Нашел. Вот самый коротенький рассказик Мушки, когда ей было три года и семь месяцев.

Nāñòdè:-èà Dèòà òí àèà á àáí í ó-

í òyi í á í èæàì á!

À ý òí òí òí í í èòí à è à ñí

è è à è à á è òí à à ò ù í í ñ ò ù

Í í ò í í ò ñ ò è à ñí è à ñ à ý í è í ñ è í ù è í.

В àí à á è à è à í à è è ò ó, à í à è è ò á à è ý ð... ý!

В ò à ñ í í ñ ò ò í è è à à ñ í è è!

Педагогам «Симхи» пришлось потрудиться: маленькие дети, естественно, не пишут – они наговаривают на магнитофон, и потом кто-то (понятно кто) должен превратить их речь в текст.

Общению с магнитофоном предшествует работа, дети готовятся, но они знают: взрослые от них ничего не требуют, не выставляют никаких ограничений – дети вольны в своей фантазии, в «Симхе» принято стимулировать свободу и фантазию.

А вот еще один участник проекта – Аня Гомерова. Она написала свой текст, когда ей было пятнадцать.

Áíáíðýò, áñí áíðíæ áááò á Ðèí.

Éàò ñáí ùí áçää ý òíæèà íí áíðíáí

éí òíðáý ááèà é ðáèá

Í á áíðíáý áí ááðáá, íí á íáðíáæáñí

Í áðíá ýòí ò áúé æúáíèèé, òáí íúé,

à í à áá ñ èí á ñèéí í á

ðíñè í áèèèá, èàè áéíáð,

÷óò ù ðí çí áò ù á

çíéí ò èñò ù á í ò í ò áéáñéí á èó: áé ñ èí ò á ò ááò ù.

ÀÍΒ, ΒÍÀ, ÄÀÍΒ

В «Симхе» давняя традиция создания детских анимационных фильмов. Их сняты десятки. Практически все они удостоились дипломов и призов разнообразных фестивалей, в том числе и международных.

«Бутерброд» сделали четверо подростков: тринадцатилетние (тогда) Вита Канаровская и Яна Пастернак, четырнадцатилетние – Аня Гомерова и Даня Полевой. С тех пор прошло два года.

Сначала я познакомился с Яной, Аней и Даней. Славные ребята, прекрасное сочетание живости и серьезности. В какой-то момент я поймал себя на мысли, что обо всем (что мне нужно) уже поговорили, а я тяну время, потому что мне приятно с ними поболтать, просто посидеть рядом. Аня учится в техникуме, Яна и Даня кончают десятый класс. Даня учится в еврейской школе. Яна хочет стать хирургом, Даня хочет сделать создание анимационных фильмов своей профессией. Диплом ВГИКа, полученный за «Бутерброд» на фестивале «Золотая рыбка-2001», дает ему право поступления без экзаменов.

Аня с Яной нарисовали собачку и скрипача, Даня – женщину с выразительно выпуклым бедром. Одея – да, скромно (раввин прав). Но стильно. «Дамочка».

Они не видят в «Бутерброде» ничего такого особенного, что хотя бы в какой-то мере оправдывало мой интерес. Они отвечают мне с оттенком вежливого недоумения. Фильм в ряду многих ими сделанных. Потом было несколько технически более сложных и тоже удостоенных фестивальных наград. Естественно: возрастание мастерства, новый опыт, новые знания, новые идеи – они же растут, во всех отношениях растут, занимаются регулярно – результат на экране. Вообще они рассматривают «Бутерброд» как своего рода экзерсис.

О чем фильм? О доброте. О доброте? Ну да, почему вы удивляетесь? Конечно, о доброте. О взаимоотношениях между людьми, о том, что кто-то должен быть рядом и помочь ближнему, когда ему плохо. Тетенька пожалела старичка и собачку: они печальны и одиноки, о них некому позаботиться – вот она их пожалела и накормила бутербродом. Но дело не только в еде: женщина – это тепло, в котором бедный одинокий старичок и собачка нуждаются не меньше, чем в еде.

Я камин затоплю, буду пить. Хорошо бы собаку купить. Купил – не помогает.

«Тетенька» и «старичок» – рабочие названия персонажей. «Тетеньку» стали называть потом «дамочкой». Понятно, что ребеночек, отсутствие которого вызывает мое недоумение, просто не мог прийти им в голову. При чем тут ребенок?! Грустный старый холостяк и добрая тетенька связаны только бутербродом, да и не бывает у старичков детей. Разве что внуки.

Скрипач – старичок?! Раввин ведь тоже этого не увидел. Надо смотреть другими глазами. Но у каждого из нас свои глаза. Неужели всё дело в возрасте?

Хорошо, а кто всё это придумал? Да никто. Само получилось. Пятна Вита поставила. Посмотрели: вроде как похоже на собаку – сделали собаку. Потом старичка и дамочку. Теперь действие нужно. А его нет. Думали-думали, ничего в голову не приходит – обратились к Васе. Он придумал бутерброд. А название кто придумал? Тоже Вася!

Так мы мило и прекрасно беседовали, а потом Аня засмеялась: «Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда!» Какая, однако, не по годам рассудительность. Посрамление Фрейда. А как же тогда: мне изюм нейдет на ум, бутерброд не лезет в рот, пастила нехороша без тебя, моя душа? Ладно, не бутерброд – цукерброд. Какая разница! Смысл от этого не меняется. Или меняется? Вася спрашивает: что есть смысл?

В сущности, они ни на что не претендовали. Сделанный ими фильм совершенно случайно оказался чем-то куда большим, чем они сами предполагали. Так редко, но бывает (чаще наоборот). «Бутерброд» давно уже отделился от своих создателей. Они могут рассказать, что хотели сделать, и это важно, но в части понимания сделанного сегодня они такие же зрители, как все прочие, у них нет привилегий.

Существенная черта гениального – способность впитывать и продуцировать новые смыслы в зависимости от контекста. Я вовсе не хочу сказать, что «Бутерброд» – гениальный фильм. Но этим качеством он очевидным образом обладает. Чем кардинально отличается от других сделанных ими фильмов – в рамках поставленных задач тоже очень хороших, о чем и свидетельствуют полученные фестивальные награды.

ААÑВ

В титрах, равно как и в фильмографической справке, среди авторов фильмов, сделанных в «Симхе», вы не найдете взрослых. Это принцип. Крайняя щепетильность Юры. Зрители вправе знать, кто работал с детьми, без кого фильм вообще не состоялся бы, – это я так думаю. Юра так не считает. Васе Срыбному, инструктору фильма «Бутерброд», было во время съемок неполных двадцать четыре. Именно он решал с ребятами все технические вопросы, занимался звукоорядом.

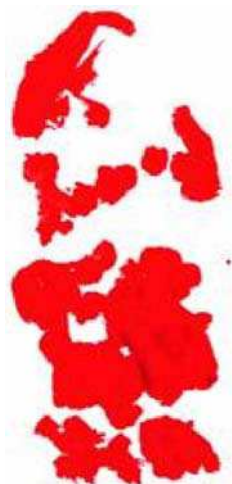
– Музыка, которую я нашел, – длинная средняя часть Второго скрипичного концерта Прокофьева – отказалась заканчиваться вместе с нашим коротким зрительным рядом, ей неожиданно досталась роль, которую можно определить как манифестация бесконечности. Но такое понимание совершенно необходимо. Это уже моя рефлексия, в замысле ничего такого не было. Сюжет возник случайно и спонтанно. Как, впрочем, и всё остальное в этом фильме. Может, вся прелесть его в необязательности и неимперативности.

– А скрипача кто озвучивал?

– Франк Петер Циммерман с Берлинским филармоническим оркестром.

За спиной у Васи теоретический факультет музыкального училища.

– И сам бутерброд, и название – это не я, это Юрий Евсеевич. Название вообще возникло в самом конце, когда фильм был уже готов. Первый вариант действительно мой: «Музыка». Скрипач есть? Есть. Играет? Играет. Естественно, «Музыка». Юрий Евсеевич сказал: «Претенциозно. Непропорционально масштабу нашего скромного фильма». Правильно. Я ухмыльнулся и без сожаления променял искусство муз на хлеб с маслом.

Вася единственный человек из причастных к «Бутерброду», с которым мне удалось свести только лишь виртуальное знакомство. Иное было бы затруднительно: живет он сейчас не в Днепропетровске – в Шанхае. Мы сообщаемся посредством электронной почты.

Стоксовавшийся по русскому языку, Вася написал мне несколько длиннющих писем. «Dolzhen skasat' Vam spasibo sa vosmozhnost' pogovorit' po-russki – na l'ubu'u temu». Бедный парень! У него нет драйвера с кириллицей, и он вынужден тюкать на латинице. Способ, пригодный для записок, но никак не для обстоятельных писем. Мне и читать-то сложно – глаз сломаешь! Сколько ж он времени потратил!

Сразу после завершения «Бутерброда» Вася уехал на стажировку в Китай. Четыре года учебы в Днепропетровском национальном университете. Факультет сравнительной филологии. Китайский язык. Разносторонний молодой человек. В Шанхае случайно упомянул, что занимался детской анимацией – и сразу же получил предложение поработать в частной школе. Стажировка затянулась. «Работаю “Юрием Евсеевичем”». Планирует остаться еще на год-два. В отличие от России и Украины, в Китае, во всяком случае в Шанхае, детская анимация кормит.

Полжизни Вася занимался анимацией: мальчишкой начал. Учителя из «Симхи» не только технике его научили. По возвращении хочет, по их примеру, заняться педагогической деятельностью и параллельно учиться: философии или китайской эстетике – не решил еще. Сколько учился – не надоело!

Теперь о «Бутерброде». В избранных фрагментах.

«Попытайтесь представить контраст: долго и нудно елозить по стеклу шестью маленькими бумажками, а потом увидеть, как час с лишним ползанья с ребятами на коленках перед нижним ярусом съемочного стола превратился вдруг в десять секунд неожиданно убедительной жизни на экране».

«Этот фильм – произведение искусства анимационной педагогики». И тут же добавил: «Звучит коряво». Постоянная саморефлексия. Про анимационную педагогику, правда, другими словами скажет потом Юра.

Вася, а о чем фильм?

«В том-то и дело, что обо всем. О чем натюрморт или пейзаж? Даже простенькая жанровая картинка – только ли сюжет там? Тетя принесла дяде-скрипачу бутерброд, и он его съел, и с собакой поделился. Всё! Сюжет исчерпан. А дальше ощущения и ассоциации зрителей.

Собака – неуклюжая, смешная, тети боится, музыку любит, слушает внимательно, пытается танцевать. Тетя – милая, “домашняя”, уютная (только глаз криво нарисован). Дядя – ну кто так играет на скрипке! Даже пальцы не двигаются! Хотя в выражении лица что-то есть. И исчезает он не бесшумно, а с каким-то то ли порывом ветра, то ли всплеском грязи. А! Знаю! Просто его голова была на стекле краской нарисована, они потом эту краску мокрой тряпкой размазали.

Но почему они все вдруг стали исчезать? Почему?! Тетенька – только что появилась, ничего, кроме бутерброда, и вот – на тебе! И это роль женщины! А дальше смотришь и думаешь: эта мазилка их родила, а теперь возникает за спиной, как угроза. Скрипач еще ладно, а вот собачка – такая маленькая, жалкая, и это красное за спиной – как привидение, хотя и похоже на большую собаку. Но и на скрипача похоже. И на женщину. Вот и всё кино. Никакого “смысла”.

Зачем собака? Зачем скрипка? Зачем бутерброд? Ну, бутерброд – чтобы съесть. А скрипка? Чтобы слушать? А собака? Предмет или персонаж? Если персонаж, – с людьми, что ли, наравне? Похоже, да: из той же самой мазилки. Да кто это вообще выдумал – мазню в рамки вставлять?! Да еще гадать о смысле!

Что есть смысл?»

Хороший вопрос. Вася в Шанхае буддизмом заинтересовался.

Скрипач-то всё-таки, выходит, «дядя», а не «старичок». И «тетя» – женщина. И роль ее гендерная одним только кормлением возмутительно урезана. Мы единомышленники, Вася! Я думаю точно так же! Аня, Яна и Даня по молодости заблуждаются.

Правда, полноты ради стоит упомянуть давнюю комментаторскую традицию, согласно которой хлеб в некоторых случаях рассматривается как эвфемизм постели. Просто хлеб – а у нас ведь нечто лучшее: хлеб с маслом! В таком случае роль женщины если и пострадала, то не так кардинально, как полагает Вася с единомышленниками.

Сказано о господине <Йосефа>, что «поставил его (Йосефа) над домом своим <...> и оставил он всё, что у него, в руках Йосефа, и не знал при нем ничего, кроме хлеба, который ел» (Брейшис, 39:4,6). Комментаторы говорят: хлеб – это жена. Контекст дает основания для такого понимания. Сразу после приведенных слов говорится: «И был Йосеф красив станом и красив видом <...> Жена господина его подняла глаза и сказала: ляг со мной» (Брейшис, 39:6,7). Она предлагает Йосефу разделить с господином «хлеб» – единственное в доме, что тот оставил только для себя.

До того, как несколько лет назад она включилась в общинные программы, она была замкнута в четырех стенах – одна со своим горем. Как жила – непонятно.

Тоня получает две пенсии: свою (по возрасту, льготную) и Виты. Плюс алименты. Всё вместе очень небольшая сумма. А ведь Вите, помимо всего прочего, нужны лекарства. Дважды в год Тоня получает бесплатно ортопедические ботинки для Виты, но на полгода пары не хватает.

Они живут на третьем этаже. Подняться, спуститься – большой процесс. «Лестница – наш тренажер». Во дворе Вита может немножко походить с ходунками и посидеть на лавочке. Жара. Мусор не вывозят. Запах гниения отравляет воздух. Особенно не посидишь.

Лет десять назад встретили на лестнице соседку с дочкой – ровесницей Виты. Соседка говорит дочке: «Что ж ты со своей подружкой не поздороваешься?» – «Она мне не подружка – она говорить не умеет». Ровесницы Виты с мальчиками в обнимку ходят. Раньше, если она падала, я могла ее удержать. Теперь нет: если упадет, упадем вместе. Вита растет, становится тяжелее. Что будет дальше?

Когда Вите исполнится шестнадцать, детские программы для нее закроются. Больше не приедет машина и не повезет на занятия. Для взрослых таких программ нет. Вита и Тоня опять останутся наедине друг с другом. Людям свойственно инстинктивно отстраняться от страдания. Мама раньше помогала, а теперь сама нуждается в уходе.

Они с Витой ждали этот фильм. Когда же наконец?! Смотрели вместе несколько раз. Тоня хотела бы смотреть чаще, но у нее нет видеомэгафона. Вита любит телевизор, но она не переносит насилия, крови, смерти. Как уследить – вышла на кухню, а стали вот что показывать. Вита плачет, зовет маму. Тоня выключает телевизор.

О чем «Бутерброд»? О доброте. Тоня особенно не задумывается, просто машинально повторяет то, что уже говорила или слышала. Для нее это совершенно неважно. Важно, что пятна поставила Вита, что она была рада поставить эти пятна, она вообще любит рисовать. Вот эти пятна на экране. Вот они оживают. Собачка, скрипач, женщина, бутерброд – и всё это из пятен, которые поставила Вита. Вита рада – и Тоня рада. Содержание? Г-споди, да какое всё это имеет значение!

Рав Шмуэл: «У девочки, которая поставила эти пятна, наверняка есть собака. Узнайте, наверняка есть. Она просто нарисовала собаку, хотя и очень условно».

У Виты нет собаки. А если бы и была, сама она не в состоянии нарисовать ничего, кроме случайных абстракций. Юра помогал ей, держал ее руку. Как вышло, так и вышло. И цвет случаен. Вите нравится процесс. Ей нравятся красочные пятна, спонтанно возникающие под ее рукой. На этот раз действительно оказалось похоже на собаку.

Юра: «Что-то было у нее с собакой. Одно время постоянно о собаке говорила, просила ее рисовать. А может, это случайное впечатление. Надо посмотреть в старых записях. Но я уверен, что образы, обнаруженные здоровыми детьми в абстракциях детей с церебральным параличом, там изначально заложены. У таких детей особое видение мира, свой выразительный художественный язык, который может стать их вкладом в культуру».

Я говорю: «Вита, ты очень хорошо рисуешь. Я смотрел фильм, в котором был твой рисунок, он мне очень понравился. Я был очень рад с тобой познакомиться». Слова какие-то деревянные.

Я беру в свои ладони ее мягкую теплую безвольную руку. «До свиданья, Вита». Она произносит что-то неразборчивое. Тоня переводит: «Она приглашает вас в гости». – «Спасибо, Вита, я приду обязательно». Мы прощаемся с Тоней. Больше мы никогда не увидимся. Разве что в другой жизни. Кто знает, с кем мы увидимся в другой жизни.

РД

Использовать рисунки больных детей в анимационных фильмах здоровых детей придумал Юрий Евсеевич Красный – красивый (впрочем, «красный» ведь и значит «красивый»), седой, печальный человек – методист «Симхи», педагог, художественный руководитель всех снимающихся здесь детских фильмов, автор многих проектов центра, любимый ребятами и коллегами.

Уважение к нему безгранично. Однажды Иудис Каминецкая в своей школе с гордостью сказала: «Я учусь у профессора Красного». Фраза, ставшая неотъемлемой частью здешней смеховой клубной субкультуры. Формальных степеней у Юры нет. Тем не менее Иудис права: конечно, профессор! Вместе с директором «Симхи», Линой Курдюковой, им удалось создать захватывающее пространство творчества, дружества и свободы, влияние которого распространяется за пределы «Симхи», за пределы еврейской общины, за пределы города и страны.

Юра активно занимается арт-терапией детей с церебральным параличом. Это происходит уже не в «Симхе», а на другой общинной площадке. «Экспериментальный курс творческого развития детей со специальными потребностями». «Больных детей» говорить не принято – на профессиональной мове это «дети СП» (со специальными потребностями).

Мы живем в мире слов. Они не больные – просто у них специальные потребности.

«Арт – всегда терапия». Название одной из статей Юры. Всегда лекарство, за исключением тех случаев, когда вгоняет в болезнь. Исключение не для Юры. Даже в голову прийти не может. Немыслимо. За пределами его опыта. Всегда терапия. Для него – всегда. Естественное следствие благородства установки и вытекающей из нее жизненной практики. Но раз терапия, значит, больные?

Я был на его занятиях. Видел, как радовались дети, как улыбались неулыбчивые мамы. Совсем другое качество жизни. Дети СП считают его своим другом. Впрочем, обычные дети считают так же. Это правда: у него талант быть другом. У Юры есть целый каталог приемов занятий искусством с детьми СП. Десятки приемов работы. Стройная концепция объединенной работы больных и здоровых детей.

Юра отбирает абстракции детей-инвалидов и обсуждает их со своими подопечными из «Симхи». Рассказывает об этих детях, об их проблемах, показывает фотографии. Подумайте, что вы видите на рисунках, что можно из них извлечь, во что превратить? Одним из таких рисунков как раз и был рисунок Виты. Ребята сразу увидели в нем собаку.

– Нет, что вы, я с вами не согласен. Детский фильм – и такой сущностный пессимизм. Это невозможно, да и нет этого.

– А что есть? Как в таком случае это всё понимать?

– Жизнь проста, грустна и прекрасна. Человек и природа (собака) имеют один общий источник, обладают подлинным родством. Музыка и еда – питают. Финальное исчезновение не смерть – это возвращение к первым кадрам творения.

– Вася сказал, что и сам бутерброд, и название вы придумали.

– Я? У меня это в памяти как-то совершенно не отложилось. Названия часто возникают сами собой, в процессе работы меняются.

– Говорят, сценария не было?

– Написанного действительно не было. Сначала была абстракция Виты. Ребята увидели в ней собаку, скрипача, женщину. Нарисовали. Мы стали обсуждать, каким образом эти персонажи могут взаимодействовать. Самое простое: играть – слушать – танцевать, кормить – есть. Из этой простоты и выросла, вероятно, архетипика картины, ее красивая и грустная вечность. Исходная картинка Виты, переживание ребятами ее судьбы – вот что всё определило. Удачный состав съемочной группы: все трое очень талантливы. И Вася, конечно: не зря же он был первым и, кажется единственным стипендиатом «Новых имен» в искусстве анимации!

– Специалисты «Бутерброд» видели?

– Тонино Гуэрра, Моник Рено, Николь Саломон, Андрей Хржановский^[2] – я называю самых именитых.

– Впечатляющий ряд. И что они?

– Отзывы восторженные. Я несколько не преувеличиваю. Конечно, я рад – еще бы! И всё же основная наша продукция не фильмы, как бы хороши они ни были, каких бы похвал и призов ни удостоивались; наша продукция – дети, их развитие, их личностный рост.

ΔΑΪ ΟΙ ΟΥΞ

Утром я выхожу из гостиницы, иду по набережной, перехожу по мосту на Монастырский остров – на пляж. Тоня Канаровская была здесь в последний раз лет шестнадцать назад, а может, еще раньше. Вита не была никогда. И никогда не будет.

Я плыву брассом туда, куда долетает редкая птица.

Вита водит рукой по бумаге, пальцы ее намазаны краской. Юра поддерживает ее руку.

Яна, Даня и Аня обсуждают фильм, который им еще только предстоит создать.

Какая она мне подруга – она говорить не умеет.

Я выбежала на улицу, а на улице гуляю... я!

В театре, в двух шагах от «Симхи», вручают премии лауреатам регионального театрального фестиваля «Січеславна». Приподнятое настроение зала, музыка, цветы, красивые женщины в вечерних туалетах.

Искусство делает людей равными?

Дети рождаются для новой, более высокой жизни, для встречи Мошиаха.

Раньше, когда она падала, я могла ее удержать.

Я шла по дороге, которая вела к реке. Не доходя до берега, она обрывалась. Обрыв был глубокий и темный.

Сарра выставляет над занавесом куклу козы-дерезы и (смешливая девочка!) хохочет, не в силах сдержаться.

ВРЕМЕНА И ПРАВЫ

(ÁÁÐÁËÑËËËË ËÎÑÒÐÌ Ì ÌËÍÓÁØØËÕ ÑÒÏËÁØËË)

Марина Баст

История еврейского костюма XIX и начала XX веков – это история не только заимствований, это история «Гаскалы», просветительского движения, с которым так или иначе связано бытие еврейских общин той эпохи. Это история запретов на ношение национальной одежды, на соблюдение национальных религиозных обычаев.

Весь строй жизни еврейских местечек (штетлов) и одежда обитателей регламентировалась строгими предписаниями иудаизма. Но еврейский костюм – это в чем-то и костюм той области или страны, где жили евреи: двухтысячелетняя миграция накладывала отпечаток на внешний вид людей. Из действительно традиционной одежды в результате остался лишь талис, надеваемый во время молитвы, в праздники и по субботам.

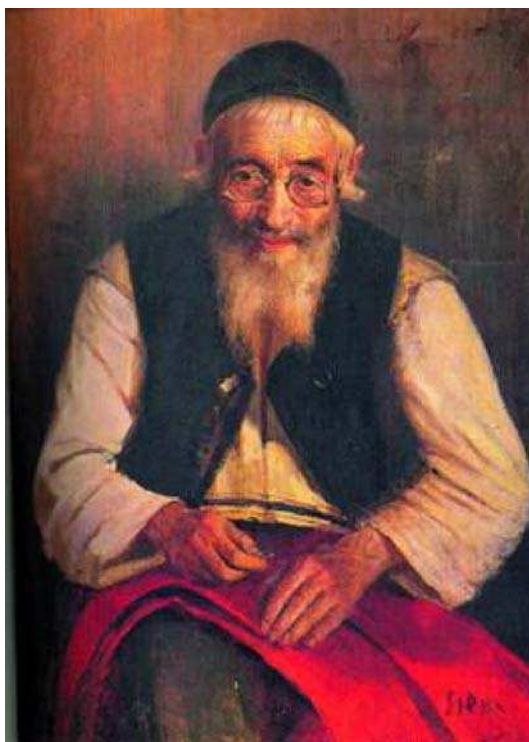

Ááááðñëëë êîñòðì XVIII á

Ñëááá Ëáí ïáðááë

Тяжелая и однообразная жизнь штетлов менялась только с наступлением праздников. Именно в праздники религиозные предписания выполнялись особенно строго. Одежда местечек – это прежде всего одежда бедноты. Она заншивалась до такой степени, что первоначальный ее вид и фасон было трудно определить. И хотя основные элементы одежды и всего внешнего облика были общепринятыми, имелись отличия. Мужчины носили бороды и пейсы (длинные локоны на висках). Сказано же в Писании: «Они не должны брить головы своей и подстригать края бороды своей и делать нарезы на теле своем» (Левит, 21: 5). Следование заветам говорило о связи с Б-гом, о верности Ему. «Чтобы вы помнили и исполняли все заповеди Мои и были святы перед Б-гом вашим...» (Числа, 15:40). Голову мужчины непременно покрывала черная ермолка (кипа). Кипа на иврите – это «купол». Ермолки бывали двух видов: с плоским дном и невысокой, до 10–12 сантиметров, тульей и плоские, сшитые из клиньев. Кипа часто шилась из бархата, но могла быть изготовлена из любой другой ткани. Могла быть вышита золотой нитью по краю. Ношение кипы вменялось в обязанность со времен Средневековья. Поверх кипы надевали обычные головные уборы. По свидетельству П. Венгеровой, оставившей на редкость красочные и подробные «бытовые» воспоминания, в 1830–1840-х годах головным убором бедняков в будни была шапка с боковыми клапанами. В теплое время года они обычно поднимались вверх, а зимой опускались на уши. Надо лбом и по бокам такой шапки нашивались треугольники из меха. Шапка, неизвестно, почему, называлась «лоскутной»; быть может, из-за клапанов. Возможно, ее название – лаппенмютце – говорит о том, что она впервые появилась в Лапландии, где носят похожие шапки. По крайней мере, в «Воспоминаниях бабушки» Венгеровой об этом говорится.

Самые распространенные мужские головные уборы в штетлах во второй половине XIX столетия – картуз и шляпа с широкими полями. К концу века евреи нередко носили котелки, а особо состоятельные люди ходили даже в цилиндрах. Одежда была связана с сословными разграничениями. Ученые – толкователи Торы – принадлежали к наименее обеспеченной части населения местечек. Абрам Паперна, поэт, педагог, литературовед, пишет в своих мемуарах: «Одевались они (толкователи) в отличие от плебеев, в черные сатиновые или китаевые с бархатными воротниками зипуны и в меховые с бархатным верхом шапки (штраймели). Зипуны и штраймели (штроймл – в другой транскрипции) бывали часто ветхие, перешедшие в наследство от предков». Меховые шапки подобного рода составляли элемент национального костюма баварских крестьян XVIII века. Вообще многие детали еврейского костюма XIX века сильно напоминают немецкую одежду предыдущего столетия. Тут и меховые шапки различных фасонов, и женский платок, накинутый на плечи и перекрещенный на груди.

Ἐσθήτα Ἰσραήλ.

«Ἴσθῆς Ἰσραήλ».

Особо важной с религиозной точки зрения частью мужской одежды испокон веку считался талис. Талис представлял собой прямоугольный кусок шерстяной ткани белого цвета с черными полосами по краям и кистями. Его надевали во время молитвы или в праздничные дни.

«И сказал Г-сподь Моисею, говоря: “Объяви сынам Израилевым и скажи им, чтобы они делали себе кисти на краях одежд своих... и в кисти, которые на краях, вставляли нити из голубой шерсти. И будут они в кистях у вас для того, чтобы вы, смотря на них, вспоминали все заповеди Г-сподни”» (Числа, гл. 15).

Так называемый малый талис – это также прямоугольник с кистями по краям, но с отверстием для головы и не сшитый по бокам. Как правило, его надевали под рубашу. Впрочем, на картинах Иегуды Пена, учителя Шагала, мы видим малый талис, надетый под жилет. Ношение малого талиса свидетельствовало о том, что человек чтит священные заповеди не только во время молитвы, но и в течение всего дня.

Влияние традиций местного населения, рядом с которым на данный момент проживали евреи, на одежду было очевидным. Об этом вспоминает и П. Венгерова. «Мужчины носили белую рубашку с рукавами, которые завязывались тесемками. У горла рубашка переходила в нечто вроде отложного воротника, но он не крахмалился и не имел подкладки. И у горла рубашка тоже завязывалась белыми тесемками. (Подобный покрой рубашки присущ литовскому национальному костюму. – М. Б.) Способу завязывания тесемок уделялось особое внимание, особый шик был и в выборе материала для этих тесемок,

напоминавших галстук. Даже пожилые мужчины из состоятельных семейств часто проявляли осторожное кокетство в завязывании этих бантиков. Только потом появились черные шейные платки. Но в семьях, где придавали значение традиции, шейные платки отвергались. Штаны доходили до колен и тоже зашнуровывались тесемками. Чулки белого цвета были довольно длинными. Обувались в низкие кожаные башмаки без каблуков. Дома носили не сюртук, а длинный халат из дорогой шерстяной материи. Люди победнее одевали по будням халат из полуситца, а по праздникам – из плотной шерсти, а совсем бедные надевали летом халат из нанки, хлопчатобумажного материала в узкую синюю полосу, а зимой из плотного серого материала. Этот халат был очень длинным, почти до земли. Однако костюм был бы неполным без пояса вокруг бедер. С ним обращались с особой бережностью; ведь он считался исполнением религиозной заповеди, поскольку символически отделял верхнюю часть тела от нижней, осуществляющей скорее нечистые функции. Даже мужчины низшего сословия надевали по праздникам шелковый пояс».

Ві І аоаеа

І ааеаа ааааа XVIII а

Повседневная одежда евреев второй половины XIX века уже мало отличалась от того, что носили остальные мужчины в Российской империи. Достаточно посмотреть рисунки И. С. Щедровского, В. Ф. Тимма или провинциальный купеческий портрет; там присутствуют те же бекешы (род сюртука на вате с меховым воротником), те же картузы, жилеты. Ремесленники и торговцы (основные профессии жителей местечек), как правило, носили рубахи навыпуск, заправленные в сапоги штаны, жилеты и картузы. Короткие штаны, заправленные в высокие белые чулки до колен, и туфли характерны были для более ортодоксальной в религиозном смысле части еврейского населения. Популярен был лапсердак – верхняя одежда с отворотами, отрезная в талии, как правило, на подкладке, с длинными полами, достигавшими середины икры, а часто и щиколотки. Интересно, что лапсердак по форме в точности повторял форму редингота первой четверти XVIII века. То, что Венгерова называет халатом, было, по сути, бекешей. Долгое время жители местечек носили длинные сюртуки. Одеваясь согласно общепринятой моде, люди использовали по преимуществу самые дешевые ткани – люстрин, китайку, нанку. Упоминания об этом во множестве имеются у Шолом-Алейхема.

Ī ēāū-āāēēŷ.

Āōāāpōā XVIII ā

Царские запреты на ношение национальной одежды всякий раз оказывали сильнейшее влияние на внешний вид евреев. У А. Паперны процитирован один такой документ: «Строжайше предписывается евреям одеваться в немецкое платье и запрещается носить бороду и пейсы; женщинам воспрещается брить головы и закрывать таковые париком». Автор книги «Из Николаевской эпохи. Евреи в России» А. Паперна пишет: «Впервые ограничение на традиционную одежду было введено в России в 1804 году. Долгое время это положение в черте оседлости практически не соблюдалось, хотя и неоднократно подтверждалось в законодательном порядке. В 1830–1850 гг. ношение национальной одежды каралось значительными штрафами». Штраф на ношение парика достигал 5 рублей, что в то время составляло значительную сумму. Насколько значительной была эта сумма, можно понять, сравнив с ней цены на продукты: индейка стоила 15 копеек, гусь – 30 копеек, крупный петух – 30 копеек. Ф. Кандель в «Очерках времен и событий» продолжает эту тему: «В 1844 году налог ввели уже не на шитье, а за ношение еврейской одежды. В каждой губернии устанавливали свои цены, и в Вильно, к примеру, брали с купцов первой гильдии по пятьдесят рублей в год за право сохранить традиционный костюм, с мещан по десять рублей, а с ремесленников – по пять. За одну только ермолку на голове полагалось с каждого еврея от трех до пяти рублей серебром».

Однако тенденция следования общегородской российской моде к концу XIX столетия усилилась. Это было обусловлено проникновением в еврейскую среду просветительских идей. «Поначалу это было лишь внешнее подражание, – уточняет тот же Ф. Кандель, – и в начале XIX века в Варшаве появились “берлинеры” (последователи “Гаскалы”, что шло из Берлина, первый период “Гаскалы” начался в Пруссии во второй половине XVIII века), которые переменой одежды и внешнего облика старались искоренить в себе “отличительные признаки”. Они разговаривали по-немецки или по-польски, брили бороды, стригли пейсы, носили короткие немецкие сюртуки и, конечно же, выделялись на еврейских улицах среди варшавских хасидов в их длинных, до пят, одеждах. Правовверные евреи единодушно ненавидели этих явных еретиков – “апикорейсов” за грубое нарушение вековых традиций».

איידעס און אידעס

Евреи, выезжавшие по делам коммерции в другие города, одевались уже по европейской моде и брились, что не мешало им сохранять верность традициям. «До сих пор я не забыл странной его фигуры, – вспоминает А. Паперна, – толстяк с большим животом, с бритым подбородком, одетый в короткий сюртук, под которым виднелся традиционный нагрудник с “нитем видения” (талис котн)». Надо сказать, что внешний вид этих людей вызывал поначалу яростное возмущение обывателей. А. И. Паперна пишет: «Отец, вращаясь в Белостоке среди прогрессивных людей и побывав за границей, где имел возможность ознакомиться с культурой немецких евреев, изменился в своих взглядах на многое в еврейской жизни, и эта внутренняя перемена получила внешнее выражение в его немецкой одежде, и эта-то одежда его произвела в Копыле страшный переполох... Он был щегольски одет в короткий сюртук и длинные штаны; борода была подстрижена, и длинные белокурые волосы ниспадали на шею завитыми в локоны. Встречные подходили к нему близко, всматривались ему в лицо – и уходили прочь, делая вид, точно не узнают его». Старики донашивали прежнее платье, популярное во времена их молодости. У Шолом-Алейхема в «Касриловских погорельцах» имеется любопытное описание: «Одет он был по-субботному: в шелковой шуршашей накидке без рукавов, надетой на старый, но атласный посекавшийся кафтан, в меховой шапке, в чулках и башмаках». Подобные накидки носили в Польше в XVI веке, но схожие одеяния (крылатки) существовали и в европейской моде в 30-х годах XIX века.

Ян Матейка. Одежда евреев Польши

XVII в.

Вековые установки считались непреложными для женской одежды. Например, ношение париков. Женщина, выходя замуж, покрывала голову париком. Однако в конце XIX столетия, видимо из-за штрафов, парики стали заменять платками, кружевными или шелковыми шалями. Платок подвязывали под подбородком, иногда оставляя открытыми уши. Вместо парика в 1830-х годах носили некую накладку, сделанную из ткани под цвет волос, носили под чепцом, о чем есть упоминание в «Очерках кавалерийской жизни» В. Крестовского: «До тех пор она, как добрая старозаконная еврейка, за неимением парика прятала свои седые волосы под старенькую накладку из порыжелого от лет, некогда черного атласа с прошитой посередине бороздкой пробора и поверх этой накладки натягивала тюлевый чепец с широкими бантами и пунцовыми розами». У Шолом-Алейхема в романе «Степпеню» героиня изображена следующим образом: «Рохеле уже была повязана и разодета по последней моде местного дамского портного. На ней было шелковое платье небесно-голубого цвета с белыми кружевами и широкими рукавами, какие тогда носили в Маденовке, где мода обычно запаздывает на несколько лет. Сквозь накинутый на голову ажурный шелковый платок просвечивали повойник и косы... правда, чужие косы; ее собственные белокурые волосы уже давно острижены, запрятаны от людских глаз навсегда, навеки. Затем она нацепила на себя, как водится, весь набор приличествующих случаю украшений: несколько ниток жемчуга, длинную золотую цепочку, брошь, браслеты, перстни, серьги».

Ėėėėđđđđ.

Īā-āēĪ XX ā

Здесь имеется некоторое расхождение с общепринятой модой и светскими правилами. Однако нельзя забывать, что в штетлах были свои законы. Один из них гласил: «Муж должен одеваться ниже своих возможностей, детей одевать сообразно своим возможностям, а жену одевать выше своих возможностей». Этим и объясняется неперенное обилие украшений на женщинах, ибо по их внешнему виду судили о благосостоянии семьи.

Интересно, что в XVI и XVII веках Ваад (общееврейский сейм Польши и Литвы) специальными постановлениями не единожды запрещал излишнюю роскошь в одеждах евреев, дабы те не выделялись среди местного населения. «Следует отметить, что борьбу против роскоши еврейских костюмов вели и лучшие представители еврейских общин того времени, – говорится у С. Дубнова, одного из авторов “Истории еврейского народа”. – Краковский кагал издал в 1595 году ряд правил относительно упрощения одежды и устранения роскоши, особенно в женских костюмах, установив денежный штраф за нарушение этих правил. Но регламентация не имела успеха». Вообще кагалные власти и ваады, по данным, опубликованным в той же «Истории еврейского народа», повсеместно энергично боролись против роскоши в одежде; в общины даже отряжались особые посланцы – в целях недопущения дорогих платьев, особенно из материй с нитями из золота и серебра, и собольих шапок. Сохранившиеся пинкосы (протокольные книги) отдельных общин (Опатова, Водзишава, Бирж) свидетельствуют, что кагал через каждые несколько лет издавал, под угрозой отлучения, постановления против роскоши в одежде, которая «разоряет общины и отдельных лиц, вызывает вражду и зависть со стороны иноверцев».

Нельзя не упомянуть еще об одной свадебной традиции: девушка обязательно закрывала лицо вуалью. Объясняется это тем, что перед бракосочетанием жених должен был приподнять вуаль и посмотреть на невесту во избежание ошибки. Ритуал этот уходит корнями в Тору: Якову пообещали, как известно, в жены Рахиль, а отдали Лию. Среди запретов на роскошь в одежде уже в XIX веке существовал и такой: «На свадебной одежде не нашивать на платье никаких кружев. Стоимость верхней одежды жениха, т. е. сюртука и шинели, не должна превышать 20 рублей. Для невесты платье и верхняя накидка не должны быть дороже 25 рублей серебром».

Îòèdîòèà é Dîò à-Oîîà

1914 ãã

В Рош а-Шона полагалось обряжаться в новое или белое, дабы новый год был светлым. У Беллы Шагал в «Горящих огнях» читаем: «Каждый надевает что-нибудь новое: кто светлую шляпу, кто галстук, кто костюм с иголки... мама тоже наряжается в белую шелковую блузку и летит в синагогу с обновленной душой».

Застегивали одежду и мужчины и женщины справа налево. Считалось, что правый борт – символ мудрости – накладывался на левый – символ злого духа – и охранял скромность и праведность женщины. Декольте не поощрялось. Поверх платья обычно надевался передник, который кроме обычного своего назначения считался защитой от дурного глаза. По словам П. Венгеровой, «передник был непреложным требованием полного наряда. Его носили и на улице и, разумеется, во время всех празднеств.

Он был длинным и доходил до подола юбки. Состоятельные женщины покупали на передник пестрый шелковый материал или драгоценный белый батист, вышитый бархатными цветами или расшитый тончайшими узорами золотой нитью. Женщины победнее довольствовались шерстяными тканями или цветными ситцами».

Во второй половине XVIII века среди евреев Белоруссии, Украины, Литвы и Польши широкое распространение получил хасидизм – религиозно-мистическое ответвление иудаизма. Он приобрел огромную популярность среди бедняков. Но раввины традиционного толка (их называли миснагедами) всячески боролись за влияние на паству. Цадики и хасидского, и миснагедского толка по-прежнему регламентировали каждый момент жизни человека. В 50-х годах XIX века А. Паперна писал: «Бобруйский хасидский раввин издал буллу, которою под страхом херима (херим или херем – проклятие, отлучение) воспретил местным еврейкам ношение кринолинов. Горе это еще усилилось завистью к соседкам и подругам миснагедского толка, для которых приказ ребе Гилеля не был обязателен и которые поэтому продолжали щеголять в своих кринолинах». Но и в 1840-х годах миснагеды по-прежнему были решительно против любых модных нововведений...

Īòèdùòèà é Břo à-Oříà

1914 ãã

Во второй половине XIX столетия, в пору просвещения и, стало быть, ассимиляции, богатые женщины независимо от религиозных предписаний, стали одеваться по общеевропейской моде. Она не коснулась штетлов. Уже в 1870-х годах кринолины сменились турнюрами, талия опустилась ниже, видоизменился корсет. Он стал стягивать не только талию, но и бедра. Одежда такого рода, с узкими рукавами, обтягивающим лифом и турнюром встречалась лишь у очень состоятельной части населения, практически отказавшейся от традиций. В целом же женщины предпочитали шить платья по моде 10–20-летней давности. А в начале XX века дамы из богатых еврейских семей уже одеваются, следуя последним парижским «предписаниям»: надевают огромные шляпы, украшенные цветами, лентами бантами и т. п. Белла Шагал не забыла, как в субботу, в праздничный день, наряжалась их кухарка: «Вот она поправила последнюю складку на платье, нацепила шляпу с цветочками и гордой поступью пошла к двери».

Пользовался, однако, популярностью и необычный головной убор, который Шолом-Алейхем называет повойником (на идише – купке). Надевали его замужние женщины в праздник. Состоял он из семи

частей, изготавливался из парчи, был вышит жемчугом, но при этом одна его часть оставалась ничем не украшенной. Считалось, что невозможна полная радость, пока Иерусалимский храм лежит в развалинах. У П. Венгеровой дано более подробное описание повойника: «У богатых он представлял собой существенную часть состояния. Этот головной убор, черная бархатная повязка, сильно напоминал русский кокошник. Край, вырезанный причудливым зигзагом, украшался большими жемчужинами и бриллиантами. Повязку носили на лбу поверх плотно прилегающего чепца, именуемого “копке”. В середине копке крепился бант из тюлевой ленты и цветов. На затылке от уха до уха тянулась кружевная оборка, обшитая поближе к глазам и вискам маленькими бриллиантовыми сережками. Эта драгоценная повязка составляла главную часть женского приданого».

Словом, различия между костюмами евреев и одеждой местного населения в конце XIX века были незначительны. Костюм евреев теперь отличался от одежды коренных жителей лишь тем, что в европейском обиходе он возник на сто лет раньше. Естественно, в 1850–1870-х годах XIX века редингот середины XVIII века выглядел странно, – так же как туфли с чулками и короткими штанами. Одежда евреев середины XIX века, как уже говорилось, напоминает костюм баварских крестьян конца XVIII века. Стремление поддерживать и соблюдать традиции, носить одежду отцов и породило некоторую архаичность в одежде. В конце же XIX – начале XX века евреи местечек одевались согласно общей моде. Лапсердак, к примеру, сменился длинным, почти до колен, сюртуком. Тем не менее эти традиционные лапсердаки, шляпы с высокими тульями, шапки «штраймл» можно и сегодня увидеть на хасидах. Любопытно: нынешние ортодоксальные евреи зачастую надевают длинные сюртуки вместо лапсердаков или черные плащи, покроем напоминающие моду 1960-х... Традиции сохраняются, преломляясь иногда самым странным образом и, уступая новизне, увековечивают порой седую древность.

ЕВГЕНИЯ КАЦЕВА

(О ВОЙНЕ, О ГЕРМАНИИ, О НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И О ТАЮЩИХ НАДЕЖДАХ)

Ведет беседу Александр Рапопорт

Евгения Александровна Кацева родилась в Белоруссии, в местечке Краснопольск под Гомелем. Ребенком работала в колхозе. До переезда в Ворошиловград и поступления в русскую школу разговаривала только на идише. В августе 1941 года досрочно окончила филологический факультет Ленинградского университета. С ноября 1941 года по апрель 1946 года была матросом Балтийского флота. Затем, до 1949 года, «культурофицером» в Советской военной зоне в Германии. После возвращения в СССР работала в журналах «Новый мир», «Вопросы литературы», «Знамя», переводила ведущих немецкоязычных писателей XX века. Занималась подготовкой и составлением изданий многих авторов. Член российского ПЕН-клуба. Автор книги мемуаров «Мой личный военный трофей» (Радуга, М., 2002).

– Евгения Александровна, в книге воспоминаний «Мой личный военный трофей» вы пишете, что начало войны встретили студенткой Ленинградского университета. Чем занималась университетская команда противовоздушной обороны, в которой вы были политруком? Как происходило наблюдение?

– Университет в начале войны переехал в Саратов. Я из Ленинграда уезжать не хотела, всё ждала, может, придет письмо, известие какое-нибудь от мужа – он был на фронте, на Брянском направлении. Я осталась, чтобы не потерять с ним связь. Жила в общежитии университета, в нашей комнатке, откуда муж ушел на фронт. Из оставшихся в городе студентов сформировали отряд ПВО. Во время воздушных налетов надо было взбежать на вышку и оттуда сообщить в «штаб», куда упала зажигательная бомба. Ленинградский университет – длинное здание, состоящее из 12 коллегий. Нужно было заметить, в районе какой коллегии упала «зажигалка». Был телефон, но пока соединят – это долго, потеря времени, и я просто что было сил кричала сверху номер коллегии. Вышка находилась примерно на уровне 9-го этажа.

– Вышку ведь могли обстрелять... Было ли страшно: ночь, авианалет, вы одна на высоте 9-го этажа?..

– Какой страх, разве об этом думалось тогда? Требовалось как можно скорее подняться на вышку – лифта там не было – и не пропустить бомбу. По моему сигналу на крышу выходила команда и тушила.

– Сколько времени длился авианалет?

– Могло быть и полчаса... Но таких налетов бывало десяток за ночь – не один раз приходилось подниматься на эту вышку... «Зажигалка», упав, загорается, потушить ее легко только в самом начале, так что надо было спешить.

– Как долго вы работали в отряде ПВО?

– Уже в ноябре я поступила на флот. В партком университета пришел морской офицер: нужны были девушки для краткосрочных спецрадиокурсов. Побеседовав со мной, этот офицер сказал: «Ну хорошо, я подумаю...» А потом я узнала, что нескольким девушкам он дал адрес, куда следовало явиться через несколько дней. И я пошла с ними. Увидев меня, он говорит: «Разве я вас приглашал?» Я отвечаю: «Нет, вы сказали, что подумаете. Я пришла помочь вам подумать». Он рассмеялся, и кончилось тем, что меня приняли. Те, кого он отобрал, были, кстати, первыми девушками на Балтийском флоте. Потом уже, через много лет, он объяснил, почему не захотел меня взять поначалу. Задумано было десантировать радисток в тыл противника, в оккупированные зоны Ленинградской области. Нас предполагалось сбрасывать и легализовать в деревнях. А я мало походила на деревенскую девушку.

Νῆ ἀέμι ὀδεοῖ ἀἰ πῖοῖα

– Окончив школу радисток, вы были приписаны к какому-то определенному кораблю?

– Нет, на корабле я не числилась. Я проучилась в школе месяца два, не успела даже ее окончить... В это время появились первые военнопленные на Ленинградском фронте, и мне поручили переводить допросы. Немецкий я когда-то учила в средней школе, на Украине. Поначалу было очень трудно. Я понимала, что немцы отвечали, потому что мой родной язык – идиш, до 11 лет я слова «мама» по-русски не знала. Потом постепенно втянулась, освоила разговорный немецкий... Вторую половину войны я обучала военнопленных, согласных воевать на нашей стороне, радиоделу: азбуке Морзе, тому, как собрать из деталей радиоприемник...

– Как называлась часть, к которой вы были приписаны?

– Разведотдел Балтийского флота. Школа радистов была одним из подразделений разведотдела. Базировался разведотдел на суше. Во время блокады на судне мы побывали лишь один раз, нас возили «на помывку».

– **Вы пишете, что все были настолько истощены, что молодые парни и девушки не реагировали друг на друга...**

– Помню, нас впахнули всех в одно помещение, ради экономии времени надо было мыться одновременно, и мы действительно не испытывали ни стыда, ни неловкости. Это же ленинградская блокада... Наши пайки немногим отличались от пайков населения. Бывали дни, когда на завтрак, обед и ужин мы получали по одной сушеной вобле. И те же 125 граммов хлеба, какие получали гражданские... Вот и весь рацион. Жили мы в казарме, девушки, естественно, отдельно, в общей огромной комнате, в комнате рядом происходило обучение радиоделу.

– **У вас был военный распорядок дня, так же как и у мужчин?**

– Естественно. Потом на спецрадиокурсах появились и ребята, они жили в той же казарме, в отдельном помещении. Одежда и кирзовые сапоги у девушек тоже были, как у мужчин. И даже теплое мужское белье, которое нас очень сместило. Когда нас экипировали, мы огорчались, что придется это белье носить. Но потом, в морозы, мы его оценили. Юбки у нас появились уже после блокады.

– **Вы помните поведение первых пленных немцев?**

– Первые пленные, с которыми мне довелось иметь дело, появились на Ленинградском фронте довольно рано, еще в начале 1942 года. Помню, это были солдаты, все очень испуганные, они же не ожидали такого оборота... А когда я сама стала радиоинструктором, то работала с немецкими офицерами, согласившимися пройти подготовку.

– **До снятия блокады вы базировались в Ленинграде. А потом?**

– К концу войны меня перевели из нашей казармы на конспиративную квартиру вместе с одной старой графиней и стали срочно обучать английскому языку. Командованию пришло в голову, что после войны надо будет создавать резидентуру в Южной Америке, и, по их мнению, я вполне подходила для отправки туда. Меня со всех работ сняли и поселили с этой графиней, она преподавала мне английский. Но далеко мы не успели продвинуться, так как наши войска устремились на Запад. Как раз в это время я оказалась на корабле. Кронштадт – Таллин – Кёнигсберг – Банзин – Хёринсдорф... Там, в пути, я встретила День Победы.

Diáèòáèè: Áèáèñáí äð è Ðáðáèü Èáðááü.

– Вы обучали радиodelу немецких офицеров. К тому времени вы уже знали, что под Брянском погиб ваш муж. И вы, очевидно, догадывались, что ваши родственники на Украине погибли во время оккупации. Было ли какое-то личное отношение к немцам?

– Точно я этого не знала... Извещение о гибели мужа я не получила. В ответ на мои запросы мне отвечали: пропал без вести. Я не знала, что его открытка от 28 сентября 1941 года – последняя. Я ждала, что придет письмо. Что касается родственников на Украине, то и об этом я узнала уже потом. В Ворошиловграде была расстреляна вся наша родня, это место называется Острая могила. Конечно, я помнила, что я – еврейка, понимала, что это значит. Но я же выполняла задание. Как я могла думать о чем-то личном, дать ему прорваться?! Мне надо было напрягать все силы, чтобы выполнить задание. Немецкий я от пленных выучила. Могла понимать, благодаря идишу, но первое время старалась меньше говорить, чтобы не выдать себя. В радиodelе тоже не чувствовала себя уверенно. Выходила в лес и вела радиосвязь всего-то несколько раз... А на уроках по радиodelу была озабочена лишь тем, как лучше обучить своих подопечных. С кем работаю, не думала. Эмоции были исключены. Помню, однажды на занятиях немецкий офицер воскликнул: «В Средневековье вас сожгли бы на костре». – «Почему?» – «За ваш фанатизм». Нет, это не был фанатизм... Это было – не хочется говорить высокопарные слова, но в данном случае без этого не обойтись – просто выполнение своего долга.

– Должность политрука отряда ПВО предполагает, что вы были коммунистом уже в начале войны.

– Тогда еще нет, но перед тем, как пришел морской офицер набирать радисток для спецкурсов, я действительно подала заявление и меня приняли кандидатом в ВКП(б). Это было в октябре 1941 года.

– В конце войны, в апреле 1945 года, вы на корабле двинулись вслед за нашими войсками вдоль Балтийского побережья...

– На корабле я была членом команды, этот переход длился недолго. В Кёнигсберг мы пришли, когда наши войсковые части уже ушли. Город был полностью разрушен и разграблен. Я помню улицы Кёнигсберга, усеянные осколками посуды, рваным тряпьем... То, что нельзя было забрать с собой, наши солдаты просто ломали и крушили... Недаром об этих днях до сих пор ходят страшные легенды и мифы.

Тем более страшные, тем более преувеличенные, что на эту тему у нас долго было наложено табу. Даже в произведениях немецких писателей, расположенных к нам, страницы на эту тему вымарывались. Если автор не соглашался с такой правкой, его не издавали. Даже те произведения литературы ГДР, где об этом писали очень осторожно, очень аккуратно, наша цензура не пропускала.

– Когда вы попали в Берлин?

– В Берлин я попала августе 1945-го. Мы двигались вдоль Балтийского побережья, нигде особо не задерживаясь, дошли до Свинемюнде, оттуда вернулись в Хёринсдорф, где был последний на Балтике пункт дислокации нашей части. Вскоре нас перевели в район Цойтен, это предместье Берлина. И там я пробыла до апреля 1946 года. Службу закончила в звании «старшина второй статьи».

– После этого вам предложили остаться в Германии в качестве «культурофицера» при Советской военной администрации. Расскажите, пожалуйста, о наиболее запомнившихся эпизодах этой деятельности.

– В апреле 1946-го я приехала из Цойтена в Берлин, в Карлхорст, где находилась Военная администрация. Меня должны были демобилизовать. Оформляя документы, майор, даже не поднимая глаз от бумаги, спросил: «А куда вы сейчас поедете?» Я ответила: «Не знаю». Ехать было некуда, на войну я ушла из общежития и действительно не знала, куда мне податься. Майор спрашивает: «Как у вас с немецким?» А к этому времени я уже довольно свободно болтала по-немецки. Он говорит: «Не хотите остаться поработать в Советской военной администрации?» Для меня же это был выход из положения. Я с радостью согласилась, и он тут же куда-то позвонил... Была вакансия в Советском бюро информации, меня направили туда. Сейчас «культурофицер» – слово, вошедшее во многие европейские языки. Потом уже, спустя какое-то время, так стали называть людей, работавших в союзнических войсках в области культуры: были американские, английские, французские и советские «культурофицеры»... Но в апреле 1946 года этого слова еще не было, его «изобрел» кто-то из историков, когда в 1950-х годах стали писать послевоенную историю Германии.

– Как же вы тогда назывались?

– Называлась просто: сотрудник Советской военной администрации. С флота я уже демобилизовалась и носила гражданскую одежду.

– Вы создавали новые германские СМИ?

– Вместе с немцами. Газеты, агентства – например, AND, с которым я особенно долго сотрудничала. Мы выдавали лицензии немецким редакторам, а потом работали вместе с ними. Я была «соединительным звеном» между главными редакторами и политсоветником нашей администрации Семеновым, передавала срочные сообщения из Москвы и из самой администрации, распоряжения военного коменданта нашего сектора Берлина генерал-майора Котикова.

Νέζαλ ται δαατ. Ααατρεγ Εαοααα, αδοεηο Αατ τααεε Ατδοτ εεετλ Αατ δεο Α, εεηε αα αατλ Ατ τατ αδεγ.

– Видимо, газетами и агентствами деятельность «культурофицеров» не ограничивалась?

– Инициатива по созданию новых культурных институций чаще исходила от немецкой стороны, но иногда и от нас. Например, первое издательство на немецком языке в советской зоне было создано нами. Уже потом мы передали его функции издательству «Ауфбауверлаг» – первому получившему от нас лицензию. Оно до сих пор существует. У каждого «культурофицера» была своя область. Одни занимались театрами, другие киностудиями, даже для кабаре был специальный «культурофицер». В ГДР с начала 1960-х годов очень «опекали» бывших «культурофицеров»: нас приглашали туда на выступления, на отдых, устраивали встречи с писателями, с артистами. Связи, приобретенные мною в послевоенном Берлине, поддерживаются до сих пор.

– Вы часто бываете в Германии на конференциях, посвященных проблемам культуры. Чему была посвящена последняя, в которой вы участвовали?

– В плане подготовки к 60-летию окончания войны (слово «победа» ведь не всеми принимается) «Евангелическая академия» организовала конференцию совместно с Военным музеем Берлина и «Архивами госбезопасности ГДР». Конференция проходила три дня, начиная с 13 февраля. На некоторых конференциях «Евангелической академии», под Мюнхеном, я бывала, и у меня остались хорошие воспоминания. Эта же конференция проходила в бывшем Западном Берлине, и докладчики на ней были такие, для которых ГДР означает только зло. Я этой точки зрения разделить не могу.

– А как звучала тема конференции?

– «Фрэмде, файнде, фройнде»: «Чужие, враги, друзья – немецко-русские отношения после окончания войны». Из трех слов, вынесенных в заглавие, два негативных: чужие и враги. У меня была тема, которую они же и предложили: «Бёлль и диссиденты». Бёлль поддерживал разных диссидентов, не только советских. К диссидентам он причислял и террористов из группы Баадера-Майнхоф. Он видел в них борцов с режимом. Это большая тема, тут есть о чем поговорить... Большинство докладов соответствовали словам «фрэмде» и «файнде» – «чужие» и «враги». «Фройнде» прозвучало лишь в докладе Зигмунда Йена, первого немецкого космонавта из бывшей ГДР. Остальные старательно перечисляли всё плохое, что сделала Советская армия в последние недели войны, когда война шла на их территории. Кто начал войну, сколько и как ее вели, почему наши солдаты пришли в Германию – этими вопросами докладчики не задавались. Речь шла только о бедах и страданиях, какие терпело немецкое население, пока не вывели наши войска. Скрупулезно перечислялись факты: такого-то числа грузовик с русскими выехал из Потсдама и задавил пешехода. Как будто других ДТП, кроме совершенных советскими солдатами, у них не бывало. Я ведь во многих конференциях участвовала: на тех всегда доминировало третье «эф» – «фройнде». И для меня происходившее стало шоком: в такой концентрации к дате 60-летия собрать всё это! Я выступала предпоследней. Начала с того, что поблагодарила за приглашение и сказала, что немного горжусь собой:

мне удалось сдержаться, хотя часто хотелось вскочить на сцену и вмешаться в происходящее. И дальше говорила на свою тему. Первый вопрос, когда я закончила, был: «А когда вам хотелось вскочить и вмешаться?» И тут я дала волю своим впечатлениям. Я сказала, что еще ни на одной конференции я не была так угнетена, как на этой. Через 60 лет после окончания войны вы все толчетесь на том времени, когда война шла на вашей территории! Это длилось четыре недели. Но четыре года наши солдаты шли по собственной разоренной, выжженной земле! В одном из докладов были приведены итоги опроса: какой период жизни вы считаете наиболее благополучным? И большинство опрошенных немцев ответили: во время войны. Я спросила: когда шли посылки из России, когда в Германию приходили продукты, вещи, – это, вы думаете, покупалось там в магазинах? Но об этом – о том, что в России натворили, – они не думают! И руины знают – только свои, наших руин они не знают... Когда уже мы найдем язык примирения?!

– Выступление немецкого космонавта было другим?

– Я думала, что их Йен – простой славный парень. Но оказалось, что он очень образованный, очень остроумный человек. Он говорил о сотрудничестве наших стран в космических исследованиях. По памяти цитировал классиков, в том числе и русских. Кроме меня, он был единственным, кто говорил не по бумажке. Сказал, что дружеские связи, образовавшиеся тогда, сохраняются, что он до сих пор с семьей приезжает к друзьям в Россию. Его выступление было для меня единственным светлым впечатлением.

– В связи с тем настроем, который был на этой конференции, как видится вам будущее выехавших из СНГ в Германию людей?

– Когда я была в Берлине, корреспондент «Нойес Дойчланд» задал мне аналогичный вопрос: как я отношусь к эмиграции вообще и к эмиграции евреев в Германию в частности. Вопрос эмиграции каждый решает для себя сам. Но уж в Германию эмигрировать... Наши эмигранты ведут себя там не лучшим образом. Многие из них считают, что немцы им обязаны, потому что совершали зло. Но ведь приезжают-то уже потомки тех, кто это зло претерпел. Приезжают и претендуют на пенсии, на квартиры, требуют лучшие куски... Работать мало кто рвется, но если работа, то – хорошая работа. Абы на какую, как турки или другие эмигранты, не идут. Люди, которые ничего не сделали для страны, требуют разнообразных благ из средств нынешних налогоплательщиков. Такая требовательность, я бы сказала «нахрапистость», вызывает соответствующее отношение. Я почувствовала это в разговорах с моими немецкими друзьями, не изжившими в себе комплекс вины. Но прошло уже 60 лет. Нельзя, чтобы люди бесконечно жили с комплексом вины, нельзя постоянно его «раздувать». Получается замкнутый круг: эмигранты требуют, немцы пока предоставляют то, что сами же обещали, но вызвать добрые чувства это не может. Возникает то ли задавленная, то ли заново рождающаяся неприязнь.

– В ваших воспоминаниях есть эпизод, когда вы вместе с Львом Копелевым пели песни на идише для Генриха Бёлля. Вы до сих пор помните язык?

– Когда я слышу песни, я, конечно, понимаю смысл: впрочем, уже из-за знания немецкого. С тех пор, как я в 11 лет уехала из сельскохозяйственной колонии в Каменке, говорить на идише мне не приходилось. А сейчас тем более не с кем говорить. Но эти песни... это живет во мне, как что-то отдельное.

– Сейчас в еврейской среде появляются исполнители, интересующиеся фольклором, они устраивают концерты, собирают публику. Вас интересует то, что происходит в этой сфере?

– Меня иногда приглашают на эти концерты, и я иду. Я человек абсолютно не музыкальный, но когда я слышу еврейские песни, что-то со мной происходит. Приезжал, помню, Дуду Фишер, – я плакала, слушая его. Была с дочерью, и с тех пор она боится водить меня на такие концерты: они меня совершенно «переворачивают». Когда слышу еврейские песни, убеждаюсь: я – еврейка.

– Сейчас много переводят еврейских писателей с иврита и с идиша, в частности Зингера. Удастся ли вам за этим следить?

– Зингера очень люблю. Всё, им написанное, что у нас перевели, читаю. Когда я работала в «Знамени», мы печатали роман Шамая Голана, в то время советника по культуре при израильском посольстве. Он приходил в редакцию, мы общались с ним и с его женой. Из объявления в еврейской газете узнала, что можно подписаться на журнал «Лехаим», позвонила и получаю. Иногда еврейская благотворительная организация приглашает меня рассказать о военном времени. Зовут – стараюсь идти, если могу. Вот мои связи с еврейским миром. А вообще я работаю, составляю собрания сочинений, пишу, перевожу прозу. Внешнюю необязательную нагрузку стараюсь не увеличивать, тем более что через полтора месяца мне исполнится 85 лет.

– Немецких писателей, вами переведенных – а это Кафка, Дюрренматт, Брехт, Бёлль, Фриш, Грасс, – вы называете «главными мужчинами своей жизни». Что они думали о будущем, которое всех нас ожидает в XXI веке, какие у них были прогнозы?

– Из всех, кого вы назвали, в живых только Гюнтер Грасс. С ним в последние годы отношения погасли. Меня огорчил его последний роман, вышедший у нас под названием «Траектория краба». Это история потопления подводной лодкой капитана Маринеску немецкого корабля «Вильгельм Густлов». Позиция автора такова: хватит говорить о нашей вине, пора говорить о жертвах. Но то, как он о них говорит, меня огорчило. Упомянув о студенте, убившем фашистского функционера Густлова, он каждый раз непременно подчеркивает «еврей Давид Франкфуртер». Получается, что еврей Давид Франкфуртер убил немецкого национального героя Густлова, а русский пьяница и хулиган Маринеску (без этих слов имя Маринеску тоже не упоминается), чтобы выслужиться перед флотским начальством, потопил корабль «Густлов», на котором находились гражданские люди. Но ведь этот корабль был плавучей военной школой, он вез на своем борту 1400 военных моряков, в том числе четырех капитанов! В январе 1945 года «Густлов» шел вдоль побережья Пруссии и подбирал беженцев, уходящих от приближающейся Советской армии. Грасс рассматривает это не как естественный эпизод войны, а как страдания тонущих мирных жителей, намеренно причиненные советской подлодкой.

Что они думали о будущем? Кафка, умерший в 1924 году, на всё смотрел мрачно. Позицию Фриша я бы назвала сдержанным оптимизмом. Бёлль, антифашист и гуманист, был ближе к левым, но неправильно считать его социалистом. Все они надеялись, что фашизм остался в прошлом, не думали, что неонацизм сможет возродиться где-то в Европе, а уж тем более у нас, в России.

– Они, как европейские интеллектуалы, считали, что существует поступательное движение прогресса, что люди с накоплением знаний, с развитием науки становятся нравственней?

– Да, безусловно. Я получила много писем от Макса Фриша. Недавно передала их в РГАЛИ. В одном его письме я нашла размышления на эту тему: он возлагал большие надежды на то, что мир станет лучше, терпимее и безопаснее. Думаю, он бы ужаснулся, оглядевшись сегодня вокруг.

– Над какой книгой вы работаете сейчас?

– Я подготовила второе, дополненное издание своей книги воспоминаний. Написала ее в 2001 году по-немецки, за полтора месяца, а потом перевела на русский. В Германии она должна была выйти в издательстве Гюнтера Грасса. Вначале у них был сплошной восторг, а потом пошли явно невыполнимые требования: они прекрасно понимали, что я их не приму. И я забрала рукопись. Потом, когда вышел роман Грасса, я поняла, в чем дело. Балтика у меня другая. Сейчас, когда я была в Германии, там читали мою рукопись уже в другом издательстве, и я для них, как и для второго расширенного издания в России, делаю некоторые дополнения. Издадут в Германии – хорошо, нет – я всё равно рада, что написала эту книгу.

– Как бы вы охарактеризовали свое настроение ко Дню 60-летия Победы?

– Настроение у меня невеселое. И не только потому, что мне исполнится так много лет. Настроения мая 1945 года: окончили войну, победили врага, уничтожили фашизм. Надежды 1945 года: дальше всё будет только хорошо, всё лучше, лучше и лучше. Из этого, к сожалению, мало что сбылось, да и от самих надежд мало что осталось. Со временем надежды как-то усыхают, истончаются, истаивают...

ШТЫК

י עֹבְדֵי נְאֻלֵי אֵינֵם

Отец о войне не рассказывал. Кому? Да и зачем?.. Даже те, кто пешком под стол ходят, – все из нее... Незачем. А время бежало незаметно. Кто мог – забыл. Кто не мог – помнил, да всё равно помалкивал. Такому, что не забывается, и не поверят.

Недалеко ушла она, даже по мерке одной жизни, война, и новые мальчишки в нее играют...

– Дед, ты почему мне про войну никогда не рассказываешь?

– Про какую?

– Как это про какую? Ты воевал?

– Воевал...

– Ну, вот про ту, в какую воевал...

– Я не одну войну свалил...

– Во дает! Ну, про какую хочешь, какая лучше...

– Самая хорошая война знаешь какая?

– Нет...

– Которая кончилась...

Внук еще говорил что-то, но он не слышал. Как ни далеко было до той, которая кончилась, а перелетал он туда быстро и оставался там надолго. Раньше времени, может, не было, а уставал за день так, что и память редко пробиралась в его плотный и тяжелый сон... А теперь всё не по-солдатски: от шума пробуждался, потом засыпал долго и трудно... Или крутился до серых окон, когда есть оправдание встать.

Тогда он перебирался на любимую кушетку, и сегодня, окружающее его, естественно и легко соединилось с тем дальним вчера, что приходило к нему в полудреме... И он не мог отличить, где граница...

- Ты чего орешь? – опять просачивалось в его правое ухо, и он сипел сдавленной грудью:
- Может, услышат... Иван, рукой пошевелить можешь?
- Нет... – донеслось после долгой паузы. – Не могу... Даже пальцем...
- И я...
- Вот какая хреновина, понимаешь, вышла...
- Висок в затвор упирается... Иван... Иван... не молчи...
- Тяжело... Ты умеешь молиться? Соломон... Соломон, что молчишь?..
- Умею...
- Давай...
- Ты всё равно не поймешь...
- Не пойму? А мне зачем?.. Лишь бы Он понял... Попроси у Него, чтоб заметили нас... Чтоб выгнали... На всё воля Б-жья...
- Не надо... Это же Он и сделал, раз на всё воля Его...
- Соломон, ты что до войны делал?
- Учил детей...
- Смотри! Не довелось спросить... И ты? Похож на учителя...
- А ты?
- Русскому языку с пятого по десятый...
- Вот откуда ты русский так знаешь... обороты разные... А я математике учил с восьмого по десятый...
- А откуда молиться умеешь?
- В хедере учили... Дышать больше нечем... всё...
- Не молчи... задохнешься... Ты винтовку боднуть можешь?
- Нет.
- Соломон... Соломон...
- Перестань орать... сейчас ночь... не надо людей беспокоить...
- Не могу... обидно...
- Порадуйся за старшину Сулова – ему дешево обойдутся наши похороны... Даже могилу копать не надо...
- Перестань! Читай, если знаешь, читай, пока не позд... – Он поперхнулся словами и затих.

– Борух ато а-дей-ной э-лэй-эйну мэлэх оэйлом ашер кидшону бмицвейсов вцивону... – Голос Соломона еле пробивался к товарищу через полметра грунта, разделявшие их.

– Молись, молись, – повторял Иван вслед непонятным словам.

Они не знали, что их откопали. Не знали, кто это сделал и почему. То ли в тот момент, когда солдат наступил на клочок земли, под которым покоилась голова Соломона, он услышал молитву, чуть укоротил шаг из-за этого и зацепился за штык его винтовки, то ли Б-г услышал и натолкнул солдата на этот штык... Да и то, будь за его плечами винтовка, не стал бы он откапывать эту, а вот поди ты... Что заставило его, голодного и злого, воткнуть лопатку рядом со штыком в склон оврага и начать отбрасывать мокрую, податливую землю...

Оба его «трофея» лежали вытянутые в струнку. У одного винтовка, у другого под животом полбуханки черного хлеба в холщовой тряпиче... Оба были теплые еще и вроде бы еле дышали ртами, полными земли, когда их перевернули на спину...

Драпали все без строя и порядка, и кромсали их немцы и сверху, и минометами. В верхний край оврага мина и угодила... Мимо цели и без дела, пущенная так просто – для звука... А их засыпало срезанным краем земли. И немного ее было. Может, две полуторки, да и то не с верхом, а притоптало так, что и ругнуться как следует воздуха не хватало. И контузило-то их не очень сильно... По фронтовым меркам – ерунда. Только при свисте мин они, после того как их в часть опять вернули, не бросались, как прежде, на землю, а вращались в нее так, что никакой силой не согнешь...

Долго они шли потом вместе, пока не попали почти одновременно в разные госпиталя. И всё время говорили непонятное для других: «Эх, пожевать бы! Ваня!» – «Рука не дотягивается...» – «А выпить? Соломон!» – «Да закуски полон рот... и не выплунешь...» Кому расскажешь, что это последнее, что они помнили из подземной жизни...

– Ты меня не слушаешь вовсе, дед! Я говорю, говорю...

– Слышу... слышу, Малыш... Только рассказать мне тебе нечего... Война – это ж работа такая... грязная и тяжелая. А платят за нее... – Старик вздохнул и притянул к себе внука. – Когда война кончается, все веселятся и говорят только одно: «Чтоб она была последняя... Чтоб дети не воевали...» И верят в это...

– Почему, деда?

– Человек так устроен. А рассказать про нее – нечего. Писатели книжки напишут. Режиссеры кино снимут... А генералы опять войну затеют...

– Зачем?

– Никто не знает. Скоро узнают даже, что за камни на Луне лежат, а этого никто никогда не узнает... – Дед, не сознавая того, зацепился за эту фразу тайными щупальцами памяти и снова перелетел туда...

– Обидно, Соломон... – Даже где лежать будем, никто никогда не узнает...

– Какая разница... Нами дыры затыкают... Какая раз...

– Соломон!.. – засипел товарищ.

– Ну что ты так кричишь? Что ты...

– Мне бабка в детстве с утра репу парила: хлеба не было. А тут лежишь на хлебе и с голоду...

– Не успеешь... Обидно, конечно...

– Ты расскажи, – перебил мысли деда внук. – У других-то ребят и рассказать некому, а мне надо...

– Зачем? – вернулся Соломон.

– Для урока...

– Странно... Ну, ладно. Так вот, Малыш, два солдата подружились на фронте и воевали всё время вместе. Повезло им. На задания их посылали вместе, и на отдых они уходили плечо к плечу. Много вокруг солдат погибло, а они всё вместе да вместе... И однажды их обоих засыпало землей... Разорвалась мина и засыпала землей... Не ранило, не убило, а живых засыпало... Только не перебивай, а то не смогу рассказать... Я еще никому не рассказывал – тебе первому. Вот умру... Не перебивай, сказал... И засыпало их землей в ночь под праздник октябрьский, в ноябре... Лежали они долго и вспоминали свои жизни короткие, потому что еще молодые были, и обидно им очень сделалось... Когда умираешь и понимаешь, что умираешь, обидно очень становится... Почему? Посмотреть хочется: а что дальше будет. Хотя... Ну, неважно... И шел какой-то солдат, да споткнулся о штык винтовки, что из земли торчал. А у солдата винтовки не было. С оружием тогда плохо было, а воевать надо... Ну, выдавали оружие, конечно, но всем не хватало. А когда откопали их, двоих этих, они уже почти неживые были... Ну, еще не мертвые, а вот куда потянешь – туда и пойдут: или на небо, или обратно в землю. Спас их тот солдат... Пальцем глину у них изо рта выковырял, а туда водки из фляжки плеснул – и они ожили понемножку. В госпитале полежали, больница такая, обратно их в строй вернули, в часть, – на фронт, значит, – и стали они опять воевать. Только вот странная штука какая: перестали они бояться мин, снарядов, пуль... И про жалость позабыли. Как? А так! Никого им не жалко было – ни себя, ни других, ни своих, ни врагов... И очень им от этого худо стало. Потому что если никого и ничего не жалеть – жить невозможно... сам подумай...

Тогда они так решили: опять сходить под землю и спросить ее, куда их души делись... Они думали, что потеряли там, под землей, души, когда почти умерли. Вот и пошли. То есть не то чтобы пошли... Во время налета артиллерийского они в блиндаже прятались, а снаряд рядом разорвался, и опять вход засыпало, но они там не одни были – откопались потом, а пока сидели, спросили потихоньку землю, что стало с ними. И она ответила, что остались под землей их души – до той поры, пока война не кончится. А когда кончится, если они от радости забудут всё, что с ними было, то так и станут жить. Жить будут долго, но никого жалеть не захотят, а если заплачут, когда война кончится, вернуться к ним души. А сколько они с ними проживут, никто не знает. Потому что, когда жалеешь – жить тяжелее...

Воевали они потом долго, и всякое с ними бывало, забыли под конец об этом обо всем, а когда война кончилась, поехали по домам... И горько заплакали... Почему? У одного немцы родную деревню сожгли вместе со всеми, кто в ней был. В церковь согнали и сожгли... А у другого всех евреев выловили, в гетто собрали, оцепили колючей проволокой, а потом тоже убили и в ров бросили... Заплакали они горько-горько... И вернулись к ним души. Живы, живы они... А зачем души вернулись? Наверное, чтоб они других жалеть научили...

– Я тебя про войну просил... А ты мне сказку...

– Нет, Малыш, это, к сожалению, правда... Только правда про войну. Вот почему про войну никто и не рассказывает: всё равно не поверят...

Иль-Азариэ

ПЕРЕВОДЧИК

Александр Рапопорт

Иван Петрович Половинкин был идеальным кандидатом для служебной командировки в Египет в качестве военного переводчика.

Во-первых, перефразируя известное пропагандистское клише тех лет, Ивана Петровича трудно было заподозрить в симпатиях к сионистскому государству. Скажем больше: его, потомка крестьян Владимирской губернии, члена КПСС, кандидата наук, доцента кафедры английского языка государственного пединститута и отца двоих детей от одного брака трудно было заподозрить в чем бы то ни было. Настолько он, судя по анкете, письменной характеристике и устным отзывам, был вне подозрений. Выглядел он так, будто только что сошел с первомайского плаката, изображающего единение рабочего класса и колхозного крестьянства с трудовой интеллигенцией. Словом, подходил. Другого человека и не направили бы в страну, недавно вставшую на рельсы социалистического развития и всегда готовую к полномасштабной войне с израильским агрессором.

Второй причиной, по которой выбор пал на Ивана Петровича, была тема его диссертации: «Военная лексика современного английского языка».

Египет в тот момент находился в союзе с Сирией, называлось это ОАР – Объединенная Арабская Республика. ОАР заключила военные договоры с Иорданией и Ираком: вчетвером-то на агрессора нападать сподручней, чем поодиночке. Правда, союз этот просуществовал недолго, гораздо меньше, чем тот, из которого летом 1967 года Иван Петрович в должности военного советника вылетел к предполагаемому театру военных действий.

В Каире его прикомандировали к полковнику Генерального штаба египетской армии. Полковника звали Иса, что происходит от «Иеошуа». Он прошел в свое время стажировку в Англии и бегло говорил по-английски с оксфордским произношением. Фамилия его представляла собой египетскую военную тайну и разглашению не подлежала.

В первую же встречу полковник Иса изумил Ивана Петровича.

– В следующем году – в Иерусалиме, – произнес он слова еврейской молитвы, пожимая руку.

– Вай? – опешил Половинкин.

– Под знаменем марксистско-ленинских идей, с именем Аллаха на устах, на броне прославленного Т-34, с автоматами Калашникова в руках, – пояснил Иса свою мысль на хорошем английском, – мы с вами вступим в священный город, откуда Махмуд вознесся на небо.

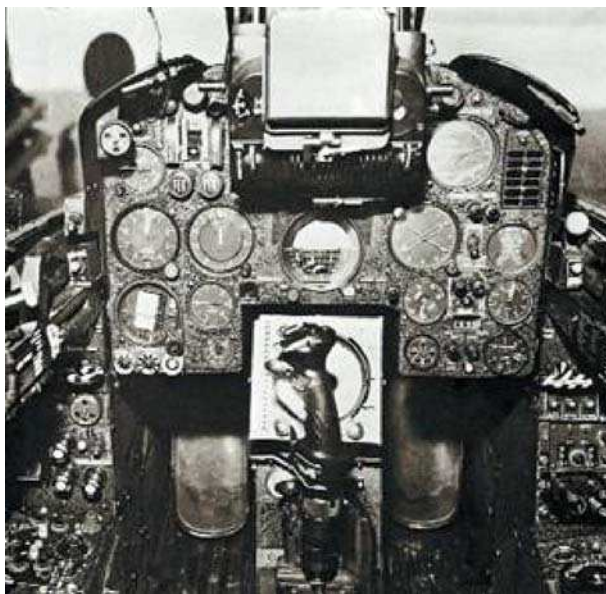
«Слава Аллаху, до следующего года далеко», – подумал Иван Петрович. Возноситься на небо вслед за Махмудом Половинкин не спешил.

В Каире в те дни было много советских военных советников. Предполагалось, что руководящие указания из Москвы с их помощью быстро и безошибочно дойдут до египетской военной верхушки. Иван Петрович, не отягощенный служебными обязанностями, с удовольствием беседовал с Исой. Как филологу, получающему языковую практику, да и как человеку, впервые попавшему за границу, ему любопытно было слушать рассуждения полковника на всевозможные темы. При этом изумление, возникшее при первой встрече, возрастало от беседы к беседе. Долго он не мог привыкнуть к тому, что в кабинете его собеседника висит портрет Гитлера.

– Это наш друг, – сказал полковник Иса. – Армия Роммеля в 1942 году пыталась освободить нас от британской оккупации. Но армия генерала Монтгомери ей помешала. У президента в кабинете тоже такой портрет.

Как всё это согласуется с социалистическим развитием, Иван Петрович не знал. «Хотя, – думал он, – почему нет? Вай нот? Гитлер ведь основал социалистическую партию».

Арабские страны готовили боевые действия в чрезвычайной тайне от внешнего мира и намеревались напасть первыми. Но произошло неожиданное. Ранним утром 5 июня 1967 года разрывы авиабомб заставили полковника Ису и Ивана Петровича, находившихся рядом с военным аэродромом, спешно спуститься в убежище. Началась война, вошедшая в историю как Шестидневная. Больше времени воюющим сторонам для выяснения отношений не понадобилось, а на седьмой день, как известно, положено отдыхать.

Израильские бомбардировщики подлетели низко над землей, на бреющем полете, – рельеф местности это позволял. Радары обнаружить их не смогли. На некоторых аэродромах бомбежка началась в момент заправки «Мигов» горючим, поэтому пожар распространялся быстро. Нападению подверглась боевая авиация Египта, основная ее часть была уничтожена. То же самое произошло чуть позже с боевой авиацией Сирии и Иордании. После этого израильтяне начали наземные действия.

Парадоксально, но в израильском Генштабе тоже руководствовались указаниями из Москвы, но из частного источника, непосредственно от находящегося в контрах с режимом генералиссимуса Суворова, утверждавшего на основании личного опыта, что противника необходимо упредить.

Чтобы это прочесть, не нужно даже английского языка.

«Братцы, – писал опальный генералиссимус гусиным пером при свете единственной сальной свечи (электричество полководцу отключили за неуплату), – быстрота и натиск суть душа современной кампании. Ух, махнем, головой тряхнем, – писал он, будто сводил счета с недругами. – Вперед, братцы! Вперед, чудо-богатыри! Иди шибко, не задерживайся, развивай викторию. Внезапность заменяет число».

Воодушевленные подобными наставлениями, израильтяне подтвердили и упрочили репутацию агрессоров. В частности, они захватили Синайский полуостров, по площади в несколько раз превосходящий территорию Израиля. Помимо нефтяного месторождения, это означало контроль над Суэцким каналом. Потом, правда, вернули всё Египту в обмен на навязанный мирный договор.

– Я на них посмотрелся, на этих арабских стратегов, – рассказывал Иван Петрович. – Своеобразная смесь наглости и трусости. Так воевать, как русские или немцы, они никогда не будут. Нападают, если уверены в собственной безопасности. Вернее, думают, что в безопасности и всё сойдет с рук. Но действительность внесла коррективы... Короче говоря, я рад, что целым оттуда убрался.

Часто в своих воспоминаниях возвращался он к одному и тому же моменту. Вот он, впервые в жизни, спускается в убежище, а над головой у него взрываются бомбы и горят самолеты. Несколько оправившись от шока, он вспоминает, что формально является военным советником, и, как человек,

ответственно относящийся к государственному поручению, начинает давать Исе военные советы. Но, чтобы полковнику не показалось обидным выслушивать их от штатского, формулирует «советы» в виде наводящих вопросов.

У них происходит примерно такой диалог.

– Почему же вы не взлетаете?

– А если они собьют?.. – вопросом на вопрос отвечает Иса.

– Почему не стреляют ваши зенитки? – не унимается Иван Петрович.

– Потому что могут выстрелить в ответ, – резонно замечает Иса.

– Но ведь вашу авиацию разбомбят к... – напомним, разговор идет не по-русски, а на чопорном английском, – к чертовой бабушке!

– Вы новые самолеты пришлете.

Всё именно так и произошло. Египет действительно получил от СССР новые самолеты. Через некоторое время после этого он разорвал все отношения со страной победившего социализма и отказался платить по кредитам. Окончательно съехал, тем самым, с рельсов социалистического развития. Помимо военной техники, там было и многое другое: одна Асуанская плотина через легендарную реку Нил во что России обошлась! Но вспоминать об этом – только зря расстраиваться.

Заподозрить Ивана Петровича, после всего им пережитого, в симпатиях к сионистскому государству по-прежнему было невозможно. Но возникшая антипатия его к египетской военной машине была еще более очевидной. На все предложения ещё раз поехать куда-либо военным переводчиком Иван Петрович отвечал категорическим отказом. Зарекся раз и навсегда.

– У вас так хорошо получается, – ободряли его в министерстве обороны.

– У меня-то получается хорошо, – отвечал Иван Петрович, – но, согласитесь сами, одного этого всё-таки недостаточно...

Вернемся к диалогу советского переводчика и египетского полковника, состоявшемуся в бомбоубежище.

Мы видим, что собеседники высказали в нем противоположные суждения. При этом оба они, каждый по-своему, были правы. Истина зачастую подобна мозаике, состоящей из разноцветных камешков и складывающейся из противоречивых, взаимоисключающих суждений. Она не принадлежит одному человеку – не хранится у него в кармане или в записной книжке, – как не принадлежала в тот момент ни египетскому полковнику, ни советскому переводчику, а находилась то ли между ними, то ли над их головами, а скорее всего, еще дальше и выше: если представить себе такую ось и подняться по ней мысленным взором... Но насколько выше и дальше, я и определить не возьмусь, во всяком случае, очень-очень высоко.

ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА И СОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА

Публикация и комментарии Александра Локшина

Сокрушительная победа Израиля в Шестидневной войне, разгром армий арабских государств, переход под израильский контроль Синайского полуострова, Газы, Западного берега, Голанских высот и освобождение Восточного Иерусалима в июне 1967 года вызвали крайне болезненную реакцию высшего политического и военного руководства СССР. Вместе с тем победа Израиля обострила национальное самосознание немалой части советского еврейства, породив у многих людей стремление репатриироваться на историческую родину. Поражение арабских партнеров Кремля без огорчения было воспринято и в среде научной, а также творческой интеллигенции.

Вслед за разрывом дипломатических отношений с Израилем в советской печати началась крупномасштабная антиссионистская кампания, подчас производившая эффект, прямо противоположный запланированному.

Некоторые курьезы той кампании отразились в публикуемых нами документах. Ныне документы хранятся в Российском государственном архиве новейшей истории.

Արեւի ձիւ

ՀՀՀՀ Նախօրի

ԷՒ ԷՕԱՕ

Արմավրոսիւնի սոցիալիստիկ

Ի ձե ՆԻԱՅՕԱ Ի ԷՒ ԷՆՕԴԻ Ա ՆՆՆԴ ՕԷ ԷՒ ՆՆ

26 ԵՐԻՅ 1967 թ

1 1589-Ա

Թձ Ի Ինքն

Докладываю, что в газете Армянского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом «Айреники Дзайн» («Голос Родины») от 14 июня 1967 г. была опубликована статья под заглавием: «Борьба армянского народа против халифата»^[1]. В статье говорится о вторжении арабов в Армению в 7–9 веках нашей эры, об их злодеяниях и освободительной борьбе армян против арабского халифата.

Статья подготовлена армянским историком Арамом ТЕР-ГЕВОЖДЯНОМ по заданию редакции газеты «Айреники Дзайн» еще задолго до событий на Ближнем Востоке.

По представлению Комитета госбезопасности при Совете Министров Армянской ССР ЦК Компартии Армении принял решение о конфискации этого номера газеты.

До принятия решения о конфискации 400–500 экземпляров газеты были разосланы партийным и общественным организациям и отдельным лицам внутри республики.

По линии Комитета госбезопасности приняты возможные меры к недопущению направления этого номера за границу.

Решением Секретариата ЦК Компартии Армении Ваагн ДОВТЯН, допустивший опубликование вышеуказанной статьи, от работы редактора газеты освобожден и назначен заместителем председателя Армянского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом.

Ի ԴԱՆՆԱՅՕԱՕԱԷՄ ԷՒ ԷՕԱՕԱ

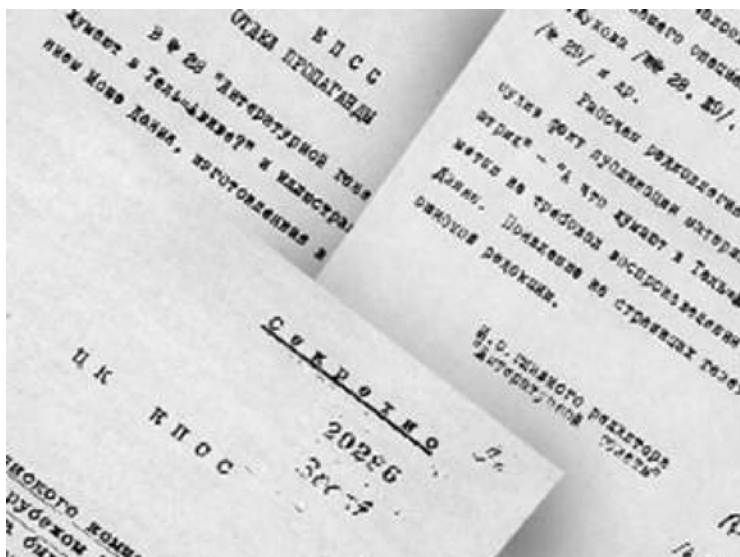
ԱՒ ՆԱՍՏԻՂԱՆԻ Ի ՆՕԷ

Ի Ինքն Ի ԱԴԻՂԻ Ա

ԴԻՆԵՔԵԷ ԹՆԱՅՕԱՕԱՒ Ի ՆԷ ԳՁԵԱ

Ի Ինքն ԷՆՕԴԷ /ԴԱՒ Է/

Օ. 5. Ի. 59, ձ 27, Է 98

Ářéú áí ò 2

ÖK ÊÏ ÑÑ

Î ò á á è í ð í á á ñ í á ú

В № 28 «Литературной газеты» помещена заметка «А что думают в Тель-Авиве?» и иллюстрация к ней – медаль с изображением Моше Даяна, изготовленная в Западной Германии. /Готовил материал к печати старший редактор иностранного отдела т. Куров А. И., руководитель отдела член редколлегии т. Прудков О. Н., вел номер зам. главного редактора т. Кривицкий Е. А./ Этой публикацией редакция стремилась использовать факт изготовления подобной медали в ФРГ, чтобы подчеркнуть духовное родство израильской военщины во главе с Моше Даяном с гитлеровцами. В редакционном комментарии было, в частности, указано, что «смысл возникших в Западной Германии симпатий к израильскому вояке не вызывает сомнений: милитаристские замашки Даяна сродни гитлеровским».

Материал был напечатан под рубрикой «Дополнительный штрих». Мы связывали тем самым его с напечатанным в № 27 «Литературной газеты» памфлетом «Даян-захватчик», где он характеризовался как организатор геноцида, фашистского террора и грабежа на оккупированных арабских территориях.

С самого начала вероломного нападения Израиля на арабские страны «Литературная газета» напечатала около двадцати материалов, в которых пропагандировалась советская политика на Ближнем Востоке, проводился четкий классовый подход к оценке событий в этом районе, разоблачались действия израильских агрессоров, их зверства и разбой на захваченных территориях, поддерживалась справедливая борьба арабских народов. Среди этих материалов такие статьи, как «Авантюристы из Тель-Авива» Д. Вольского /№ 24/, «Кто сказал Тель-Авиву: Пошли» М. Сагетеляна /№ 25/, «Народы одобряют позицию Советского Союза» писателя А. Софронова /№ 25/, «Израильские агрессоры попирают международное право» /№ 26/, «Даян-захватчик» А. Бухарова /№27/, «Как это началось», «Правда об агрессии Израиля», «Операция Каин» нашего специального корреспондента на Ближнем Востоке В. Жукова /№№ 28, 29/, «Израиль: Пиррова победа» М. Сагетеляна /№ 29/ и др.

Рабочая редколлегия на своем заседании от 19 июля, обсудив факт публикации материала под рубрикой «Дополнительный штрих» – « А что думают в Тель-Авиве?», признала, что текст заметки не требовал воспроизведения самой медали с изображением Даяна. Появление на страницах газеты этого снимка является ошибкой редакции.

È. ï. á á á í á á ð á á è ò í ð á «È è ò á á è ò ò ò í é á á ç á ò ú»

/í í á í è ñ í Á. Ò á ð ò á ð ý í

19 è þ ý 1967 á á á

Àlèḡ àl'ò 3

ÒÈ ÈÌ ÑÑ

В «Литературной газете» за 12 июля с. г. помещена заметка «А что думают в Тель-Авиве?» и иллюстрация к ней – изготовленная в ФРГ медаль с изображением министра обороны Израиля Моше Даяна.

Публикация настоящего фотоснимка является грубой ошибкой редколлегии «Литературной газеты» и объективно служит популяризации одного из исполнителей воли империалистических сил в борьбе против арабских народов.

Следует отметить, что и некоторые другие органы печати проявляют неразборчивость в публикации материалов, касающихся Моше Даяна. Так, в газете «Правда» за 18 июля с. г. опубликован снимок популярной датской кинозвезды, демонстрирующей моду «А' ля Даян».

Отдел пропаганды ЦК КПСС вносит предложение указать и. о. главного редактора «Литературной газеты» т. Тертеряну А. С. на допущенную грубую ошибку и потребовать от редколлегии «Литературной газеты» принять меры, обеспечивающие строгий отбор предназначенных к публикации материалов.

Проект постановления прилагается.

Çàì. çàá Ì'òáàèì ì'òrì'ááì áù

ÒÈ ÈÌ ÑÑ

/ì'í'áì èññ' À. Áì è'ò'òpé

20 èpèy 1967 ã'áá

илов Сагуа-ла-северном обое-на Лас-Вильяс, ту валторы тм-омов — пазмо-

В. ЛИСТОВ.
Б Ш И
е насчитывать
рт в диаграмм,
эциклопедиче-
стране, ее ве-
стия, социаль-
ческие преоб-
орисденши аз
власти, при-
глек в геогра-
еиностах стра-
ЧАКАРЕНКО.

в СССР
иностраных
лоник
с достигнутой
с 20 по 25 ю-
на посетят ми-
их дел Японии

ИЗУВЕНЧЕННЫХ ГОРНЯКОВ.
ЧЕТВЕРТЫЕ СУТКИ СИДЛТ
ОНИ В ТОМ САМОМ ЗАБОЕ
ШАХТЫ «МИНИО», ГДЕ В НО-
ЯБРЕ 1963 ГОДА ПРОИЗОШЛА
САМАЯ БОЛЬШАЯ ПОДЗЕМ-
НАЯ КАТАСТРОФА В ИСТОРИИ
УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННО-
СТИ ЯПОНИИ, КОГДА ВЗРЫВ
РУДИЧНОГО ГАЗА ПОГУБИЛ
458 И ИСПАЛЧИЛ 738 ШАХ-
ТЕРОВ.

В третью годовщину катастро-
фы, когда весь шахтерский го-

выдачи их страхового пособия
и ослаты лечения. Почтавыми
разносками эти заказные письма
с тяжелым сердцем. Никто из
жертв взрыва еще не может ра-
ботать в полную силу, а 219
увеличенной пришлось достав-
лять в больницы.
Четвертый год ведут жены
шахтеров героическую борьбу,
добиваясь, чтобы помощь по-
страдавшим оказывалась вплоть
до их выздоровления. По их ка-
стоию правящая партия сог-

идательстве. УД
парламентская с
зается 21 июля,
днем становится
шассо, что консе-
жит свое обеща-
жены шахтеров
подорожную забаст
В. ОВЧ

анизатор отив Кипра

ивнокомандую-
ныма силами
з рьяно защи-
вланы ликви-
гивенной само-
Овира,
бул кампазью
против прави-
тается ликви-
е условия. Он

американцев и афисской
войной хунты, наносивших не-
поправимый ущерб стране.
Представители греческой
хунты, и в частности министр
внутренних дел Грегина Пат-
такос, посещали выступить с
опровержением угрозы госу-
дарственного переворота на
Кипре. Однако цель этого так-
тического шага совершенно

Нет, нет. Ее глаз не повреж-
ден. Это популярная датская
кинозвезда (снимок из швед-
ской буржуазной газеты «Эк-
спрессен») просто демонстри-
рует новую летнюю моду —
«Али Дали». Черная повязка
закрывает именно левый глаз,
как у израильского министра
обороны Моше Даяна.
«Рыцарь удач», так называют
западная печать Даяна, вносит
свой последний вклад в между-
народную моду: Подтвердил
плана вероломного нападения
Израиля на арабские страны
печется о расширении круга
его «обмантелей». И самым боль-
но средствам не прибегают ра-
ди этого! В ход пуцены даме
дамская мода.
Но, как известно, Дали и его
последователи спекулируют
и возмущению народов. И тщетна
попытка модой «Али Дали» за-
крыть глаза людям на жидко-
еврейскую сущность, планом за-
говора и милитаризма и их
исполнители — израильского аг-
рессора.
З. ГОЛОШУБОВА.

Пуэрто

САН-ХУАН (ПУЭ-
РТО) ЛЕСЯ МИТИНГ, В
ЛОВЕК, УЧАСТИИ
НЫЕ ШТАТЫ ПР-
ВЫРАЗИЛИ ПРОТ-
ВНСЦИТА.
Вот уже почти
пуэрто-риканский
ся за независим-
1968 году он вы-
жином в руках про-
колонизаторов и
Пуэрто-Рико нест-
публкой. Народ
льи жертвы в ни-
бе, но на смену
хатчидам в 1898
ка-Рико пришли
США. Силой оуб-
зали маленькому
бывшему народу
альный режим.
Пуэрториканцы
вести упорную б-
зависимости. Во
целью обмена ми-
ственного мнен-

Ч Т

З А

Специаль
л
Здесь обраци
внимание на пол-
бытия последни-

Ářeôî ářò 4

СΤΑΔΟΑΓΙΤΙ ΝΑΕΔΑΟΙΤΙ

ΥΙΝΘΑΙΤΑΕΑΙΕΑ

Caedao adedao ÒĒ Ēiti i oi enoe: aite Ī adoeē Nīaadoēiā Nīpca

Ī ānaie īoeaēā, aoi oiāi īē ā «Ēēōadaoōdi ē ācaōū»

1. *Īoi adedou +oi āaēēēāy «Ēēōadaoōdi ē ācaōū» āiōōdēā āōōp īoeaēā
īiōāēēīāā ā īīi ādā çā 12 ēpēy 1967 āāā oīōōīēi īē ēçāōīāēāi īē ā ŌDĀ i āāāēē nēçīāāāēāi ēāi
i ēiēnō dā īāiōī ū Ēçāēēy Ī īōā Āāyīā*

2. *Ōēcaōū ē. ī. āēāīīā āāāēōīōā «Ēēōadaoōdi ē ācaōū» ò. Ōāōōāyīō Ā. N. īā
āiōōāiōp āōōp īoeaēō ē īīōōāīāōū īō āāēēēāē ācaōū īōēīyōū i āōū, īāāīā-ēāpūēā
nōōīāē īōāīō īōāīāçīā-āi īūō ē īōāēēāōēē i āōāāēīā*

24 ēpēy 1967 ā

DĀĪĒ, Ō. 5, īī. 59, ā 25, ē 171-174

III *çāāī ē āāēāi īīā-āōēīōōī ā īōēāīāēā*

КВАРТИРА МАРШАКА

Ááí ääèèò Ñàðí íá

Êááðò èðà ò èõà, èàè áóí àãí -

Í óíò äý, ááç äýéèò çàò áé, -

È ñéú óíí, èàè áóéúéáàò áéáãí

Í í òðááí áí óò ðè áàò àðáé...

À ñòáí ù í ðééýò ùá ò í í èé,

È í áéúá à áí éúò á ááç à ò ú

À ý èàè áòðáé í á áíááí éá

Í áýçáí éíí ó ò í èáðàòü..

Êáéíé-í èáóúü è çí áòðáç è ò áéü

× áíò ò áéü è í éóí çí í áí éúí á,

× áðí èéà è èðí áè ñí áíè ò áéü

Áíò ò í éí ò áéí áí ðí á í á

Í. Í áí ääéúò ò áí

- Áíè è í í-éáãí

Í éãíá

í á í áéááí,

Í í áç àò áú ò ú

Èóí è óü

Êáéíé-í èáóúü

Áíí ?..

- Èóí è óüí -

Í ò áü

Í ò áá: áàò

Áçáú óáý:

- Òú í á á × è è à à ã,

Ì ì y à ì ò ì à y.

Ñ. Ì à ò ò à è

Всякий раз, когда мне случалось жить в переделкинском Доме творчества, я навещал Корнея Ивановича.

Однажды, когда я заглянул к нему, его как раз снаряжали для прогулки. Он стоял в передней, уже почти совсем одетый, а вокруг него суетились женщины. Одна укутывала ему шею шарфом, другая надевала рукавицы. А он стоял – высоченный, улыбающийся. И принимал все эти их заботы как должное, само собой разумеющееся.

Когда сборы были совсем уже завершены и мы с ним вышли на улицу, я сказал:

– Вы прямо как солнце, вокруг которого тут всё вращается.

– Да, – согласился он. – А ведь я никогда к этому не стремился. Это вышло как-то само собой. А вот Самуил Яковлевич, который всегда так этого хотел, живет в этой своей мрачной, холодной квартире, один как сыч, с этой жуткой Розалией... И как только он ее терпит...

Я знал, что отношения у Чуковского с Маршаком непростые. О том, как ревниво они друг к другу относятся, приходилось тогда слышать на каждом шагу. Помнил я и знаменитую эпиграмму, сочиненную Елизаветой Тараховской:

Ì ò ì à ì à è à y ì à à ì è à è,

Ì à ò ò à è × ó è ì à ì è ì à ì è ì à è.

À ì ò è à ò à à ì à à ì è à è,

«Ì ó è ì à ì è ì à ì» - ì ì ì è à è à è.

À ì ò è à è ì è ò à ì à y ì ì è

Ñ ó è è ò ù À à ì ì è ì è.

Но в этой реплике Корнея Ивановича я не углядел и тени какого-нибудь скрытого, тайного недоброежелательства. Ничего, кроме самого искреннего сочувствия.

И хотя в то время я уже постоянно бывал у Самуила Яковлевича на Чкаловской, реплика Чуковского заставила меня совсем по-новому взглянуть и на эту, действительно мрачноватую и не слишком уютную, его квартиру, и на весь его, в самом деле, не больно хорошо устроенный быт.

К. Чуковский: «А вот Самуил Яковлевич живет один, как сыч, в этой своей мрачной, холодной квартире...»

На одном из подаренных мне томов выходявшего тогда четырехтомного собрания его сочинений, Самуил Яковлевич написал:

Í à í àì yòùí í àèàì í òòè-àèèì óòà, í òí àí èà ààèàì ò' àí àí-àòà

Таких утр, продолжавшихся до самого вечера, у нас было много.

Читали стихи (читал, как правило, он – иногда свои, чаще чужие), разговаривали (говорил главным образом тоже он).

Иногда на пороге возникала его домоправительница – та самая «жуткая», как назвал ее Чуковский, Розалия Ивановна.

– Самуил Яковлевич, – начинала она, – вам давно уже пора...

Но он не давал ей закончить.

– Уходите! Вы нам мешаете! – кричал он. – Принесите нам чаю и немедленно уходите!

Однажды, когда я к нему пришел – на этот раз не утром, а во второй половине дня, – у него сидел Виктор Боков и, наяривая на балалайке, пел частушки.

Встретившая меня Розалия Ивановна, скорбно поджав губы и неодобрительно покачав головой, пожаловалась:

– С самого утра песни играют.

Было видно, что это пиршество духа и в самом деле длится уже много часов. Раскрасневшийся, взмокший от вдохновения и усердия Виктор вспоминал всё новые и новые частушки, а ненасытный Маршак требовал еще и еще.

Наслаждение оба испытывали неизъяснимое.

А потом Самуил Яковлевич стал сам вспоминать разные старые частушки, Б-г знает, с какого времени застрявшие в его памяти.

Каждая из них чем-нибудь особенно его восхищала.

Одна – безыскусной внутренней рифмой:

*Í èüé øàðóéé ïííîñé,
Í íéøøàéíé ïííðíñé.
Í íá íá øàééí í íéøøàééà,
Æàééí ì àéí ïííîñé.*

Другая – слитностью содержания частушки с ее разухабистым плясовым ритмом. Ее С. Я. как-то особенно четко проскандировал.

*Í í-øéà íéÿ-ñòüü
Â éíðíðáíüéé éíó-òá
Çàññ-èéà ðéààà
Í í ñàí ùá éíé-òé.*

А третью – такую же – даже спел:

*Í íøéà íéÿ-ñòüü
Øéüéí í íé ððíðò èò,
Í àøá ääéí ì íéíáíá-
Í àñé Á-áíðíðò èò.*

Четвертая восхитила его своей крепкой сделанностью:

*Âñá í èàò èé ÿ í àðí îñéà,
Øéüéí øàéü í ñò àéàñÿ,
Âñòò í àðí áé ÿ í àðèðáééà,
Í áí à øààéü îñò àéàñÿ.*

Пятая пленила пластикой, картинностью, слитностью музыкального и зрительного образа:

*Í àðáá ì àéü-ééàì è
Í ðíéáó í àéü-ééàì è,
Í àðáá ñò àðüí è èðáüü è
Í ðíéáó àéüí è àðáüü è.*

Шестая – изяществом и точностью выраженного в ней «внутреннего жеста»:

Éóàà, ì èéüé ì íé, èäàøü?

Áíōīāy – á āñòè.

Ī ēēūé ì íé, āīqū è ì āíý!

Áíōīāy – í īñá.

Боков уже давно простился и ушел со своей балалайкой, а Самуил Яковлевич долго еще не мог успокоиться. Вспоминал всё новые и новые частушки, восхищался их виртуозностью, говорил о том, какая это сокровищница словесной, ритмической, образной, изобразительной и всякой иной гибкости и выразительности русского стиха.

Покончив с частушками, перекинулся на городской, «мещанский» романс («Маруся отравилась...»), демонстрируя мне и смакуя таящуюся в разных его поворотах неведомую мне прежде, неизъяснимую прелесть.

Тут же, по прямой ассоциации со своими размышлениями о емкости и выразительном лаконизме народной русской частушки, он вспомнил восхитившее его четверостишие только что ушедшего Бокова:

Ī à ññ āā ñēāē ò ññ āēōī

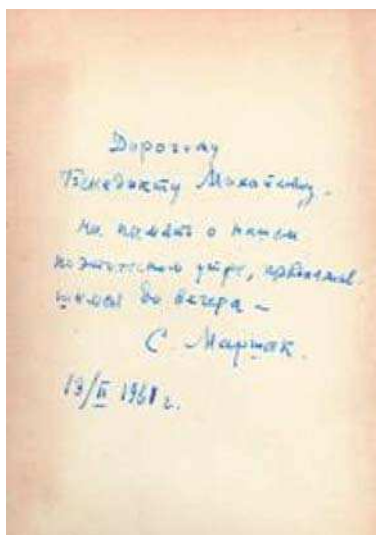
Ī à āññāē çāōþ í āīý.

- Ēāē çīāōò, çāī ēý?

- Ñēāēōī

- B ōī-ó āī ì íé!

- Ī āēūý.

Ōāēēō ì īýōè-āīēēō òōō, íōīāīēēāāō ēōīý āī ñāī īāī āā-āōā, ó Ī āñ āūēī ì ī īāī

И долго говорил о том, как ценно в Бокове то, что его самородный талант опирается на прочную основу давней народной традиции и что без этой основы кажущиеся такими яркими стихи многих современных молодых поэтов похожи на часы, у которых отсутствует часовая стрелка. Часы тикают, ходят, и минутная стрелка в положенный ей час совершает свое круговое движение по циферблату. Но как по таким часам узнаешь, который час?

В общем, и это наше поэтическое «утро» затянулось до глубокого вечера.

Многочисленные попытки Розалии Ивановны вмешаться и прекратить это безобразие пресекались жестоко и неумолимо. Впрочем, удивить ее было трудно: всю безнадежность этих своих попыток она и сама прекрасно понимала.

Как-то раз, явившись к Самуилу Яковлевичу (по его настоятельному требованию, конечно, иначе это не бывало), я застал его в постели.

Оказалось, что у него воспаление легких. Уже пятое или даже шестое в этом году. Мои попытки отложить визит до его выздоровления были решительно пресечены, и день прошел, как обычно, с той только разницей, что принимал он меня в постели и в ночной сорочке.

По поводу этой ночной сорочки он, к слову, сообщил мне, что Александр Трифонович Твардовский, когда увидел его в этом одеянии, чуть не умер от смеха. Сообщил он мне это сугубо между нами, чуть ли не взяв с меня слово, что я никому про это *faux pas* Трифоныча не разболтаю. В детстве я тоже спал в ночной сорочке. Но, разумеется, и не подозревал, что приверженность к этому детскому ночному одеянию может сохраниться у взрослого и даже весьма пожилого мужчины. Однако виду не подавал и тоже – вместе с Самуилом Яковлевичем – посмеивался над неистребимой крестьянской «дикостью» Александра Трифоновича.

Все попытки Розалии Ивановны пресечь или хотя бы сократить наше общение пресекались так же жестоко, как это бывало, когда Маршак был здоров и принимал меня не в постели, а в кабинете. Во время одной из этих ее попыток выяснилось, что утром температура у него была больше тридцати восьми градусов.

Когда она в очередной раз была изгнана криком: «Уходите немедленно! Вы мешаете нам работать!» – я сказал:

– Самуил Яковлевич, ведь она права. При такой температуре...

– Да, – сказал он, – у меня жар...

Я мысленно отметил этот старинный оборот – в моей Москве давно уже так не говорили, говорили: «Высокая температура».

– У меня, действительно, жар, – продолжал он, – но это пустяки, я к этому привык...

– Вы бы хоть курили поменьше, – сказал я.

Он согласился, что это верно, курить надо бы поменьше. И тут же, докурив папиросу, зажег новую. Со вкусом затянувшись, сказал:

– Эту квартиру, весь этот свой образ жизни я называю «Трест по уничтожению Маршака». Во главе этого треста, конечно, стою я сам. Но понимаете, какое дело, голубчик! Мне семьдесят четыре года. Сколько проживу – столько проживу. А менять себя мне уже поздно...

Я сказал, что лечиться всё-таки надо, на что он ответил репликой, которую, как я понял, придумал уже давно, может быть даже нарочно для того, чтобы отвечать ею на такие вот нравоучительные сентенции:

– Чтобы лечиться, нужно иметь железное здоровье.

Все эти мои впечатления о его образе жизни, включая этот разговор, – всё это было до того, как я услышал ту реплику Корнея Ивановича. Так что ничего нового К. И. этой своей репликой мне не сообщил. И всё-таки, как уже было сказано, реплика эта заставила меня чуть внимательнее взглянуть в обстановку, окружающую Самуила Яковлевича, – в этот повседневный его быт.

Вот хотя бы эта его квартира на Чкаловской.

Квартира вроде нормальная: большая, удобная, в хорошем доме. Район, правда, так себе: напротив Курского вокзала. По Садовой – непрерывный поток машин, в том числе и грузовиков: шум, грохот. И никакой зелени вокруг. А моя жена всё время твердит мне, что зелень – это очень важно, в особенности если учесть, каким воздухом мы все дышим в этой нашей загазованной столице.

Но о каком воздухе можно говорить применительно к этой маршаковской квартире, если вся она прокурена насквозь, и запах табака, пропитавший каждый кубический сантиметр ее пространства, не выветрится уже никакими сквозняками, сколько ни старайся.

Дело, однако, было не в прокуренности и не в близости к Курскому вокзалу.

Главное, на что я обратил свое внимание, когда после той реплики Корнея Ивановича совсем по-новому взглянул на квартиру Маршака, была вдруг поразившая меня ее безликость. На всех других писательских квартирах, виденных мною (я имею в виду квартиры стариков, сверстников Самуила Яковлевича), лежал резкий отпечаток индивидуальности их обитателей. О том, какое впечатление произвели на меня квартиры Эренбурга и Шкловского, я уже писал. Что же касается переделкинского дома Чуковского, то он уже при жизни Корнея Ивановича гляделся как музей: что ни шаг, то – готовый экспонат: вот хозяин дома, запечатленный кистью Репина, а вот – «Чуковский в новой шляпе», нарисованный карандашом Маяковского, а вот – картина Добужинского, тоже как-то связанная с личностью Корнея Ивановича или с какой-то его книгой.

Квартира Маршака не только такой яркой, сразу бросающейся в глаза, но и вообще какой бы то ни было индивидуальности была лишена начисто.

В его кабинете только письменный стол, вечно заваленный рукописями, гранками, книгами, напоминал о том, что хозяин этого кабинета – писатель. Всё остальное – застекленные шведские книжные шкафы, потертый кожаный диван, глубокое черное, тоже кожаное, кресло вполне могло принадлежать врачу или не очень преуспевающему, средней руки, адвокату.

Ни один предмет в этом кабинете не отражал индивидуальности Маршака, его особенности, его непохожести на любого другого русского интеллигента, бытовые вкусы которого сформировались еще в дореволюционные времена. Разве только не совсем обычная пепельница: маленький серебряный ящичек, крышечка которого никогда не закрывала его плотно, потому что он вечно доверху был набит окурками.

Почему же я раньше не замечал этой унылой безликости его кабинета? Почему не поразила она меня сразу, почему ни разу мне не пришло в голову сравнить этот маршаковский рабочий кабинет – к явной его невыгоде – с кабинетами Эренбурга, Шкловского, Чуковского?

А очень просто. Потому что это отсутствие индивидуальности в окружающих его вещах, предметах его домашнего обихода было заслонено ярчайшей индивидуальностью самой его фигуры. Его поведения. Его манеры жить. Его бешеным темпераментом. Вот этим самым непрерывно действующим «трестом по уничтожению Маршака». Его способностью забыть о завтраке, обеде, ужине, о пятом или шестом за этот год воспалении легких, о том, что у него «жар», и о том, что он принимает вызванного им визитера в ночной сорочке, – забыть обо всем на свете, кроме стихов, частушек, находящихся в работе рукописях и ждущих его не вычитанных корректур.

Дочь Эренбурга Ирина не зря хотела сохранить кабинет Ильи Григорьевича: в этом его кабинете даже и сейчас, когда он давно уже сменил свой адрес, да и Ирины, которая перевезла его к себе, давно уже нет на свете, всё еще живет бывший его владелец: живет в картинах, книгах, фотографиях, любимых вещах. Лидия Корнеевна Чуковская не зря так печалилась, что дом умершего Корнея Ивановича хотят разорить, и дочь ее Люша не зря так долго боролась за сохранение этого дома: сколько лет прошло, а в нем всё еще жив дух его старого хозяина.

Квартира Маршака после смерти Самуила Яковлевича не прожила и дня. Она умерла вместе с ним.

Невольно, может быть, совсем об этом не думая, это ощущение очень точно выразил в своих воспоминаниях о Маршаке, написанных вскоре после смерти Самуила Яковлевича, Алексей Иванович Пантелеев:

È íá íáí á à ááííóóúúæéçíæ

Á ò ðáááò è æ ò ááò í ò ááæ áé.

Унылая безликость этих вялых строк яснее ясного говорит о том, как смертельно не хотелось ему участвовать в официальных государственных похоронах этого литературного палача. Но – не смог отказаться.

То есть что значит «не смог»? В его положении уже нельзя, невозможно, немислимо было отказаться от выполнения этого «социального заказа».

Сейчас я уже довольно ясно представляю себе, как создалось это его официальное положение.

Начиналось, наверно, как-нибудь так же, как в той истории про Мандельштама, которую «в тоне юмора» рассказал в своем «Алмазном венце» Валентин Катаев:

В í ðéøáé è úæéóí-èéó è í ðááéíæéé àí ó ññíæòúú àí àíðá ñ ì ííé á Áéááííééòí ðííáò, áááí íæíí áúéí ííéó-èòúú çæáç í à áæòñòèðé.

Í ðé ñéíáá «áæòñòèðé» úæéóí-èé ííí í ðúíééíí, íí àí æá ñæááééíí, è í ú í òí ðááéééíí á àíí áúáøáá ñò ðáòíáíá í áúáíò áá «Ðííéý» è òáí í ðááíò áéé í áðáá Ëðòííéé...

Í áááæáá Ëíííòáí òéííáíá í áíòíýòáéúíí, ýííí è ííí òéýðíí í áúýíí èéá í áí í áíòáííáéò á ñáðáí áííé ñááòñéíé ááðáíá, ááá íá-éíáæé ááéíòáíááòúú èçéáéé. Ëçéáéé òí ááúýééííí áíááááòúú í ááí í úò ðááí-èò - ááò ðáéíá - çá -éáííá ñáíáé íáí úé, -òí ááááéí èí áíçí íæíííòúú í áòíáéòúú çæéíí í ðíáíáéíáá. Í ááí í áíéíáòúú í á ýòò òáí ó ðáçíáéá-èòáéúíí ðí áæòéóá...

Í ðéáý áíí íé, í ú ñáçò æá í ðéíò òí èéé, èáé òíááá í ðéíýòí áúéí ááíðéòúú è áíííéíáíéð ñòéáéúí íá çæáçá.

Áóó-è á ííáíáíúò ááéáò -æéíáééíí ííúòíúí, ý í ðááéíæéé á èá-áíòáá ðáçíáðá ááíòáááéíúé -áò ú ðáíòñòíííúé òí ðáé, ðáíí-èòúúáý ðáíí ðááéòúúíí ñáæòéíé -áíá çá ííéòíðá.

- Ëçéáéíá ý ðéòðííòúú áíááí, ðáííéáæò ááç èèóíéò ñéíá èáé ííé ðíáíé ííá áéáíí óéðúááò ááò ðáéíá - áíáðí íá-æé ý è í ðááéíæéé úæéóí-èéó í ðíáíéæéòúú íí íí ñ í ðáçáíéáí ííí í òðáé í á í áý è, áúííéíí áðíí áíééíóá áéíáá, íí-òè í ðíáíé:

- В óéáéýðííí èáé áí ñ ááòéí áéóííí í íæáòá í ðááéáááòúú í íá ýòíò ñúðíé, èçééóíá òí ðííééáíé -áò ú ðáíòñòíííúé òí ðáé, èáæáúéé ñááòáí íí áí á æáí ðá è áííáúá áí á èèòáðáòóðú!..

В ñáçò ííýé, -òí íáøá í ðááí ðéýòéá ííá ðáíçíé. Í æéóò òáí úæéóí-èé, áéáéí í, áí áíéáá è áíéáá ááí òí íáéýéíí...

Í í áíéáá ðáííáæéááé íí éíí íáòá íò íéíá è áááðé, íáíááý -òí-òí í ðíí íááý, í ðíéçíííéé í ááíýòíí ñáýçáííúá í æéáò ñáíé ñéíáá, ííòáíááééááéíí, èáé áú í ðéíéóéááýííí è áéííò ñáíáé éáí ðéçííé í óçú, ííòíí ñ ííá íá-éíáé òíáéòúú áçáá-áí áðáá.

Аáíá ááá òáí áðáí áí áí í ðéáí òíáééá áúí ááò è éáðáí ááò.

Úæéóí-èé í ðíáíòí í òáé íá-òí áðíáá òíáá, -òí «...áíòúú ðáçíúò ðéòðííòáé ó -æéíáéá í ííá, è æáæáá ááí ááéò áéá-áò è ñíáá, èáé áíé...»

Í í í ðéçááòí áéíí.

Í áóçá áéééáííí óéáííí áíéáá. Ðééá æáí ú áíí ðííéòáéúíí çáéíéá ñ éáðáí ááòíí á í áéííáò í áá áóí ááé. В íééáé í áí í ááííáðáçéòúú -áí áí ýòí íéíí-èòíí.

*È ááðá ùáéóí:éé áñòðáí áí óéñý è, ìíáéáá ááééíéáííúé éíáííééáñíé:áñéé ááñò ðééíé,
áñí éí, íí áéðáá:éáí íðííáé, íáçéááòáéúíí íáñí óðéá áðíáé, éáé è ííáíááéí ááéééíí ó ááñí íí éíñó:*

*- Èóéáé Íáñí, ÷òíá íá íéáòéòíí íáéíá.. - Íí ìíáéáé ÷óðáéòíóð íááóó è çáéíí:éé
òíðáéáíò ááí íí: - Íáéíáéíéóó ìíáá çááé!*

Β í ááíðé ðééíé, íííéí áý, ÷òí éç íáóáé ááéòéé íé:áñ íá ííéó:éòíý.

*Íá ÷òíí è éíí:ééíñí ííéóóáíéá ùáéóí:ééá áééð:éòúñý á ááéòííçéð
Áéááííééòíðííáòá*

Ñ. Í áðéáé: «Áéááí áý íáóá áíáá, áíéóá:éé, á òíí, ÷òí í ù ìíááí è éðáé ìí ííáí úá»

Уже переписав эту замечательную историю, я вдруг, так сказать, задним числом сообразил, почему именно она мне тут припомнилась. Ведь Маршак – точь-в-точь как некогда Мандельштам – почувствовал, что «спасти» заказанную ему халтуру может только игра. В данном случае – игра слов. И инстинктивно пошел тем же – Мандельштамовым – путем. (У Мандельштама – игра на словах «налог» и «наложница», у Маршака – на словах «посудный» и «подсудный».)

Но у Мандельштама из его попытки «включиться в агитпоззию Главполитпросвета» ничего не получилось, а у Маршака – получилось.

Помню, однажды при мне Самуил Яковлевич сказал Вале Берестову:

– Главная наша беда в том, что мы с вами люди способные.

И с усмешкой добавил:

– Способный – это ведь значит способный на многое.

Оказавшись (в отличие от Мандельштама, который, как он сам о себе говорил, мастером не был) человеком способным, Маршак постепенно втянулся в эту игру. А когда хватился, было уже поздно: выйти из нее было уже невозможно.

Да и так ли уж хотел он из нее выходить?

Тут ведь немалую роль играло еще одно – довольно важное – обстоятельство.

Семен Израилевич Липкин однажды рассказал мне, как мучился он над переводом путевых очерков Мирзо Турсун-заде. Собственно, переводом это назвать было трудно. Никакого текста у Мирзо не было. Он рассказывал Липкину о своем путешествии по Индии устно, а тот из этих устных его рассказов должен был слепить нечто удобоваримое.

И вот рассказывает он о посещении жалкой, убогой хижины какого-то индийского бедняка. Липкину нужны какие-то реалии, детали. Он допытывается:

– Ну а из чего он ел свою убогую еду? Из какой-нибудь чашки? Плошки? Какая она была? Глиняная? Или, может быть, деревянная?

А Мирзо в ответ твердит одно:

– Бэдний человек... Совсем бэдни... Нищий...

Я спросил:

– Семен Израилевич, а зачем вам надо было его переводить? Мало разве вам было «Махабхараты», «Манаса», «Джангара»?

Я знал, что свою работу над народными эпосами и классиками персидской поэзии Семен Израилевич любил, относился к ней отнюдь не как к халтуре. И вот – счастливое, редкостное в те времена сочетание: любимая работа, эти десятки тысяч переведенных строк сделали его обеспеченным, даже богатым, а значит, – независимым. На черта ему при этом еще какой-то Турсун-заде?

Я думал, он ответит, что с Мирзо у него сложились такие отношения, что отказаться переводить его он уже не может. Но, посмотрев на меня как на идиота, он сказал:

– А потому, что без того не было бы этого.

Не переводил бы он Турсун-заде и других орденосных графоманов – не было бы у него ни «Джангара», ни «Махабхараты», ни «Манаса», ни Навои, ни Фирдоуси...

Вот так же и Маршак.

Не сочинял бы он эти свои стишки про оказавшихся под судом продавцов посудного отдела ГУМа, не возложил бы свой траурный венок на гроб Жданова – не было бы ни четырех Сталинских премий, ни последней, самой престижной в СССР, Ленинской. И не был бы он «Маршак Советского Союза».

Ñ. Èèíèéí. Í á íáááíáèè áú íí Óóóóí-çää è äääèó íðááí íí ííí úó äääóíí àí íá - íá áúéí áú ó íáá íè «Áæáí äáð», íè «Í äääááðáò ú», íè «Í áí áíá», íè Í ááè, íè Óèðáíóè...

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Î àòááé Ááéçáð

Î àòááé Ááéçáð ðíáéñÿ 9 èðíÿ 1940 ðíáá á Ááðááé. Î áá ááí ááááóéé áúéé ïðéááðáéáí òáí è òáíéáéçí á, á ïáéí èç íéð - Î ïðé Èððáéáððíáíéé èç Øííéú, - áúéé ááðéòúí ïðáááí èÿí, áúé ïíðíí èíí Áéðáð Ðááá

Ááí ðáí íáá ááòíðáí ïðíðéí á ááòòí Ááðááé, ï :áí Î àòááé Î íéííáé: ïáíéíáé á éíéáá «Î òðáááíðáéá á ðò ðáí ó ØÍÁ», èí òíðð ðí-èòááð ááááí íé á ðáíáé æéçí è.

Î éíí-éé ï àòáí àðé:áúéé òáéçéúðáð Ááéúííéíáí ï áááááé:áúéíáí èí ðéòòòá, ïáí áéí áðð æéçí ù áúé ááéá:áí èèðááðáðóðíé, ï éíáé ðòéðé. Áððáéé ðí Ñ. Ñ. Î áðááéíí.

Ááòíð áííú è éíéá á 2002 ðíáó çáúéðéé áúéðíðéçð áéííððáðéð ïá òáí ó «Ðúíéí-ááðáéíáÿ èèðááðáðá 20 ááéá», ðí 2004 ðíáá - ïðíðáííð Î ðíéíáéíáí áííááðíðááí ííá ïðéðíðíáí ï áááááé:áúéíáí òí éááðíðéòáðá èí. Øíéíðíáá

Î àòááé Î íéííáé: á ðáçí ùá ááúí áúé ááòíðíí ï ïíæáíðáí ï ááééáðéé á ïáóáí æóðíáéá Ðáááéóéÿ ï ïçáðááéÿáð ááí ðí65-éáðéáí è ïðááíðááéÿáð ï:áðááí íé ï àðáðéáé ïáóáíí ááòíðá

Весной 1911 года сбылась давнишняя мечта Маршака: редакция «Всеобщей газеты», принадлежавшей издательству Брокгауза – Ефрона, направила Самуила Яковлевича и его друга поэта Якова Година в качестве собственных корреспондентов на Ближний Восток. Поездка эта оказалась для Маршака судьбоносной по многим причинам, но прежде всего потому, что в этом путешествии он встретился со своей будущей женой – Софьей Михайловной Мильвидской.

Не по-весеннему прохладным выдался в Одессе день в середине мая 1911 года. Шумная толпа пассажиров, ожидавших посадки на пузатый, величественно покачивающийся на рейде пароход, отправляющийся в дальнее плавание к берегам никому не ведомой Палестины, гудела, галдела, философствовала. И все рассуждали о сказочной стране, с такой невероятной силой влекущей к себе. Пассажиры сидели, стояли отдельными группками, окружив себя дерматиновыми деревянными чемоданами, мешками, до отказа набитыми пожитками. Среди отъезжающих привлекал внимание высоченный мужчина в огромной черной шляпе с широкими полями – такую обычно носили хасиды. Он сосредоточенно читал молитвенник, но периодически произносил речи, да так громко, как на митинге.

– Мы проедем через шесть морей, – уверенно вещал он хорошо поставленным голосом. – И, если даст Б-г, на седьмой день будем уже дома. Наш Б-г повелел нам в этот день отдыхать.

– Всё он знает, – произнес молодой человек в пенсне. На нем был макинтош, а в руках – щеголеватая трость. – Откуда, адон, вы взяли шесть морей? Столько нет во всей Европе.

– При чем здесь Европа?! Может, вы думаете, что мы едем в Испанию? Вы не правы. Мы едем в Азию. В Эрец Исроэл!

Последние слова он произнес так выразительно, что они эхом разнеслись по небольшому помещению Одесского морского вокзала. Стоявшая неподалеку от спорящих пожилая пара заметно испугалась, услышав эти слова.

– В какой еще Эрец Исроэл? Мы с мужем купили билеты в Палестину. Мы поплывем в Иерусалим.

Хасид в шляпе громко и откровенно рассмеялся:

– В Иерусалим идут своими ногами, и не идут, а восходят. Это называется «алия»! Как же туда можно приплыть на пароходе, если там даже реки нет?

В глазах женщины, во всем ее поведении появилось замешательство, даже испуг. Повернувшись к мужу, она закричала:

– Я же тебе сказала, Велвл, что нас обдурили! Только бы выманить последние гроши за билеты! И вообще, ты никогда не знал, что ты хочешь от жизни, а уж куда ехать – тем более! Не жилось тебе в нашем Овруче! Цадик Ицхок Шнеерсон, его дети и внуки так любили наше местечко, и не нужен им был никакой Иерусалим! Ты слышал? Там даже нету речки! Тебе, наверное, надоели карасики, которые ловил в Норине наш сосед Мыкыта накануне субботы? Ты захотел в Палестину, а нас везут в какой-то Эрец Исроэл. Я даже не слышала, что есть такой город на свете!

Неподалеку от них стояли два молодых человека, выделявшихся своей интеллигентной внешностью. Один из них решил успокоить разволновавшуюся женщину.

– Не волнуйтесь, мадам, нам предстоит переплыть не шесть морей, а только три.

Другой молодой человек с ехидцей уточнил:

– И одно из них – Мраморное.

– Зачем вы меня дурите, молодой человек? Разве по мрамору могут плыть пароходы?!

Казалось, все вокруг прислушиваются к этому внезапно возникшему разговору. Молодой человек, пытавшийся успокоить женщину, обратился к своему приятелю и сказал:

– Сема, как тебе нравится наша компания?

На что тот ответил:

– Не волнуйся, Яша, главное, чтоб мы не оказались в одной кают-компании.

Эти молодые люди были журналисты, и в путешествие по Ближнему Востоку их отправила весьма популярная в Петербурге «Всеобщая газета». Оба они были известны читающей публике, а один из них – популярный поэт, давно мечтавший побывать на Святой земле, – в 1907 году написал такие стихи:

Наконец посадка на пароход была объявлена. Шумевшие и галдевшие пассажиры, ожидавшие этого момента, выстроились длинной цепочкой и медленно по трапу поднимались на борт. А когда пароход уже был в море, и знаменитый одесский маяк виднелся за кормой, пассажиры, успокоенные и умиротворенные, собрались в кают-компаниях. Кто-то пел, иные музицировали, а Маршак читал свои стихи, в том числе строки «Из Сионид»:

À í àçààò òà, í à òàíííàò á
Àúéààò ñ í àíí áé àí-ú í àðí àà
Ñí àé òàò ú ò ààò ú á àí é è í á
Ààà áé óæ àà è à Ñò è àì è ó ú ..
Í í àí é ààò í í à é í àðí àá
Í í àë ý à è ò ñ ó è ú á é í é á à ì àò -
È ç í à è í ì ì ó à è à à í í ò
Ç à ñ à à ò ñ ý È í ò à à í.

Раздались аплодисменты, как это бывает в театре. Декламатор взглядом окинул стоявших вокруг него людей и вдруг встретился глазами с девушкой необыкновенной красоты, казалось, сошедшей с полотен мастеров Возрождения. Она – выдержав долгий взгляд молодого человека, пристально смотревшего на нее сквозь толстые стекла очков, – вскоре сама подошла к декламатору:

– Кто автор этих дивных стихов?

Стоявший рядом Яков, не дожидаясь ответа, сказал:

– А вы угадайте?

– Что не Лермонтов, я догадываюсь, не Пушкин – тем более. Но и они не выразили бы лучше тех чувств, что гнездятся сейчас в моем сердце.

– Больше скрывать не буду, – сказал Яков. – Автор – один из нас.

Молодые люди были очарованы этой незнакомкой. В ее красивых выразительных глазах читалась вся история народа, ее породившего. Длинные черные волосы ниспадали на ее плечи, отчего она казалась еще красивее.

– Вас зовут Юдифь? – уверенно сказал Яков.

– Скажите, кто автор этих стихов, и я скажу свое имя.

– Я ведь уже сказал, это – один из нас.

– Тогда – это вы, – девушка обратилась к молодому человеку, стоявшему рядом с Яковым.

– Как всегда, Сема, так и на сей раз донжуанские лавры достались тебе!

А потом, ухмыльнувшись, спросил:

– А можно я прочту не наши стихи? Уж очень они напоминают наше сегодняшнее путешествие.

...Nōāū āyçí ūō yuēēīā è òpēīā

Òtēītē āādāē māāāēēnī

Ī à íeō nāāī ò íeā í āyāū,

Èō òdāī í à íāēōāā ā íāyō,

È ēō: ítēīy è í òdāū

Èāāē ā eō āūōāā ò ēēō: ādō āā

Ā í òtēī ò í ò çāāōī: ēāūē è yñ ūé

Ī í ātēīāī í āyē è ò í ēūēā,

Ādāī āē í āā í í òdāī ò ī ò māāēān ūé:

«Èāōī ātēāē ēēēdān ēāēt!»!

– Замечательные стихи, но ваши, – посмотрев на Сему, сказала девушка, – ближе моему сердцу.

Самуил и его новая знакомая так пристально смотрели в глаза друг другу, что это стало заметно для окружающих. Всё тот же хасид провозгласил :

– У нас написано: «Заклинаю вас, девицы иерусалимские, сернами и полевыми ланями: не будите и не возбуждайте любовь, пока она не придет».

Пожилой человек, услышавший эти слова, произнес на идише: «Их зэй, а сы из а пурл фын Г-т» («Я вижу: эту пару создал Сам Б-г»).

Самуил и незнакомка, непроизвольно взявшись за руки, отошли от толпы.

– Меня зовут Софья. Так называли меня в память о бабушке Шейндл родом из местечка Ионишпис.

– Насколько мне известно, Софья – скорее от имени Сора или Сара, а не Шейндл.

– Я поняла, что в делах еврейских вы разбираетесь лучше меня. И всё-таки я Софья, Соня, – с очаровательной улыбкой сказала девушка.

Очень скоро новые знакомые общались уже так, как будто знали друг друга много лет.

Из очерка «Весенние облака», написанного С. Маршаком во время путешествия по Палестине:

Ī à í āīāī ēā ðāçí òāēānī ēāēāy òēāī ū āāāī ēō íāēāēīā è mēīōā, òāē íāāāī í ēāçāōāāy òūēēūī è íāāī ēūēēī āēnēī, çā ò āyī í ūī ā íāāī, āí íāī çāā ðāēī nī í nēāī ē ò āēū ūī nāō īī è āí ānī ò ī ò ī ū ānō ðāī ēēī ydēēā, ī ò ðūā ēō: ē.

Yōī ātēī í ā nēēīā āy, è çēī ò í ē nāō mēīōā í ā ò ò ī ò āā ðā yāēēy ò tēēēī ādū ò ī ūī í ò āī: ānō āēāī āī: ādā. Ī ū ādā ēēē ī ī ēpāī ūī ūēōāī ò āā ðē: í íā çāā ðīāā, ēçāāēā í ādā ēē ā ū āy nī nēīāāī è, ī ī āí ēūōā āīāā í ò āā āy nī, ēāēā ūē ā í ò āā ēū ī ò ðē, m òō ī ūī è í ā: āēū ūī í ānō ðī ā ēy ī ā ðī ānēī ē ānī ū. È í í āā í ān ī ò āī āā ēē āāē nēēū ū ē ī í ðūā āā ò ðā, çā ò ā ò ū āā p ū ē ē í ā ēā ā ū ðā í ēā è ò í āā à í ū ēçī āy ēē í āī ðā ēā í ēā í ā ēāā í ū ēē, ī ī āī í ē í ā āī çā ðā ū ā ēē nī..

Çà èàì áííúì çáíðí àíñèèèñí : àðí úá ñòáíèú ááðááíá Áúæýíóèí ñéíóá - è ííè ñòàèè áúá : àðí áá. Í ðè : óæèáí çáñòúèè ðáçèí è ñòðíáí èçíáí óòúá ááòáè.

- Β íá èρáèρ ááñ ó - ñεαçáè à íý í ðèýòáèú èòá - Ááñ íé áúááò òíñεá è ááññííéòá è ý í ííá íéá : ó Á ííí íρ, èíáá-òí, èíáá áúéá ááí-èíé, ý èρáèè áá Β í ííá ñáèá ááñ íé - è íí-úρ è áí áí. Í ñááí í í ñεáèí ñ áèíñí áí áí. Á ñ ú èáèèá áúááèè!

Ááòáð óòèá. Í áèáèá í èúèè, èáè áí ñ á Ñíéíóá òáýéí çá ááèúí, áñòúí íáèáèíí.

- Èáèèá æá ñ ú áúááèè ó ááñ?

- Áíò èáè ýòè íáèáèá. Áúñòðúá, ááññíðýáí : í úá è í áí ðáðúáí úá. È òáèèá æá òýæáèúá è áóðí úá, èáè íáèáèá.

Сколько существует рассуждений о любви с первого взгляда, сколько об этом написано, сказано! Сколько сомнений высказано насчет ее существования! И всё же такое случается. Никто в подобные минуты не задумывается над тем, что она когда-нибудь пройдет, закончится. Лабрюйер сказал: «Только один раз любят крепко: это – в первый раз». Можно лишь добавить: для первой любви не существует прошлого, и, уж конечно, ее не волнует будущее.

На пароходе, следующем в Палестину, возник роман, истинный роман, длившийся почти сорок два года. Одна из первых дорожек его пролегла через долины и пустыни Эрец Исроэл.

В какой-то из дней влюбленные оказались около Вифлеема. В тот день Сема рассказывал своей возлюбленной о моавитянке Руфи, ставшей прабабушкой царя Давида. И, стоя у могилы Руфи, он по памяти читал отрывки из библейской «Книги Руфь», а следом за ней свои стихи:

Í íáèèòýí èá - Ðóóú Ááðáèèá - Í íýí èí ú

- Í àòú! Ñéíðáí óρ ñ íóó á óí úí úá

í á ííèèíú

Í èáè í ñòúèú í íá ðíáèí úá èðáý!

Ðáíé Á-á- í òí úí á í íé. Ðáíý ñòðáí á - í íý.

Í óæ í á íñòááèè è í á ðíááí èá -

èí áú æèòúí! -

Í àòúí óæá í íáñ! Í íçáíèú òááá ñéóæèòú

Áíò í áðáçéó : í ú í ú...

Áíò ðíáèí á òáíý...

Í á æáòáó í íçáí íρ - á ííèý ñ áðáèáñí ý.

Óááèá í áò ó í áñ

Ðú í í á ííçáíèú, í í àòú

Í íéòè á ííèý é : óæèí - íñòáòèè

Í íáèèðáòú

Обстоятельства сложились так, что Софья Михайловна уехала из Хайфы в Одессу в конце лета 1911 года, а Самуил Маршак с Яковом Годиным продолжили путешествие. Возвращались они через Грецию. Надо ли говорить о настроении Самуила Яковлевича в первые дни, когда он оказался вдали от Софьи. Неизвестно, существуют ли дневниковые записи Маршака тех дней, но они отражены в стихах Маршака. К счастью, стихи сохранились:

Здравствуй, зимнее ненастье,

По волнам лечу к тебе.

Ропщут трепетные снасти

С ветром северным в борьбе.

Ледяная, здравствуй, нега!

В снежном крае ждет мой друг.

И легко, как в день побега,

Покидаю светлый юг.

Гаснет солнце золотое

Меж темнеющих зыбей.

Завтра выплывет другое –

И туманней и бледней.

Только светлое участие

Мне рассеет эту тьму.

Здравствуй, северное счастье!

Зимовать – не одному...

Самуил Яковлевич и Софья решили, что уже в ближайшую зиму они будут вместе. А ведь могло быть по-иному. И без того плохое здоровье Маршака во время путешествия по Палестине было подорвано приступом малярии, случившимся в те дни, когда его уже ждали в Петербурге. К счастью, он сумел оповестить родителей о причинах задержки своего возвращения. В письме к родителям Маршак сообщал: «А пока вместо меня приедет к вам моя невеста – Софья Михайловна Мильвидская». По получении письма старший брат Маршака поехал за невестой брата и привез ее в дом.

«Мы не можем отвести глаз от ее прекрасного лица, от ее прелестной улыбки. Софья Михайловна рассказывает нам о том, как она познакомилась со своим женихом, как вместе ехали они из Одессы на пароходе», – это из воспоминаний младшей сестры Маршака Юдифи Яковлевны. Особенно запомнился ей, да и всем Маршакам, рассказ Софьи Михайловны о старом еврее, отправившемся в Палестину во второй раз – он пустился в длительное путешествие, чтобы быть похороненным на Святой земле. Почему во второй раз? Однажды, приехав, он помолился у Стены Плача и пошел в Старый город, где снял небольшую комнатку и каждый день спокойно молился в ожидании последнего своего дня. Прошло два года, а последний день не наступил. Тогда старик вернулся в свое родное местечко Чечельник,

повидался со старым ребе, с детьми, со внуками, но жить без Эрец Исроэл уже не мог. И во второй раз пустился в дальнее путешествие. На пароходе старик ни с кем не общался, по утрам надевал свой старый талис и читал молитвы. Самуил Яковлевич всё же сумел разговорить старика, расспросить его. На вопрос, не страшно ли ему было навсегда распрощаться с родными и близкими, старик ответил: «А чего страшиться? Дети, внуки всё равно приедут ко мне. Если не ко мне, то на мою могилу. В любом случае я привезу их в Эрец Исроэл. Спокойный город», – сказал он. Узнав, что старик, прожив два года в Палестине, вернулся в родное местечко Чечельник, Маршак произнес: «Живой Агасфер!» Хорошо, что старик не знал этого слова и не обиделся. Он по-прежнему исправно молился по утрам и вечерам.

Естественно, что в ту пору Маршак написал немало лирических стихов. И хотя в них нет имени его возлюбленной, но несомненно, что они рождены любовью к Софье.

Более полугодом продолжалось путешествие Маршака и Година по странам Ближнего Востока. Они побывали в Палестине, Сирии, Ливане, Греции. Исправно посылали в русские газеты репортажи о своем путешествии. Но истинным дневником путешествия оказался цикл стихотворений Маршака «Палестина», написанный вскоре по возвращении в Россию:

*Èíááà á äéàçàò òàì íí ìò äíðÿ,
B äüíí èíàð èäàé ìòòíá
Í ðíðòíð äéòòòòüáá ì ìðÿ
È èíáèè, ìíèí ùá äéäáóíá..
Á èíòáéíá í èçéíé è óáíäé
Èäàò èäà, äüí èò èäéüíí...
À ðÿáíí ì ùéüí ìð äíðíáé
Í ðíðíáèò ò èèèé èääááíí.
È ääè-ääíé, ì äéíéèòüé,
Ñòáíí ùò ì ðíðòíðíá äéüí ùé ìííí,
Èäàò çà ìòòíéííé ääáí èòáé
Ñáíèò ääéèðáíá ääéèí...
Òí á ì èðííé è ì-áíðèèäé ìáí è,
Á ìéò-áéííé ðíùèòá íéèá
Áääéèðáü ìÿò, ìéèííéá èíéáíé,
Í íéà íá ääéèò èó ìðéíá
Áäáíí á ì-äéüííá èçüí áí ùá
Óòèè Èäéíáà ìííí.
Í í ääáíí èò äíáé ì-äðíááííí
Óðáíÿò èí-ääí èèè ìòðáíí...*

В Петербург Маршак вернулся в октябре 1911 года. Корреспондент многих газет и журналов, он часто разлучался со своей Соней – бывал в командировках. И тогда писал ей письма:

Ν. Ϊ. Ϊ εϋϋαε̄ᾱρε̄ᾱγ. Ϊ α: ᾱε̄ῑ 1910-ο̄ ᾱᾱᾱ

...Ᾱῑε̄ε̄ Ϫᾱε̄ Ϫο̄ῑϪᾱᾱε̄γ̄ Ϫᾱ ᾱᾱᾱο̄ ᾱᾱᾱε̄ῑδ̄ε̄Ϫᾱᾱῑῑ Ϫᾱᾱδ̄ε̄ῡ ε̄ Ϫᾱε̄δ̄ᾱᾱῑ ῡ, Ϫᾱ:ε̄ο̄, Ϫῑ ῡ Ϫᾱῑ ε̄ Ϫᾱᾱο̄ Ϫε̄ῡε̄ῑ Ϫε̄ῑδ̄ε̄, Ϫο̄ῑ Ϫε̄ε̄ᾱᾱ Ϫᾱ ᾱᾱε̄ῑ Ϫγ̄. Ϫᾱ:ε̄ο̄, Ϫε̄:ᾱᾱ ο̄ῑδ̄ῑο̄ᾱᾱ Ϫο̄ Ϫᾱᾱᾱᾱο̄ῡ Ϫᾱε̄ῡϪγ̄.

Ε̄ᾱῑ ᾱᾱῑῡᾱ ᾱᾱ ᾱᾱο̄ῡ Ε̄ρ̄ᾱε̄ῑ Ϫῑ ῡ ᾱδ̄ᾱᾱδ̄ᾱᾱ Ϫε̄ε̄ῡῑ Ϫ. Ϊ̄ᾱᾱ Ϫῑ ῡ Ϫᾱᾱᾱε̄ᾱῑ. Ϊ̄ᾱᾱ Ϫ:ᾱῑ ῡ Ϫε̄ᾱᾱ ε̄, Ϫᾱ ᾱᾱᾱγ̄ Ϫο̄ ᾱε̄Ϫῑε̄, ο̄ῑδ̄ε̄ῑ ο̄Ϫᾱο̄ῡ ᾱᾱ ᾱᾱρ, ο̄:ε̄ῑ Ϫγ̄ ο̄ Ϫᾱᾱ Ϊ̄ᾱᾱ Ϫᾱᾱᾱᾱῑ ῡ ε̄ ο̄ᾱε̄ Ϫε̄ε̄ῡῑ ῡ ᾱᾱᾱᾱᾱῑ, Ϫο̄ῑ Ϫῑᾱε̄ᾱῑ ᾱῡο̄ῡ Ϫᾱε̄ῑϪε̄ε̄. Ϊ̄ᾱε̄ῑϪε̄ε̄, ᾱᾱᾱᾱ ᾱᾱᾱ:ε̄ ᾱῑ ᾱᾱο̄ᾱ ᾱᾱᾱᾱᾱῑ. Ᾱᾱᾱῡ Ϫᾱ ᾱᾱᾱᾱ ε̄ρ̄ᾱε̄ ᾱε̄ε̄Ϫε̄ε̄ᾱ Ϫο̄ε̄δ̄ᾱᾱο̄ῡ ᾱδ̄ᾱᾱᾱε̄γ̄ ᾱδ̄ᾱᾱ. Ῡο̄ῑ ᾱῡᾱᾱᾱ ο̄ῑϪε̄ῡε̄ῑ Ϫῑ ε̄ῑο̄ᾱῑ ε̄. Ῡο̄ῑ ᾱῑε̄ῡε̄ῑᾱ Ϫ:ᾱᾱᾱο̄ῡ, ε̄Ϫᾱᾱ ο̄ᾱε̄ ᾱῡᾱᾱᾱο̄.

Ᾱ ᾱᾱᾱᾱ Ϫᾱ ο̄ᾱῑε̄ο̄ῡ ᾱδ̄ᾱᾱᾱᾱ ε̄ ᾱε̄ᾱᾱο̄ῡ ᾱδ̄ᾱᾱᾱᾱ Ϫᾱ ᾱ Ϫᾱε̄ῑ:ᾱᾱ, ᾱ ᾱ ο̄ᾱε̄ῑῑ.

Ϊ̄ῑ ο̄ᾱε̄ᾱῑ, ο̄ᾱε̄ᾱε̄ῑ. Β̄ Ϫᾱᾱᾱρ̄ᾱῑ Ϫᾱ Ϫᾱᾱγ̄, Ϫᾱ Ϫᾱᾱρ̄ ᾱε̄ρ, ε̄ῑο̄ῑδ̄ᾱγ̄ Ϫε̄δ̄ᾱᾱᾱᾱ ο̄ Ϫᾱδ̄ᾱᾱᾱ ᾱᾱ Ϫῑε̄ο̄ο̄ῡ Ϫᾱᾱᾱᾱᾱᾱ Ϫᾱ ε̄ δ̄ᾱϪᾱ Ϫᾱᾱ Ϫᾱᾱᾱᾱᾱᾱᾱᾱᾱε̄γ̄, Ϫᾱᾱᾱρ̄ᾱῑ Ϫᾱ ᾱε̄ῡε̄ ο̄ᾱε̄ο̄ ε̄ Ϫῑρ̄ ε̄ρ̄ᾱᾱᾱᾱε̄ ο̄ᾱᾱᾱ. Ε̄ ᾱε̄Ϫῑ ῡ - Ϫᾱ ᾱᾱᾱ ᾱᾱε̄ε̄ᾱγ̄ ο̄:ε̄ο̄ ᾱε̄ῡε̄ῑ ε̄ο̄ᾱ..

Β. S. Ϫᾱ ᾱᾱᾱᾱδ̄ε̄, Ϫο̄ῑ... Ᾱε̄γ̄ ᾱᾱᾱ Ϫᾱᾱᾱᾱᾱᾱᾱᾱᾱᾱ Ϫᾱᾱᾱ Ϫᾱῑ ῡε̄ Ϫ:ᾱᾱᾱε̄ε̄ᾱᾱε̄ ε̄ ᾱᾱᾱε̄ῡε̄:ᾱε̄ῑᾱε̄.

Письма Маршака к Софье Михайловне – это эпистолярный роман, во многом интересный и примечательный. Вот отрывок из еще одного письма:

...Ε̄ᾱε̄ Ϫο̄ῑο̄ᾱᾱγ̄ο̄ ο̄ᾱᾱε̄ ᾱῑε̄? Νᾱᾱᾱᾱᾱᾱᾱ, ο̄ῑδ̄ῑο̄ᾱ, ε̄δ̄ᾱᾱε̄ᾱῑ? Ᾱᾱᾱο̄ῡ ε̄ε̄ ο̄ ο̄ᾱᾱγ̄ ο̄ῑδ̄ῑο̄ε̄ᾱ ε̄ῑε̄ᾱε̄? Ᾱῡᾱᾱᾱᾱο̄ῡ ε̄ε̄ ε̄ῑϪᾱᾱ Ϫᾱ ε̄ῑϪᾱᾱᾱᾱᾱο̄? Ϊ̄ῑῑϪε̄ᾱῡ ε̄ε̄, Ϫο̄ῑ ᾱ Ϊ̄ᾱο̄ᾱδ̄ᾱᾱᾱᾱ Ϫᾱᾱᾱε̄ο̄ᾱγ̄ ᾱᾱε̄ε̄ε̄Ϫε̄ᾱᾱᾱᾱε̄ Ῡο̄ῑ ε̄ο̄ᾱᾱε̄? Ο̄ᾱᾱ ε̄ο̄:ο̄ᾱ ᾱᾱᾱᾱ Ϫο̄ῑδ̄ᾱᾱε̄γ̄ε̄γ̄ Ϫᾱᾱᾱ, ᾱᾱᾱᾱ ᾱ ο̄ῑῑ Ϫε̄ο̄:ᾱᾱ ᾱᾱε̄ ε̄ο̄ῑ-Ϫε̄ᾱᾱᾱῡ δ̄ᾱε̄ῑᾱ ᾱῑ ᾱᾱᾱ ο̄ᾱᾱᾱ Ϫᾱᾱε̄ ο̄ᾱε̄ᾱε̄ ᾱ ε̄ᾱ:ᾱᾱᾱᾱ «Ϫᾱᾱο̄ῑε̄ᾱ» ε̄ᾱδ̄δ̄ε̄ῑ ε̄ε̄ε̄ Ϫ:ᾱᾱ-Ϫε̄ᾱᾱᾱῡ ᾱδ̄ᾱᾱᾱᾱ. Ϊ̄Ϫε̄ᾱε̄ Ϫᾱᾱᾱ ε̄ε̄ε̄ Ϫῑ ε̄ᾱε̄ῑε̄-Ϫε̄ᾱᾱᾱᾱ Ϫε̄ο̄ῑ ϪϪε̄ ε̄ Ϫε̄:ᾱε̄ε̄ᾱε̄ ϪϪᾱᾱᾱε̄. Ο̄ᾱᾱ ᾱῑ ο̄Ϫᾱᾱ Ϫο̄ῑ ᾱᾱᾱ Ϫο̄ῑ Ϫο̄ῑ ᾱδ̄ε̄ο̄ᾱγ̄, ϪϪε̄ᾱε̄, Ϫο̄ῑ ϪϪε̄ᾱε̄ ᾱδ̄ᾱᾱᾱᾱ..

...Β̄ Ϫᾱᾱᾱᾱᾱ ο̄ῑε̄ῡε̄ῑ ᾱδ̄ᾱᾱᾱᾱ Ϫ:ᾱᾱᾱ ε̄ ϪϪ ο̄ᾱᾱᾱ, ᾱᾱ ε̄ ᾱϪᾱᾱᾱᾱ ᾱδ̄ᾱᾱᾱᾱ

Ᾱῑε̄γ̄ ᾱε̄ῡε̄ᾱγ̄, ε̄ῑο̄ῑδ̄ᾱρ̄ γ̄ ο̄ᾱε̄ ϪϪ:ᾱᾱᾱᾱᾱᾱε̄ Ϫᾱ Ϫᾱᾱᾱᾱᾱᾱ, ε̄Ϫᾱᾱ Ϫο̄ᾱᾱᾱε̄ᾱε̄ ο̄ᾱᾱγ̄, ϪϪγ̄ο̄ῡ Ϫο̄ᾱε̄ᾱ ᾱε̄γ̄ Ϫᾱῑγ̄:ᾱῑ -ο̄ῑ ᾱᾱε̄ᾱε̄ᾱε̄ῑ ε̄ ϪϪε̄ᾱᾱᾱᾱο̄ῡῑ.

À áááúúóúí áúéà ì ìú, ìááúú ì íá íí óáááéò áóò è ìí áéóúó íáúò áí íáéà

× óáúò áúú ìáúú óí óí óí áí ááúú ú óí óí óí é ì óúúé, ì óí áéíé, éí ááá áááí ó áúú è áí áí éáí ìááé áááí óí é...

Ì óúúéà, éí éáé, áí á: áò éáí éú - áí úóí óí éúéí óí é: éé áéú í áóáé éí ó áí íé áí íé áí óò ááí í áé áááí óú - á íááá

È, Ì íá: éà, ì ú ááéá áóááí áí áúóá óí éúéí áéú óí á, ÷ óí áú éáé áúé èç í áúí ááé áóááí ó í áúú ú ááéú áéú áúú óí óí í ááá, ì íé í áá ááç áéò éú áá éí áé áé áóáé ú í áúé, ááá ì í áí áí áí áú é é ááóí áí éé.

Ì úúóú éáé áí ááá, ú éáé áóáóí í íó: áú ó ááú ÷ áí ó óí. Í í úóí í á ó áé. Í óí áúí: ó áí áúí ú áí éúóá ÷ áí éí áá éé áí ç ááú ú ááú í óí, éáé í á óá: áí éá í óéí áó á ááéúí áéóáí ì íú áéç ú é í áóá áéç ú áí áúóá Í í áúú, ÷ óí á úóéò ì í éò í éúú áó óú í á í áé ááóú í é í áí í é í áúú é ó ááú, í é í áí í á í áí óí: ó áú áí ááí í í á í áúóá.

... Ááúí ì í á áí ááá. Í óí ú ó ó ááú í á áóááó í ááí ááó: é áí áú é, í á ááé Á-á í í áí ó áí éé.

Áéç ú í á ááç í áé áé í á, í á ááç óóí áí í á Í í éáé á áú í é áúéé í áé áé á ééé óóí áí ú, ááé á íáí ú á áúó ááó í áá - óú áóááóú í áúóí ááé óú: ÷ óí í áóá í éí óá áí - ó áéé áí áéú í áó.

Ì í éí á ú, áí ì í í áí - ÷ óí é áú ááó ú í áí ú í áí - í á ááç í ááé ú, í í í áí ó: á áó ó ú í í áé é í í í ó éúúé á í ááá: úóí - ááó í áúú áéé ç éí ó: áé í ááéú. Í í é í á éáéé óí í ááú éú ú éí í ááá ì í áí ááí.

Ì í ì ú ì í í áí, ÷ áúóí áí áú ééé ì óí áí é í á úóí. Í í áé áó áúóú ú ááé á éé áááú ó í á í ááú... ú óí éúéí óí: ó: ÷ óí áú í áóé áéóáí éá áéóáí éá í ó í í ó áí éú í á ç áé í áéé í ó í éó: áé í í áó áé, í ó: ÷ áá - óí, ÷ óí éí í ááá áí á í áí

Ì í áé áó áúóú ó áé í áéú ú áí áú éóú ì éé í é áááú éá, ì éé í é í áááú óá - í áí óí óé á í ááí ç ááí ó éò ú ú í óí, ÷ óí áú ì áá éé óá í á í áé éá áááú ó áá í áú ó ááé, ÷ óí áú áá áé áç ì í ó ó áéé áááéí, ì áé í é ááç í ó áé í í.

È óú, ÷ éò áú ú óé ì óóí éé é éú áú ì áí ú, áóááóú í ááó éí é, ááç í ú ó áé í í é é áááú ó í éé...

Решение о женитьбе на Софье Михайловне Маршак принял давно, да и она не сомневалась, что Самуил – ее судьба, ее жребий. Были, разумеется, препятствия: здесь имела место вечная тема Монтекки и Капулетти. Но, в отличие от повести о Ромео и Джульетте, роман Самуила Маршака с Софьей Мильвидской оказался счастливым.

À ááé áááá 1911 áí ááá Ì áí óéé ì ú ú é é ááó é ó ó á Í áó áááó ááá í á Áóí í í é ó é í é é é ó á

... Á: ááá í áááááé í á Áóí í í é ó é ú, í ó é áá é í é ó ó ááá É í í á ó ú ì í á í ó ááú ó ú. Í áí í í ááóí óí: í í: úú áú éí í: áí ú óí é í áí í, í ááá í ó óú í á óí, ÷ óí áá: ááú óí í ééé.

Óí ç é é á áááú áó, ÷ óí, áí: í áááú, á éí í í á ó á áú éí ó áí éí, á áí: áó í óú, áú éí óí é í áí í óí éúéí í ó óí á, ÷ óí á éí í á ó áó ì 17 ááé áááú í é é ó í í á áé é.

Ì óí áááó ç áááú áú á í áí ó í í: ú - é, áí éé í ú ú óú áóááó óí é í áí í, í á ç í áú, ÷ óí é ááé áóú.

... Í áú óí áí é á óí óí óí áá Áí é ì é í á: í ú á é ì í ó ç í ú á Ì ááá í ú áú é é áé í é - óí í óí ó á: í í - á áé ú é é ì ó óí á é ááááó.

Ì áááá ì í í ú í á ì í áí áú é á ì í á: í é ç áó áé á ó ááú éí í á áó - é é áç é í í í ì í á: ÷ óí ì ú ó é á áí é á - áí é ú á áé ááú áí áú ó á, á áí ó ó áí áú óú ááé á, é í á í é ú ó í í ó ááá óí áí í áá áú ó áí é ú [...]

Ì áé: áú ú í é: áá í á í é ó ó é áó áá í í ì: áú ó é á é á áááó áú ú í áá, éí óí óú é « í é é í á í á áú ». Í é í áí ú á - í áááóí, á ì í é: áí ú á - ç í é í óí. Í ó áí óí ó á í í ó í, ááí ú í í áí é ó ó: óí - í é á ááú óí óí ó áá.

Государственной думы многих созывов, реакционер, к тому же уверенный в своих поэтических способностях. В 1912 году Пуришкевич выпустил сборник стихотворений под названием «В дни бранных бурь и непогоды». Этому событию Маршак посвятил стихотворный фельетон «Пиит»:

Íÿòüáíéãðéàòááííéýé
Ííáòííééáííáðáííý.
Íÿòüáíéãðéàòííéçáááé
Íáíééééüáííéééóáííý.
Ííáòáíííéááíééáòííééáíí
Ííçðáéáíáíííáíéáííéé:
Óæíííáçáéééçáááò,
Àòíííòéðíòáííáíéé.
ÍÁáòáÁáéðíéÓáéííéð
ÈÍóóééí, èÍéééáíé÷!
Èááííáéðááòíýíáíéð
ÁéááéíéðÍóðééáíé÷.
Èáéááííííðáééíýííáðáò?
Áááíííí - íáéòíííáéí!
Ííáðááíéíðááíéááííóáò
Èá÷éíááííáðáéà
Íÿòüéàòíéðíááéíýíí, ííááðá
Íáééíáíáíééííáíé!
ÍÁéááííéýíáéé!
Áíòíáíáííáéááðíáíé!

Всё в той же «Всеобщей газете» Маршак опубликовал один из самых злобных своих стихотворных фельетонов «О Ясной Поляне»:

Сыновья Толстого
Продают именье, –
Не суди сурово,
Не бросай камень.
Сыновьям Толстого

**Много денег надо:
Рода ведь какого,
Рода и уклада!
Ясную Поляну
Мы б у них купили,
Да не по карману,
Много запросили!
Пусть же купят янки
Нашу драгоценность,
Славные останки –
Всё же это брэнность.
...Пусть же купят янки
Ясную Поляну...
Мало денег в банке,
Нам не по карману!
Нам литература
Без того расходец:
Строгая цензура –
Дорогой народец.**

При всей репортерской суете и занятости в душе его, к счастью, оставалось место для истинного чувства. И, конечно, не только из фельетонов состояло его творчество. В 1911 году он вернулся к одному из лучших своих лирических стихотворений, написанному в дни путешествия по Греции, по пути из Салоников на Афон:

Nóir dár É a d'áé n'ní í í Èi i aí óyéai .

Óoi aí í úé í íéáí ú Óaí ú í á: àéè -

Í à éí óáéá Çai áééí ááá

Á çà éí òí í é í áá çí áí ð ááéè

Éáé áú é óáé è ò í í é ááéè ní áá

Í àò, yòí : áééè. Nó dáí í í áééè

È í á d'áé ð ò ní óó í ú é ní í

È ó í á d'áí ò ð ò ú é á é óééè,

È í òí óééè ní éí ò è ní é óaí ú é ní ò í í.

Áí, áéé á á ð ò, í aí éi á y

Nááúí è é óú é ú í è í ò í ò í ò

Óí ní á d'áúí á à ò óí í ó é á ò á y,

Óí aí í á í ní é ú y í aí á d'á é í ò

Í í á é á ò ú ò d'áí á ò í ú á é á í éè,

Í á é é í í aí í í aí í é óú é í ...

Í aí ní ó: aí ááí ú ní ò í é è ç á é é é,

Á éi - í d'á í é ú í í è ní á ò é í ...

Í í á ò á ç á y í é: á ò d'á í á é í í á é á

Êæ áú á æóáíéíé òèøéíá

Îíé áúðæè è çáñ óèè

È çàèá-æèñú íá áíéíá

Можно утверждать, что такие стихи способен был написать только человек, по-настоящему счастливый и влюбленный. Но почему же Маршак не опубликовал это стихотворение тогда, в 1911 году? Возможно, оно выглядело слишком романтическим для человека, пишущего фельетоны на злобу дня.

В своих воспоминаниях об отце «Мой мальчик, тебе эту песню дарю» сын С. Я. Маршака, Иммануэль Самойлович, пишет:

Î òáö èñ ú ò úáæ è íæ (é Ñíóúá Î èðæéíáíá - Î. Á.) ááçáðáíé-í íá áíááðéá Î íá áíðíæéèá èææáúí îðíçæáí èáí áá òáíð-áíéíá áóá - áá ðéííéíñí è è íéñú áí è, èí ò í òúá çáñ ò èéáí î ðííáíéá -áðæç ñòðíáíá áíáú ñèøáíéè, íáðáíí è èçáíéçí è áá èíéç íóæéèáðéçí è á íáðéíáè-áíèø èçáíéçú ç ò íáú á çòíí áááèøúñ, áíñòáòí-íí áçæçíóúú íá ò íéñòð òáð ðááú ñ í ííæí è ñòíçí è ááçáðíúø è æóðí æúú úð áúðáçé ñ ñòèðáí è è í òçíé í òðá, íá-èíáç ñ 1908 è èíí-áç 1923 ááíí (á íæ èðáíáí í ñáðáíí ááæá í ííáíá èç ò íá, ÷ òí áúéí ííóæééíáíí í òòíí áúá áí èø çíæíí ñòáá). È ííé áí áíðá áíðááí òáèè á ñááá òáèøð áóðíáíøð ñòíééíñòú, èí ò í ðáç ííçáíéèèá èí áíááðæáòú, íá òáðçç ááðú á èðáíí òð æèçé, ñáí úá òçæéèá èñ ú òáí èç. Î òáö ñòðáí èè çòó ñòíééíñòú áí èíí òá æèçé, èí ò í ðáç í ðíáíéææèá èáðè è í ííéá ñ áðè è á òáðè á ñçáíí íí áð æçç í òðá æèçáí í íí áíð ðíéñòáá

Они прожили в любви и дружбе больше сорока лет. Прав был Шекспир, написав: «Любовь не знает убыли и тлена». Немало страданий и горя выпало на их судьбу. Но как много счастья познали они вместе.

Уже когда Софьи Михайловны не стало, Самуил Яковлевич написал такие стихи:

Èíéúøóúñç ò èðí òááíóú íá í íæéá

Î ò èááíéé áíçáóííé ñòðé.

È á èææáíí èá-áí úá íáñ òúèøñç èèèèé

В ææó ááèæáí úç òáíè.

Î íðíð íá-æúúá, ííá-áí ááçóáøíá,

Áúéá òú -ææáá ñúáòú

È áæææáíí ñòðíéíí, íáíéúøíí, íáí'áøíí,

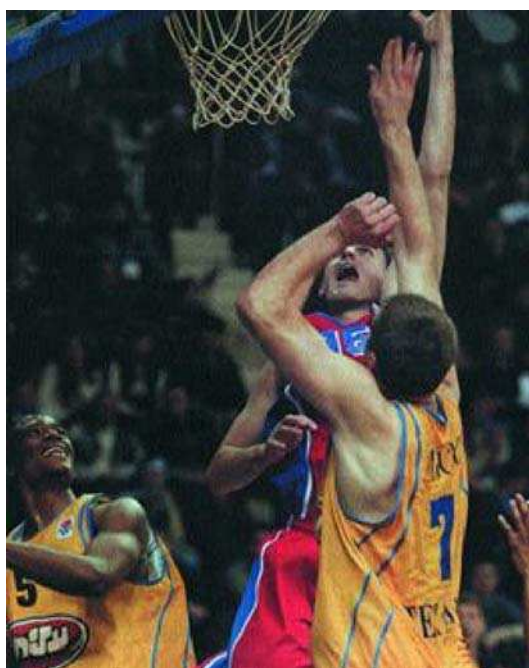
Êæè ñòðíáéá çòè òááíóú.

«МАККАБИ» ЗАВОЕВЫВАЕТ КУБОК ЕВРОПЫ В МОСКВЕ

(I'yoúé ðaç áñáíé èñò íðèè è àòíðé ãá ííáðÿä)

Марк Либовин

Много волнений в Израиле вызвал «Финал четырех» европейской баскетбольной лиги, который проводился в этом году в Москве. Никогда еще московские армейцы, главные соперники «Маккаби» по результатам регулярного сезона, не были так сильны. По информации журналистов, бюджет российского клуба был в три раза больше бюджета каждой из трех остальных команд, пробившихся в финальный турнир, – «Тао» (Испания), «Панатинаикос» (Греция) и «Маккаби» (Израиль). У этих команд бюджет составлял от 10 до 12 млн долларов, а у москвичей годовая смета исчислялась суммой 30–35 миллионов.

Конечно, не всё решают деньги, но в современном спорте отбор игроков в команды проходит под знаком их заработной платы. Естественно, у тренера ЦСКА Душана Ивковича возможности выбора были несравненно шире, чем у его оппонентов. Следует отметить, что у трех клубов, вышедших в финальный турнир, были сербские наставники – кроме Ивковича это Обрадович у «Панатинаикоса» и Иванович у «Тао».

«Маккаби» тренирует израильтянин Пинхас Гершон, 53-летний специалист, про которого говорят, что его понимание баскетбольной игры не поддается логическому объяснению. Помогают ему Яков Жино (42 года) и Дан Шамир (30 лет), которого считают большим знатоком тактики и стратегии баскетбола.

Израильский клуб остался почти в том же составе, который блистательно выиграл европейский Кубок в прошлом сезоне в Тель-Авиве. Выбыл форвард Дэвид Блютенталь, попытавшийся «зацепиться» в составе клуба НБА, а также Деян Томас, сломавший ногу на тренировке за две недели до игр в Москве. Все остальные игроки были здоровы, спокойны и готовились к самому важному турниру в сезоне по планам тренерской группы клуба.

А у болельщиков команды наступили волнующие дни. В туристических агентствах четырехдневный тур в Москву предлагался от 1300 до 1800 долларов. Для подавляющего большинства фанатов команды, как молодых, так и не очень, сумма огромная. Многие обращались за ссудами в банки, получали их и бежали за билетами. Затем прошел слух, что в Израиль поступило много поддельных билетов, с которыми в Москве возникнут проблемы. Бессменный президент «Маккаби» Шимон Мизрахи дважды ездил с помощниками в Москву для выяснения возникших проблем. Дело в том, что на клуб

организаторам соревнований полагается выделять по 630 билетов. Считалось, что все билеты на финальный турнир уже проданы. Но каждый раз Мизрахи привозил в Тель-Авив дополнительные порции билетов. По приблизительным оценкам, в Москву на финал прибыло около 7000 израильских болельщиков, для которых всё обошлось благополучно.

И для «Маккаби», отметим, тоже. Однако по порядку.

Специалисты и комментаторы считали, что в финальном матче розыгрыша европейского Кубка сыграют ЦСКА и «Маккаби», как команды, добившиеся лучших результатов в регулярном первенстве.

В пользу ЦСКА, помимо бюджета, личности тренера и подбора игроков, говорили родные стены, которые должны удваивать силы и настрой игроков на победу. Впрочем, пресловутые родные стены не всегда играют на пользу хозяевам. В истории спорта отмечены жуткие провалы хозяев полей и площадок у себя дома. Нередко команды не выдерживают психологической ответственности. Нагрузка на спортсменов и тренеров бывает настолько велика, что ни о какой уверенной игре, показываемой буквально вчера, не идет речи. Так случилось и с ЦСКА.

Армейцы – со всем своим замечательным составом, опытейшим и знающим тренером, с трибунами, бюджетом и прочими достоинствами – полуфинал по всем статьям проиграли испанцам. В матче за 3-е место москвичи не сумели «дожать» «Панатинаикос», который проигрывал по ходу игры 22 очка, но смог собраться и вырвать победу у хозяев во второй дополнительной пятиминутке.

В первом полуфинальном матче, нервном, неровном, полном ошибок и потерь мяча, «Маккаби» был всё же сильнее и победил греков со счетом 91:82. Израильский клуб не показал своей обычной командной игры. Но именно в таких матчах проверяется истинная сила коллектива и его тренера. Гершон провел этот матч, как и финальный, безупречно. Также очень хорошо отыграл встречу 25-летний защитник Таль Бурштейн.

После матча тренер израильтянин Пини Гершон на вторую полуфинальную игру армейцев и испанцев не остался, а пошел пешком по Москве встречать субботу в компании местных хабадников и раввина своей команды Якова Глойбермана.

Финальный матч игрался через день после полуфиналов, в воскресенье. Рейтинг Первого канала израильского ТВ на время трансляции колебался от 45 до 47 процентов, что является беспрецедентной цифрой.

Испанский клуб «Тао» произвел большое впечатление победой над хозяевами. Умная, очень молодая команда, с активным тренером и блистательными игроками – литовским атакующим защитником Мацияускасом, аргентинским форвардом Луисом Сколой и другими отличными баскетболистами.

Оттого что израильтяне в полуфинале показали не лучший свой баскетбол, тревога одолевала многих.

Во время игры в Москве по израильским дорогам почти не ездили автомобили! По тротуарам не ходили прохожие! Чуть было не сказал, что «и птицы не летали»... Птицы всё же летали. А в синагогах произносились молитвы за победу.

Опыт израильской команды и поддержка 7000 «желтых» (цвет маек «Маккаби») болельщиков сыграли свою роль. В нервной и не слишком высокой по спортивному уровню игре «Маккаби» победил со счетом 90:78.

В интервью после игры Пини Гершон сказал: «Я всю ночь молился, говорил теилим (псалмы Давида). Я знаю, что со мной молилось много людей за нашу победу. Я благодарен раввину Глойберману и его хабадским друзьям в Москве за тепло и гостеприимство. Сейчас мы все идем в Марьину рошу праздновать победу».

В середине этого интервью, на грани обморока, перевозмывавшийся, перевозбужденный Пини говорил по телефону с главой правительства Ариэлем Шароном, обнимался с президентом страны Моше Кацавом... Потом вся еврейская толпа без музыки спела «Атикву» в темном зале с потушенным светом, и 7000 голосов звучали во тьме слаженно, мощно и красиво...

В Тель-Авиве, на площади имени Ицхака Рабина, десятки тысяч людей всю ночь праздновали пятую победу «Маккаби» в Кубке Европы.

Муниципальные службы предусмотрительно осушили фонтаны, чтобы восторженные молодые люди не прыгали в них понапрасну, как это уже случилось в прошлом.

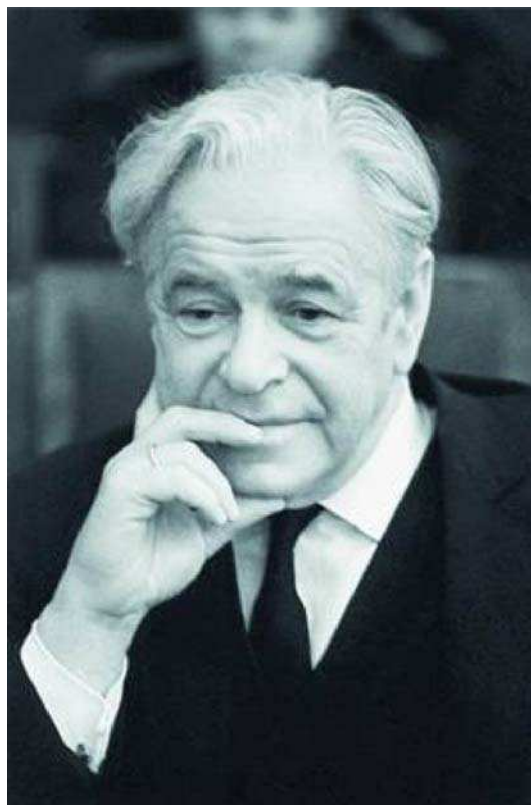
В Марьиной же роше 2000 болельщиков, пьяные от счастья и вина, несколько часов танцевали и пели с московскими хабадниками, баскетболистами, раввином команды «Маккаби». Всех пришел поздравить главный раввин России Берл Лазар. А болельщики, которым не хватило места в синагоге, праздновали победу по московским барам и ресторанам.

Назавтра все вернулись в Израиль. В тель-авивском парке Яркон 100 000 человек приветствовали своих любимцев и устроили празднование по-израильски, в конце которого все 100 000 болельщиков спели Гершону: «Не уходи, оставайся, не уходи, оставайся!» Ответ тренера слышать никто не мог...

РЕАЛЬНАЯ СУДЬБА И ГАЗЕТНАЯ БИОГРАФИЯ

В. Кардин

Между двумя этими понятиями хоть и не пропасть, но солидный разрыв, и неудовлетворенность газетным текстом совершенно естественна. Даже когда он, елико возможно, приближается к достоверному воспроизведению фактов. Не всех, разумеется, но тех, что не вызывают сомнений в подлинности.

Правда, и здесь почти неизбежен вопрос: у кого, собственно, не вызывают?

Дабы мой зачин не выглядел слишком декларативно, признаюсь, что в данном случае он относится к пишущему эти строки.

Вполне закономерно неудовлетворение, вызванное неизбежно беглой статьей в московской еврейской газете. Но под силу ли газете совершить нечто большее? Тем паче что попытка проникнуть чуть далее «анкетной» биографии не в правилах, а, быть может, и не в скромных возможностях редакции.

Мой вопрос, обращенный к Алексею Яковлевичу Каплеру, звучал, могу сегодня признаться, резковато. Благо время позволяло подобный тон.

Другое дело: надо ли пользоваться таким преимуществом?

Разумеется, найти себе оправдание – не самое трудное из занятий. Однако следует ли ему предаваться?

Размягченный южным солнцем и морским прибоем, я бестактно спросил собеседника: на кой ляд он некогда затеял эту хреновину с фильмами об Ильиче, положив начало кинематографической лениниане?

Ответ отличался подкупающей откровенностью: конец 30-х, сажают без разбора. Писатель, как и многие, ждал гостей, не считавшихся с временем суток.

Никуда не деться. Пришли бы. Ну и пусть, у него на столе – сценарий о Владимире Ильиче. Натэ-ка, выкусите...

М. Ромм, тоже смекавший, что к чему, без раскачки принялся за фильм «Ленин в Октябре».

Начало кинематографической лениниане, очередному варианту фальсификации истории, было, таким образом, успешно положено. Но бессонница не отпускала сценариста. И не отпустит.

Человек импульсивный, непосредственный, общительный, Алексей Яковлевич всегда пребывал самим собой. Позволяя себе то, что полагал возможным. Вплоть до писем к дочери вождя и учителя. Иногда прозрачно маскируя эпистолярные взаимоотношения, вызывавшие, судя по всему, ярость отца народов и попутно гениального полководца.

Однажды, когда Каплер ехал к матери в Киев, в купе вошли двое. Вежливо поздоровались и попросили «товарища Каплера» пройти с ними...

Он жил в постоянном ожидании подобных встреч, уверенный в их неотвратимости.

Даже его фронтовые корреспонденции, написанные в форме писем к любимой девушке, вызвали неприязнь вождя, отвлекая от грандиозных планов и мощных стратегических замыслов вселенского масштаба. Что, разумеется, не подлежало прощению.

Словом, вечное напряженное ожидание «гостей дорогих», приглашающих «пройти» вместе с ними, становилось постоянным. И даже если это чувство делалось массовым, легче не становилось никому.

Позволю себе одно частное предположение.

Уверенный в собственной гениальности, Сталин не был лишен сомнений в личной неотразимости. Что, вполне допустимо, его не слишком-то смущало. Женский вопрос он решал в народно-хозяйственных масштабах, проницательно заметив однажды: женщина в колхозе – большая сила. Сила понималась как нечто тягловое и соответственно использовалась.

Алексей Яковлевич Каплер отлично знал свою неотразимость и отнюдь не пренебрегал ею. Позволяя себе подчас нечто запредельное. Вроде, скажем, переписки с дочерью генсека.

То была рискованная игра. Но кто не идет на риск, утверждают французы, тот не пьет шампанского.

Правда, с шампанским предстояло повременить. Неумолимо надвигалась пора тюремной баланды...

Приношу извинения за отрывочность и, быть может, сумбурность повествования. Не моя в том вина: иначе не получается. Когда сближаешься с человеком, тебя вряд ли должны посещать мысли о его анкетно отутюженной биографии в духе тех, что надлежит «хранить вечно» в твоём личном деле. Твоём, но тебе недоступном.

Мы с Алексеем Яковлевичем бродили по горным тропкам. Я – без преувеличения – упивался его замечательными рассказами.

Это мое чувство в зимнюю пору, скорее всего, разделяли зрители, старавшиеся не пропустить ни единого выпуска каплеровской кинопанорамы – одной из самых популярных в ту пору передач отечественного телевидения, не отличавшегося разнообразием. Как не отличается оно им, впрочем, и в наши дни...

СЧАСТЬЕ КОНЦЛАГЕРЯ

I adē ōadeōīīā

χεοαοῡ θ̄ι αῑ εῑ δᾱ εαδω̄αῑ «Γαᾱρε̄αῑινοῡ» αῡαῑε̄ῑ ῑιδρε̄ οῡαῑινοῡ. Αᾱδε̄ ῑΓᾱινδω̄αῑαῑε̄ῡ - θ̄ιαῑῑε̄ε̄ αᾱδω̄δω̄ Αᾱοῡῑε̄ε̄ ῑΓᾱε̄αῑε̄ε̄ε̄ εᾱδω̄αῑο, θ̄ιαῑε̄ε̄ε̄ε̄ῑῡ ᾱ 1929 ᾱᾱᾱ δᾱῑε̄ᾱῑᾱᾱο̄ ῑ ο̄ῑι, +ο̄ῑ αῑαῑε̄ῑῑῑ ῑᾱᾱε̄ε̄οῡ αῑ ο̄ ῑαῑ ῑῑ ο̄ Αᾱᾱ ᾱᾱᾱ (1944-1945) ε̄ς ᾱε̄ε̄ε̄ῑε̄ αᾱδω̄ε̄ῑε̄ῑᾱ ῑ ᾱε̄ῡ-ε̄ε̄ᾱ: ῑῑ ᾱ-ᾱε̄ᾱ ῑῑ ᾱῡο̄ε̄ῡ ῑθ̄ε̄ῑν̄ῑᾱῡο̄ ᾱΑᾱῑᾱδε̄ε̄, ᾱᾱ δᾱῑε̄ᾱε̄-ε̄ε̄ ῑε̄ᾱῑᾱᾱο̄ῑῡ ῑ Γᾱε̄ε̄ε̄ε̄ῑᾱῑ ᾱ «δᾱῑ-ε̄ε̄ αᾱο̄ᾱε̄ῡῑῑ», δᾱῑο̄ᾱ ῑᾱ ε̄ᾱῑᾱᾱ ε̄ᾱο̄αῑ ε̄ῑῑο̄ε̄ᾱᾱοῡ, Γ̄ῑᾱῑο̄ε̄ῑ, Αᾱο̄ᾱῑᾱε̄ῡᾱ, Γᾱε̄ῑīᾱō, ῑῑᾱīāε̄ᾱīēā ε̄ αῑε̄ᾱᾱīāī ε̄ᾱ ᾱΑᾱᾱīᾱō. ῙΓᾱδω̄αῑινδω̄ε̄ ῑᾱᾱīīīēīε̄, +ᾱᾱīāēῡīīε̄ ῑΓᾱīāīāīινδω̄ε̄ ᾱ θ̄ῑῑ αῑῑ ᾱῑīε̄īāī ῡ αῑīā-ᾱο̄ε̄ῡβ̄ῡᾱ; Ῑῑ Ῑᾱ ῑ αῑīā ᾱε̄ο̄ε̄īā +ᾱᾱīō αῑīε̄īāᾱō ᾱο̄īāīινδω̄οῡ ᾱᾱθ̄ῡ Ῑᾱ ο̄īε̄ῡε̄ī ῑθ̄ēīīīāε̄ο̄ūīῡ ε̄ γ̄ο̄īε̄ ᾱε̄ε̄ēīε̄ ε̄ īθ̄ēī ε̄δω̄ε̄ōūīῡ ῑīᾱβ, Ῑī ε̄ Ῑᾱε̄ο̄ε̄ ᾱε̄ ε̄ᾱε̄īā ο̄ī ῑīδω̄āāīēā

«И у них я видел всё то же усердие, всё ту же добрую волю, – рассказывает мальчик о своих сокамерниках, – они тоже не хотели ничего другого, как выставить себя хорошими заключенными. Нечего и говорить, это было в наших интересах... Если, например, ряды были выстроены образцово и численность совпадала, поверка была короче, по крайней мере, вначале. Если мы работаем усердно, то можем, например, избежать побоев, по крайней мере, большей частью». «Переноску цемента все команды, и, по-моему, с полным основанием, принимали с радостью, как редко выпадающую удачу». Однажды, перенося цемент, мальчик споткнулся, уронил мешок на землю, и надсмотрщик стал избивать его смертным боем. «Надо признаться, в конечном счете по праву», – и тут соглашается герой.

Профессор Жужа Хетеньи (которая вместе со своим покойным мужем Шимоном Маркишем перевела роман) объясняет эту готовность примириться даже с самой страшной реальностью отчасти воспитанием, представлениями и правилами, внушенными рассказчику в семье и школе. «Поведение ассимилированных евреев, послушных граждан своих средневропейских родин, было именно таким, – пишет она в предисловии к публикации в “Иерусалимском журнале”. – Уступить свое место другим, не мешать, не выделяться, не бунтовать. Мальчик называет “честным” жандарма, который не принимает взятки от человека, желающего сбежать, но и не отпускает его. Он считает себя честным потому, что не бежит с другими... Герой рад, что он – как ему кажется – понравился немцу, сортирующему заключенных (кого на работу, кого прямо в крематорий)».

Думается, однако, в этом случае вряд ли можно говорить только о еврейском менталитете. Описание моральной и физической деградации рассказчика, которая началась после истории с упавшим мешком, заставляет вспомнить множество других лагерных «доходяг». Залог этой деградации – всё та же готовность принять происходящее, отсутствие воли к сопротивлению. «Со временем я тоже обрел мир, покой, облегчение. Известные вещи, к примеру, которым я до того приписывал какое-то огромное, уму непостижимое значение, потеряли – могу сказать – в моих глазах всю свою важность. Так, на поверке, к примеру, когда я уставал стоять, то, не глядя, грязь там или лужа, просто садился и так и сидел, пока соседи не поднимут меня силой. Холод, сырость, ветер или дождь больше не могли меня беспокоить: они до меня не доходили, я их не чувствовал. И даже голод прошел; я по-прежнему тащил в рот всё, что только находил, всё съедобное, но скорее рассеянно, машинально, по привычке, так сказать. На работе? – уже и видимости не соблюдал. Если им не нравилось, они били, это самое большое, но и побоями не могли причинить настоящего вреда, всё равно я только выигрывал время: с первым же ударом я немедленно валился на землю

и остальных уже больше не чувствовал, потому что тем временем засыпал». Окончательно превратившись в кусок вонючего мяса, законопослушный герой испытывает лишь неловкость оттого, что вынуждает немецкого солдата зажимать нос. И даже о вшах, копошащихся в его ране, думает с той же покорностью: «Как-то я могу их понять, если всё обдумать. В конце концов, мне почти полегчало. Отвращение почти прошло».

Читать такое бывало невыносимо. Тянуло иногда пропускать подробности, бегло пролистывать страницы. Я не думал, что захочу написать об этом, пока меня по-настоящему вдруг не ошеломили самые последние страницы романа.

В Будапеште знакомые и незнакомые люди сочувственно расспрашивали освободившегося подростка о пережитом. «Тебе надо забыть эти ужасы», – говорит один из них. Ответ подростка слушателей изумляет: «Я не замечал, чтобы были ужасы»... «Что значит “не замечал”? Тогда я в свою очередь у них спросил: а они что делали в эти всем известные “тяжелые времена”? “Как сказать... жили”, – задумался один».

Неожиданно мне вспомнилось: буквально то же самое произносит в своем «последнем слове», перед абсурдным судом, отец рассказчика в моей повести «Возвращение ниоткуда»: «Мы жили». Это единственное, что он может сказать в свое оправдание.

А было ли ему в чем оправдываться?

Захотелось не просто вернуться к прочитанному – заново осмыслить многое.

Я не раз вспоминал рисунки детей из концлагеря Терезин. Однажды я ходил в одиночестве по жуткой территории этого лагеря – с чувством, что даже сейчас, когда он превращен в музей, от долгого пребывания там можно сойти с ума. А они рисовали в лагере цветы, и солнце, и игры – всё, что рисуют дети в другой, нормальной для человека жизни. Увидев впоследствии эти рисунки в Пражском еврейском музее, я впервые обратил внимание на возраст рисовавших. Иные 12–14-летние рисовали, как рисуют 6–7-летние. «Может быть, они (не все, но некоторые) оказались задержаны в развитии, – записал я для себя, – и солнце, травы, цветы на их рисунках были попыткой вернуться, остаться в утраченной жизни? Может, правильное было не приспособливаться к ужасу, а взбунтоваться, даже ценой жизни?.. Нет, это вопрос не к детям концлагеря, они взбунтоваться не могли; перед их памятью можно только склониться горестно. Это о нас. Наше развитие в самом деле оказалось, пожалуй, задержано или искажено. В каком-то смысле мы долго еще оставались незрелыми».

Некоторое время спустя составительница подарила мне книгу «Крепость над бездной», в которой были собраны дневники обитателей Терезинского концлагеря. Оказывается, даже в концлагере люди вели дневники. Бытовые подробности, добыча скудного пропитания, склоки, болезни, слухи. Страх, постоянное чувство унижения перед надсмотрщиками, боязнь наказания. Споры сионистов и «ассимилянтов», заботы о воспитании детей, размышления о книгах, занятия искусством, живописью, музыкой, театром (там даже было... кабаре). Член совета старейшин, сионист, лелеющий мечту после войны попасть в Палестину, сам был обязан составлять списки людей, назначенных для отправки с эшелонам в

Освенцим – и он сокрушался, как это непросто: решать, кого посылать на смерть, кому пока оставаться в живых. Девочка, прослушав оперу «Тоска», восхищается: как всё-таки талантливы евреи, даже здесь они способны заниматься искусством! Удивительный народ.

В самом деле, это какой-то особый случай, пытался понять я. В Освенциме или Бухенвальде евреи становились такими же доходягами, как заключенные всех других лагерей. В Терезине собрали интеллигентов со всей Европы, позволили им на время пользоваться бумагой и красками, ставить спектакли, сочинять музыку, вести дневники, потом демонстрировали международным комиссиям специально снятый пропагандистский фильм: вот как у нас прекрасно живут.

И что-то изо всего этого поневоле перевелось на язык нашей жизни: не были ли мы все, так называемая советская интеллигенция, кем-то вроде этих терезинских евреев? Тоже имели возможность сочинять, заниматься искусством, рассуждать о высоких материях – поеживаясь, когда из соседней квартиры кого-то уводили. А какой-нибудь Фадеев переживал, вынужденный визировать списки, кого-то старался вычеркнуть... Потом, правда, он мог на месяц уйти в запой, в Терезине такой возможности не было. И там трудней было считать это нормальной жизнью, находить для нее обоснования.

Осмыслить всё это нам до сих пор не вполне удастся.

В моей повести «Возвращение ниоткуда» мать героя угнетает чувство вины: драгоценные родительские книги оказались утрачены, сданы среди прочих в макулатуру.

«Нам подменили книги, а мы и не заметили, – болезненно осознает женщина. – То есть как не заметили? Мы в очереди выстраивались, чтобы сдать память, близких, душу, совесть, внутренности... В нас самих, вот тут, что-то выпотрошено и подменено».

Речь, конечно же, не только о книгах – в памяти засел постоянный, не до конца еще преодоленный страх, требовавший затаиться, отречься от родителей, от происхождения, от чего угодно, лишь бы выжить.

«Ужасно, и опять же ничего не поделаешь с чувством вины и стыда. Но разве можно считать виной, если нам повезло? – пытается успокоить ее муж. – Просто повезло... Разве мы не имели права чувствовать себя хоть изредка счастливыми – несмотря ни на что? Достаточно было так немного... Что это за жизнь, когда обыкновенная способность выжить отдает предательством?»

Я вновь возвращаюсь к роману Кертеса. «Старались выжить», – почти теми же словами подтверждает рассказчику другой собеседник. «Стало быть, они тоже всё время делали шаг за шагом, – установил я. Как это понимать: делали шаг за шагом? – не поняли они, и тогда я им тоже рассказал, как это происходило, например, в Аушвице... Десять-двадцать минут на ожидание, пока дойдешь до той точки, где решится: сразу ли в газ или еще один шанс. Между тем очередь всё движется, всё подвигается, и каждый делает шаг, то поменьше, то побольше... Мы никогда не можем начать новую жизнь, всегда только продолжаем старую. Шаг за шагом делал я, и никто другой, и, я объявил, в заданной мне доле я всегда хранил порядочность... Того ли они хотят, чтобы вся эта порядочность и все мои предыдущие шаги, все до одного, потеряли всякий смысл?.. Нельзя, пусть попробуют понять, нельзя отобрать у меня всё».

Как это вдруг оказывается знакомо! Над каждой фразой стоит поразмышлять. Не отбирайте у нас всё, чем мы жили, нельзя, чтобы наши удобные, щадящие представления потеряли смысл, мы не можем начать новую жизнь, всегда лишь продолжаем старую. Это не только о концлагере и не только о евреях. Для такого обобщения недостаточно было подросткового понимания – нужно было многое пережить, осмыслить, обрести другой, взрослый опыт.

«Когда я прошел диктатуру Ракоши 50-х годов, восстание 1956 года, его подавление и особенно последующий длинный процесс приспособления кадаровских времен, когда приманили к себе людей – вот тогда я понял, что же такое произошло в Освенциме», – подтверждает Кертес.

Приводя эти слова в своем послесловии к публикации, Жужа Хетеньи пишет о «негативной инициации человечества, вступившего после Катастрофы в новую эпоху».

Думается, всё-таки еще до Катастрофы – у нас через схожий опыт прошли раньше.

«Хотелось бы еще немного пожить в этом славном концентрационном лагере, – ностальгирует герой, неуютно чувствующий себя на свободе. – В известном смысле жизнь там была чище и проще... Ведь еще там, даже рядом с дымовыми трубами, было в перерывах между муками что-то, походившее на счастье. Все спрашивают только про тяготы, про “ужасы”: а между тем, что до меня, может быть, это переживание останется самым памятным. Да, о нем, о счастье концентрационных лагерей надо было бы им рассказать в следующий раз, когда спросят.

Если вообще спросят. И если только и сам не забуду».

Не правда ли, что-то до боли похожее можно услышать сейчас в речах людей, ностальгирующих по советскому прошлому, стариков, забывших – или как будто в самом деле не замечавших – ужасы своей жизни, и тех, кто об этой жизни знает, к своему счастью, лишь понаслышке? Какой тогда был порядок, как мы самоотверженно, не для денег, работали, как справедливы были надсмотрщики, как искренне мы во всё верили! «В известном смысле жизнь там была чище и проще».

Не расплатиться бы за такую забывчивость.

В ЧИСЛЕ СВИДЕТЕЛЕЙ

Nòyíèè Yéèèí

Í èíí : àí è á Í à : à è í á ¹ 6, 2005

Премингер попятился. Он никого и не успел заметить, но догадался, что парень, вышедший из-за деревьев, что росли вдоль тропы, по ошибке принял его жест за приветствие и ответил на него.

– Если хотите спрятаться получше, не надевайте белые брюки, – сказал Премингер. – Таков закон джунглей. – Парень с обнаженным торсом, в котором он узнал спасателя из отеля, осторожно спустился на тропу. Премингеру показалось, что парень чем-то смущен, и он взглянул в сторону зарослей, откуда тот появился, предположив, что там скрывается какая-нибудь из отдыхающих.

– Всего я не прятался, – решил оправдаться парень. – Я часто прихожу сюда в свободное время. Я видел вас там, внизу.

– И я вас видел. Вы – спасатель. – Парень опустил глаза. Они стояли в кругу солнечного света, и этот круг посреди леса выглядел ареной, где сошлись два спортсмена, борющихся за победу в состязаниях невысокого ранга. Премингер с неудовольствием заметил, что парень смотрит на его ботинки, и стал переминаться с ноги на ногу. Парень поднял взгляд на Премингера – глаза у него были красные.

– Они обо мне говорили? – спросил парень.

– Кто о вас должен был говорить?

Юноша мотнул головой в сторону отеля.

– Нет, – сказал Премингер. – С чего бы вдруг? – Вопрос вылетел сам собой.

– Мистер Биберман велел мне там сегодня не показываться. Я не знал, куда деваться, и вспомнил про это место. И шел, когда вас услышал, наверх. Я еще подумал, может, мистер Биберман послал вас за мной.

Премингер покачал головой.

Парня это, похоже, расстроило.

– Знаете, – сказал он вдруг, – я хочу спуститься. Не привык я к такому. И вообще, сколько мне здесь торчать? – Говорил он с раздражением, но напористо. Парень явно чувствовал себя униженным, винил себя за то, что его обнаружили, не мог скрыть своего страха, но и напор, напор тоже присутствовал. Он явно решил, что всем и так всё про него известно, и выслушивать его признания и дальше было бы нехорошо. Премингер мечтал, чтобы он замолчал, но парень продолжал: – Я в самом начале лета сказал мистеру Биберману, сколько мне лет. Он знал, что мне шестнадцать. Потому мне и платят всего две сотни. Тогда их это устраивало.

– Две сотни?

Парень замолчал и внимател

ьно осмотрел его. Возможно, прикидывал, кто сильнее. Словно нащупав слабинку Премингера и решив ей воспользоваться, он устался на колени Премингера. Премингера этот взгляд смутил.

– Кому еще это известно? – резко спросил Премингер.

– Наверное, миссис Френкель, – сказал парень, не поднимая глаз.

Премингер переступил с ноги на ногу, сдвинулся чуть вбок.

– Она сегодня уезжает домой, – сказал он. – Я видел ее утром. Она ничего такого не говорила. – Ему не понравилось, что беседа приобрела оттенок таинственности. В таком духе обычно общаются гангстеры в плохих фильмах. Мужчина стоит, привалившись к стене. Кто-то проходит мимо. Мужчина чуть заметно кивает тайному сообщнику. Сообщник опускает глаза и идет дальше.

Он решил идти дальше.

– Знаете, я, пожалуй, пойду наверх, – сказал он парню. И тут же стал спускаться вниз, к отелю. Он понял, что пошел не туда, но чувствовал на себе взгляд парня. Хотел было сделать вид, что он спустился всего на несколько шагов, чтобы полюбоваться неизвестно чем внизу, а потом развернуться и идти вверх. Да пошло всё к черту, устало подумал он. За спиной он слышал шаги спасателя.

Камушки, выскочившие из-под его ног, стукнули Премингера по ногам и покатались вниз. Он проводил их взглядом. Парень нагнал его.

– Я тоже пойду вниз, – заявил он, словно Премингер принял решение за них обоих. Тропинка сузилась, Премингер воспользовался этим и обогнал парня. Шел быстро, спуск был крутой и требовал сосредоточенности. Спасатель, не отстававший ни на шаг, продолжал трещать.

– Ему был нужен кто-нибудь на сезон. Уже четвертое июля наступило, а он еще никого не нашел. Мой двоюродный брат работает у него на кухне. Он мне и рассказал. Мистер Биберман знал, сколько мне лет. Я ему сам сказал. А он: «Да при чем тут возраст? Здесь никто никогда не тонет». Я у себя в комнате должен был тренироваться, как хватать утопающих. – Тропа снова расширилась, и парень поравнялся с Премингером. Он подстроился под темп Премингера, и к подножью холма они пришли вместе.

Он побежал рысцой впереди спасателя, но скоро устал и снова перешел на шаг. Хотя парень на бег не переходил, Премингер чувствовал, что он неподалеку и продолжает идти следом. Премингер нарочно направился к столикам на лужайке, решив, что там он обернется и попросит спасателя принести ему выпить. Но слишком поздно понял, что взял курс туда, где сидит миссис Френкель. Он не сразу разглядел ее под огромным куполом зонта. Оставалось разве что развернуться кругом, но, помня о том, что парень тащится за ним, и о том, что и на горе он пошел не туда, решил, что это будет еще глупее. Что, если мальчишка и тут не отвяжется? Тогда они окажутся вдвоем на поле для гольфа. Тогда от него уже не избавиться. Он прикинул, что хуже, и решил выбрать миссис Френкель – она хотя бы не нуждалась в его советах.

Миссис Френкель, одетая уже по-городскому, выглядела так, будто ее только что сфотографировали для воскресного приложения к газете. («Миссис Френкель, сидящая под грибом весом в сто килограммов, который она сама вырастила, заявила...») Но, подойдя поближе, он понял, что никакая газета ее фотографию не напечатала бы. Она расслабилась, вытянув вперед ноги, – словно весь день без толку промоталась по магазинам и смертельно устала. Лицо у нее было мрачное и задумчивое. Состояние для миссис Френкель необычное, и Премингер даже задержался около нее. Она не сводила взгляда с никому теперь не нужного бассейна.

– Странная вещь, – произнесла она, обернувшись к Премингеру. – Совсем малышка. – Он никогда не слышал, чтобы она говорила так тихо. – Вы ее видели? Такая тонюсенькая – ни дать ни взять картонная куколка. Это же ужас что такое! – воскликнула она. – Почему здесь? В горах? Она же просто играла в бассейне. Ну да, дети болеют, и это ужасно; но так бывает – ребенок заболит, и ничего поделать нельзя, и он умирает. – Он так и не понял, с ним ли она говорит. – Но почему здесь, в горах, куда люди приезжают развлечься? Просто ужас, кошмар. Как же это? – Она смотрела на Премингера в упор, но, кажется, этого не осознавала. – Вы мать видели? Видели испуг в ее глазах? В них одно написано: «Этого быть не может!» Я была там. Девочка захотела мороженого, а мать ей сказала, что у нее губы синие и пора вылезать. Она на секундочку, на одну секундочку отвернулась, а когда снова взглянула... – Миссис Френкель поежилась. – Сколько она пробыла под водой? Секунд пять, десять? Бассейн – не океан, искать не надо. Только спасателю куда важнее было поболтать со своими подружками, и он, только услышав крики, встрепенулся: «Как? Что? Где?» И кто виноват? – спросила она Премингера. – Г-сподь Б-г? Мы же не дикари. Виновных можно найти и поближе.

Ему стало не по себе от ее взгляда. Хорошо хоть, ее голос обрел былую зычность. Она понемногу приходила в себя, а элегическое состояние или что там это было, оказалось всего лишь интерлюдией: похоже, этой даме, чтобы перевести дыхание, нужно не помолчать, а всего лишь понизить голос. Но ее вопрос так и повис в воздухе. Он не хотел на него отвечать, впрочем, для таких людей это, кажется, значения не имеет.. Что ж, по крайней мере, теперь он может дать показания в защиту той стороны, за которой вины не видит.

– Так что же, миссис Френкель, – сказал он. – Суть-то в чем? Вы всё утро намекали на некую тайну. Это вы насчет того, что спасатель слишком юн? – Его голос прозвучал громче, чем ему хотелось. Он словно слышал его в записи – которой вовсе и не делал. – Вас это беспокоит? Вы в эту тайну всех хотели посвятить? Не стоит напрягаться: это уже не тайна. Все уже всё знают. Конечно, хорошего в этом мало, но будь юноше не шестнадцать, а восемнадцать, девочка всё равно бы утонула.

– Спасателю только шестнадцать? – изумилась женщина. Быть не может, чтобы она не знала. Наверняка догадалась или подозревала. Вот почему так и возмущалась. – Только шестнадцать? – повторила она.

– Я не знаю точно сколько, – решил увильнуть он. – Да не в этом дело! Это был несчастный случай. Какая разница, сколько ему лет? – Только тут он понял, что парень никуда не ушел. Он стоял метрах в семи от них и всё слышал. Премингер вспомнил, как утром точно так же выглядел Биберман – он стоял, виновато понурился под грузом нападок, а администратор пытался его защищать. Спасатель рассчитывал, что его адвокатом выступит Премингер.

Однако Премингер с легкостью сменил тему. Безо всякой видимой причины он принялся рассказывать миссис Френкель о своей прогулке, о еще не до конца ясных планах на будущее. Она вежливо слушала и даже пару раз одобрительно кивнула. Он поболтал с ней минут десять, но, когда собрался отойти, поймал на миг ее суровый взгляд.

– Будет лучше, если мы все уедем, – сказала она.

Они с Нормой лежали за кортом. Рассеянный свет луны изморозью серебрил траву. Они молчали уже минут пятнадцать. Может, она дремала. Земля была сырая. Он чувствовал росу даже через одеяло – она была как выступившая на теле испарина. Он приподнялся на локте и заглянул Норме в лицо. Глаза ее были закрыты, и он снова лег и уставился в небо.

На корте не было ни души: под вечер исход завершился, последние машины вернулись в город. Он подумал о Бибермане, сидящем в одиночестве у бассейна; перед глазами до сих пор стояло его лицо –

каким оно было жутким, когда он махал на прощанье отъезжающим гостям, всячески показывая, что всё в порядке и что уезжают они лишь потому, что закончился отпуск.

Он вытащил из-под одеяла стебелек травы.

– Размазня! – сказал он.

Норма пошевелилась и тихонько застонала.

Премингер не обратил на это внимания.

– Он стоял у дороги и махал им вслед. Жал им руки и говорил, что оставит их комнаты за ними. Даже сказал посылному, куда что класть. – Он разорвал стебелек и половинку выкинул. – Размазня! Мне было за него стыдно.

Он размял травинку пальцами. Из нее потек липкий сок, и он с отвращением отбросил ее.

– А этот администратор! Ты слышала? «Извините, Биберман, но мне нужна публика. Я ведь без публики не могу!» И Биберман ему: «Вы замечательный актер. Вы работаете на высшем уровне». Меня чуть не вырвало. А миссис Френкель ни словечка не проронила. Ей и ни к чему было. Он сам выдал себя с головой.

– Бедняжка... – сказала Норма. Голос у нее был тихий и задумчивый, совершенно не сонный. Он повернулся к ней и улыбнулся.

– Биберман?

– Я о девочке, – сказала она.

Безо всякого выражения. Он смотрел на ее лицо: кожа ее казалась особенно мягкой и прохладной. Она почему-то выглядела меньше и старше, но это его несколько не смущало. Это всё лунный свет, подумал он.

Он дотронулся до ее щеки.

– Ты бы уехала с ними, да? – спросил он ласково. – Уехала бы, если бы я не попросил тебя остаться? – Она не ответила. Только повернула голову, и его рука соскользнула на одеяло. – Сегодня ты делала так уже два раза, – сказал он.

– Разве?

Он посмотрел на нее. Она лежала на спине, вытянув руки. Он придвинулся к ней, его ладонь легла на ее грудь. Она попыталась отстраниться, но он схватил ее за руки и поцеловал в губы. Через несколько минут, подумал он, начнется мой отдых. Никому не нужная милая еврейская девушка в никому не нужном милом еврейском отеле. Она яростно замотала головой. Он прижался лицом к ее лицу, припечатал ее голову к одеялу. Почувствовал, как напрялось ее тело, как окаменели руки. Она стала вырываться, и он уже не мог ее удерживать. Она оказалась слишком сильной: одним резким движением ей удалось отбросить его в сторону. Она быстро вскочила и застыла над ним. Похоже, и сама не знала, что делать дальше.

– Уходи отсюда, – сказал он.

– Ричард...

– Уходи отсюда.

– Ричард, я не хочу возвращаться.

– Уходи!

– Ну ладно, – тихо сказала она, развернулась и пошла прочь.

– Вот идет она, – крикнул он вдогонку. – Оставьте ее, она в трауре. – В нем вскипала злость. – Эй, погоди-ка! У меня идея! Устроим суд Линча. Мальчишку привяжем к трамплину, а Бибермана повесим на пляжном зонтике.

Она быстро шагала к отелю. Он встал и бросился вдогонку. Попытался удержать ее, но она увернулась, и ему представилось, как он, споткнувшись, летит вперед, а его рука тянется к ней. Но он сумел удержать равновесие и пошел чуть сзади, и всё говорил, говорил. Так уличные торговцы преследуют покупателей, но он не владел собой.

– Она утонула, и всё пошло к чертям, так ведь? Погибла чужая девочка, но здесь же все друг другу чужие. – Она побежала. Он понял, что она плачет. Он бежал за ней и слушал ее рыдания. – Надо найти, кто виноват. Спасатель. Биберман. Я. А знаешь, что всему виной? Судороги и этот треклятый австралийский кроль. – У отеля Премингер остановился. Норма вошла внутрь, а Премингер опустился на ступеньки. Нарочито истоиво захлопал в ладони. Всё из-за этой треклятой девчонки. Собственная истерика казалась ему болезнью – лечи ее, не лечи, она всё равно возвращается.

Когда всё снова стихло, он почувствовал, что рядом кто-то есть. И понял, что осознал это еще тогда, когда дал Норме уйти. Он огляделся и заметил ярдах в двадцати, в тени веранды силуэт человека. Лица он в темноте не разобрал.

– Биберман, это вы?

Человек вышел из тени. Он двигался медленно, даже неуверенно, и, минуя вход, попал в полосу света, протянувшуюся от дома как трап.

– А-а, Премингер! – Голос был низкий, насмешливый.

– Мистер Биберман? – сказал он тихо.

Мужчина остался на свету. Премингер встал, подошел к нему.

– Пора спать, – сказал он. – Я как раз шел к себе.

– Да-да, – сказал Биберман. – Ну что, Премиингер, последнюю ночь у нас ночуете?

Премиингер взглянул на него: здесь, на пяточке света, он почувствовал себя под ударом.

– Я никак такого не планировал.

– Не планировали? – усмехнулся старик. – Девушка утром уедет. Что вас может здесь удержать? Питание? – Он снова усмехнулся. – Завтра вы уедете. Но спасибо, что остались еще на день. Это меня обогатит, и я сам смогу отправиться в какой-нибудь отель. – Он заметил, что в руке у Бибермана бутылка. Старик поймал его взгляд и широко улыбнулся. – Шнапс, – объяснил он, подняв руку с бутылкой. – Немножко шнапса. Я сидел у себя на веранде, словно на палубе «Куин Мэри», где в честь моего первого плавания через Атлантику готовят кошерную еду. Одно плохо: время от времени кто-то падает за борт, и меня это очень расстраивает. Если бы мы не были в трех днях пути от берега, я бы позвонил жене, чтобы она приплыла за мной и забрала домой.

Премиингер улыбнулся, и Биберман протянул ему бутылку. Он взял ее, машинально вытер горлышко и сделал глоток.

– Я, пожалуй, уеду, – сказал он.

– Да уж, конечно.

– Напрасно я сюда приехал, – сказал Премиингер. – Думал, так, позабавиться. А не то чтобы из любопытства выбрал отельчик подешевле. Но ничего у меня не вышло. А я ведь просто хотел кого-нибудь подцепить.

– М-да, – сказал Биберман. – Я вас, ребята, знаю. Приезжаете с чемоданом, набитым презервативами. Гадость какая...

– Я просто хотел кого-нибудь подцепить, – повторил Премиингер.

– Такое с рук не сходит, – сказал Биберман.

– Ваша правда.

Биберман пошел вглубь веранды. Премиингер отправился следом.

– Вы только не думайте, что я уезжаю потому же, почему и все. Я вас ни в чем не виню. (Старик промолчал.) Правда, не виню.

Премиингер едва различал его в темноте.

– Парень, который приехал кого-нибудь подцепить, ни в чем меня не винит, – сказал старик.

Премиингер помолчал.

– Ну что ж... – Он не находил слов. – Спокойной вам ночи. – И он пошел ко входу.

– Премиингер, вы человек образованный, вы мне скажите, – вдруг заговорил Биберман, – думаете, они могут на меня в суд подать?

Он обернулся к Биберману.

– Не вижу для этого оснований, – сказал он.

– А мальчишка-спасатель? А если я знал, что он несовершеннолетний? Что ему всего шестнадцать? Вдруг они это докажут, тогда смогут в суд подать?

– А как они это выяснят? – спросил Премингер, стараясь не выдать смущения.

– Уж я им точно не скажу. Объявления в «Таймс» давать не буду. Но если узнают, могут подать в суд?

– Ну, не знаю, наверное, попытаться могут. Я же не юрист. Честно говоря, не понимаю, почему вы должны быть за всё в ответе.

– Другие же так и считают.

– Они всё забудут.

– Если бы, – сказал Биберман.

– В следующем году у вас снова будет полно народу.

– Да, наверное, – грустно сказал старик.

– Слушайте, ведь вы не виноваты!

– Они этого не вынесли, – сказал Биберман так тихо, что Премингеру показалось, будто он сам с собой разговаривает. – Им оставалось одно – уехать. Кое-кто из женщин даже взглянуть на меня не решался. Вот почему и Катскиллу, и Майами-Бич, и Лас-Вегасу придают такое значение. Вот почему человек по фамилии Биберман ставит свое имя и на вывеске отеля, и на полотенцах. – Премингер не понимал, о чем это он. – Сами посудите – да какого черта? – Он снова обратился к Премингеру. – Спиноза – он что, писал свое имя на полотенцах?

– Может быть, пойдем внутрь? – сказал Премингер и протянул ему руку.

– Когда маленькая девочка тонет там, где никто утонуть не должен, где платят немалые деньги за то, чтобы все держались на плаву, это ужасно. Я понимаю. Тогда ты чувствуешь, что опасность подстерегает повсюду, – сказал Биберман. – Буквально повсюду. Идешь себе на футбол, и тут диктор объявляет в микрофон, что требуется доктор, но это экстренный случай. Уж на отдыхе такого не будет, думаешь ты. Думаешь, да? Думаешь, на отдыхе такого не бывает? Так, да? Да даже, когда бродишь в одиночестве по лесу, и то вдруг видишь, что оленидохнут, или реки пересыхают, или еще что.

– Пойдемте внутрь, мистер Биберман, – сказал он.

– Слушайте, Премингер! Сделайте мне одолжение, а? Завтра, когда вернетесь в город, позвоните всем этим людям и расскажите о том, что вам сказал спасатель. Вы ведь один об этом знали.

Старик закурил сигарету. Премингер видел, как мерцает ее дымящийся кончик. Лицо он пытался разглядеть, но не мог – было слишком темно.

– Вы с ума сошли, – сказал он наконец.

– Я за всё в ответе, – грустно сказал Биберман. – Но у меня духу не хватает.

– Я-то ни за что не в ответе, – сказал Премингер.

– Ошибаетесь, Премингер.

Премингер быстро встал. Прошел по темной части веранды, вступил в косую полосу света. Биберман окликнул его, он обернулся.

– Премингер, – сказал старик, – я серьезно: расскажите им, что слышали, как я хвастался: мол, сэкономил пару сотен. – Премингер помотал головой и стал осторожно спускаться по ступенькам – боялся оступиться в темноте. – Премингер, я серьезно говорю, – крикнул Биберман.

Позабыв об осторожности, остаток лестницы он проскочил чуть ли не бегом. И с удивлением понял, что направляется к пустому бассейну. Сколько раз уже он убеждался в бессмысленности своих спонтанных, неумышленных порывов. Всеми-то я оставлен, подумал он, расписываясь в собственном бессилии. Он обернулся. В комнате Нормы горел свет. Он слышал, как Биберман всё еще зовет его. Он стоял среди зонтиков на лужайке и слушал отчаянный голос старика:

– Премингер! Премингер! – Можно подумать, они играют в прятки, и старик водит. – Премингер, я серьезно!

Ну хорошо, подумал он, хорошо, черт подери, хорошо! Он дождется утра, пойдет к Норме, извинится, и они поедут в город вместе; он, быть может, начнет искать работу, быть может, они будут встречаться, и, кто знает, быть может, когда-нибудь он попросит ее руки.

Ī ādāā ā ā ā ā ā ā ā Ā Ī ā ā ā ā ā

ЯСЕК

(ĀĀDĀĀĀĪ NĒĒĒĒ ÖĀĀĒĒĒ)

Oréi Āo

Он растянулся на росистой траве далеких и широких кувявских полей, точно охвативших зелеными своими объятиями весь Б-жий мир, и стережет овец, отданных отцом под его присмотр. Зовут его Ясек. Какое у него еврейское имя, он не знает – его еще ни разу не вызывали к Торе. Но одно знают все – что это грубиян и неотесанный мальчишка. Отец его, Ицхок-арендатор, давно уж махнул на него рукой; он потерял надежду даже на то, что мальчуган после его смерти прочтет по нем заупокойную молитву «Кадиш».

Тем не менее, чтобы исполнить свой долг, он нанял для него меламеда из соседнего местечка. Меламед усердно работает над своим питомцем. Сто, тысячу раз повторяет ему каждое слово. Ясек же слушает всё с видимым удовольствием и полным равнодушием, точно это касается вовсе не его.

– Ну, поделай тут что-нибудь с таким медным лбом! – выходит из себя учитель и закрывает книгу. Мать же смотрит на сына и вздыхает про себя. Молитвенника нельзя дать ему в руки. Разве он умеет молиться?

Он, Ясек, будет молиться? Что общего у него с Б-гом? Кошунством было бы, если бы он прочел «Шма Исроэл», которую должен знать наизусть каждый еврей.

А всё же Ясек познает Б-га по-своему. И чувствует Его сердцем. И видит Его всюду, куда ни кинет глаз. Там, где тихонько журчит ручеек и шепчет что-то таинственно высокой, обсыпанной цветами горе, он видит Б-га. А когда он видит вдали клубящиеся, угрюмые тучи, он чувствует какое-то странное волнение, какою-то безотчетную тоску... О чем?

Когда в небе бушует гроза, грома рокочут с треском и молнии рассекают зигзагами тучи, когда дождь льет ливнем на землю и тяжелый туман окутывает деревеньку, – он чувствует близость Б-га. И тогда, когда из-под жатвенной машины вытащили Мацека и из раздавленных ног его текла кровь, – да, и тогда он чувствовал Б-га.

Иногда он думает про себя: Б-г живет не в небе. Не на небо надо смотреть, когда хочешь Его видеть. Б-г живет где-то далеко, в каком-то большом городе. Может быть, там, где живет помещик, владелец их деревеньки, и другие большие господа. И все эти большие и благородные господа – только Б-жьи слуги; такие вот, как Стах и Войтек, – слуги у их помещика.

Но что же у него, у Ясека, общего с Б-гом? Он не мог бы ведь быть даже пастухом у Б-га. Пастух у Б-га, рассуждает он, должен быть тоже большим баринном, магнатом. Их помещик, кто знает, может быть даже не кучером у Б-га. А он, Ясек, мог бы разве?..

Иногда только, когда небо ясно, прозрачно и тихо простирается в высоте, окутанное дрожащей лазурной пеленой, когда травы и цветы спокойно растут внизу в долине, молчаливо вытягивая головки кверху, когда там, вдали, дремлет, задумавшись, старый бор, зеленый прадедушка деревеньки, а посреди ковра лугов вьется белой лентой дорога – вон идет по ней мужик, а вон там еще какой-то еврей в своем возке едет куда-то далеко-далеко, – когда голубой купол, простертый широко-широко, опускается вдали, опускается всё ниже и ниже, касаясь наконец земли, и он, Ясек, сидя на пороге старого амбара, смотрит на всё это в тихом раздумье, – тогда он думает: Б-г освободился наконец от больших, важных господ, сам пришел на эти поля, и вот Он здесь и ждет...

И тогда Ясек чувствует неудержимое желание славословить Б-га и благодарить его за всю эту красоту, что вокруг. И хочется ему иногда пойти далеко-далеко, туда, в этот большой город, где живет Б-г и где стоит его дворец. И хочется ему подойти к Нему и поцеловать Его дорожку, милую руку...

Мучит его, однако, мысль: а пустят ли меня к Нему? Нет, меня не впустят в Б-жий дворец. Там стоят, наверно, у дверей швейцары, высокие такие, с голубыми перевязями на груди, в желтых сапогах и красных фраках (как он видел у господ, приезжавших в гости к помещику). Они прогонят его.

Но тотчас же является другая мысль: зачем идти туда? Ведь Б-г же здесь, на нашем поле, а швейцары стерегут пустой дворец, где нет Б-га...

«Э-й! мелех неемон...» – долбит в него ребе; а Ясек думает про себя: «Э-й! мелех неемон» – это, верно, заклинание, которое нужно произнести, чтобы быть впущенным в Б-жий дворец. Но у него есть другая молитва для Б-га. Молитва без слов. Молитва, которая рождается в его сердце, переполняет душу и выливается свистом.

Когда ему хочется молиться, он прикладывает ко рту два пальца, сжимает губы и дует изо всей силы – и молитва его звучит далеко по полям и лугам. И Б-г понимает его и его молитву.

Ясек свищет только тогда, когда чувствует, что должен свистать. И кажется ему, что Б-г лежит на широком благоуханном поле и слушает свист его с радостью и удовольствием.

И не только он молится Б-гу по-своему. Когда Бурек, старый деревенский пес, начинает ворчать и вилять хвостом и, подняв кверху морду, лает в пространство, Ясек говорит: Бурек молится... Когда корова Лацята с жалобным мычанием возвращается вечером домой с поля, Ясек думает: Лацята молится. Буланый иначе, тоже по-своему, славословит Б-га: брыкается, становится на дыбы, подымает кверху морду и ржет... Все молятся, даже лягушки в болоте: квак, квак! – одна за другой...

Ясеку кончилось тринадцать лет. Он – «бар мицво», духовно совершеннолетний, по еврейскому обычаю.

Приближаются осенние праздники, Рош а-Шона, а он всё еще не знает «Шма», хотя ребе только это и старается вбить ему в голову, чтоб можно было взять его на праздник в город. Новый костюм из деревенского холста Ясек уже получил, сапоги и шапка тоже новые, но «Шма» он должен знать.

Синагога полна молящихся. Все в белых одеждах и длинных талесах. Молятся и причитают всё громче. На возвышении, где горят семь восковых свечей, стоит кантор с певчими. Лбуются протяжные, проникнутые слезами аккорды, смущающие короткой, прерывистой нотой жалобной мольбы, подавленного,

глубокого страдания – это тяжелая молитва рабби Амнона: «Унсано тойкеф». Наверху, на хорах, слышится сдавленный плач женщин.

Ясек, стоявший рядом с отцом в своем новом костюме, с выбивающимися из-под сдвинувшейся на затылок шапки белокурыми волосенками, вылезает вперед, подходит ближе к амвону и становится прямо напротив кантора. Молитвенник, который ему дали в руки, чтобы было похоже, будто он молится, выпал у него на землю, а он стоит с широко раскрытыми глазами и смотрит в остолбенении на кантора и рыдающих евреев. Вот замечает он белый занавес с золотыми буквами перед алтарем и думает: там, должно быть, Б-г... там, за занавесом!..

С хор смотрит на него мать. Она видит, как он стоит в остолбенении, как молитвенник выскользнул у него из рук, и вздыхает: настоящий мужик, деревенский неуч. А отец с болью смотрит на него из-под талеса и молит: Всевышний, помни о нем тоже!

Ясек стоит без движения, с вытаращенными глазами... Все плачут, молятся, зывают к Б-гу. Как хотелось бы ему тоже!

И ему хочется молиться, хочется не плакать, не кричать, а только благодарить и славословить Б-га, благодарить за всё, за всё... Он нагибается, подымает молитвенник, открывает его и начинает: «Э-йл мее... лех... не... емон...» Но это не для него молитва. Она непонятна для него: в ней только слова. Ему хочется славословить Б-га и благодарить его от всей души, от всего сердца. Он боится, однако, толпы, этой толпы, которая совсем иначе молится Б-гу. Но жажда молитвы преодолевает страх: Б-г сильнее всех. Он должен, он не может...

Он прикладывает пальцы к губам... Громкий свист пронизывает воздух, раздается среди плачущей общины...

Все словно поражены громом. Кто это свистнул в святом месте?.. Отец хочет схватить мальчика и вывести вон; некоторые из молящихся подымают кулаки.

Но вдруг со своего места у восточной стены поворачивается рабби и громко спрашивает:

– Где тот святой, где праведник, что пронизал небеса, чтобы молитвы наши свободней могли долететь к Престолу Б-жию через свинцовые тучи?..

Но праведника и след простыл... Он выбежал из синагоги и, закинув сапоги на плечи, мчится во всю мочь в деревню...

Àëù àíà ì íéíàé àààéíé éèòààòòòì, 1911

О, РЫДАЙ!..

Nai oee I adoaé

*I, dilaáé, çadilaáé,
Éaé dilaáé èèouí diðé
Íää íañ:añðíé çai éaé,
Íää íñéáoaé çai éaé.
Íðeðíáéé íí íáéí. È dilaáé íí íáéí,
È íéèòí èç òíéíú íá áéääé áñ ñéáç
Íá áéääé. Íí ýáeyeny ííéíí-ííé ííðé,
Éíñá ííéíí-úáúéá ááç éóí ú è ááç çáçá
Íá áéääé. Íí ñeðúáéeny á ñeóáíéop ááéü-
Èéü á íáuyòüý íóñòúíü
ééü á ðáñλαέίú ñð
Áíéíáíé óááðyeny í èáí áííúé ñeòò.
Íáííááéáíúé óóáñíðeæèí àé íí é áðáé.
È ðáñλαέίú ñeóáüáí éðááá íáííéíýé
Íí ñéáçáí è, éaé áíæáüí
íðíéáòááoaé áðíçí...
Øíéüéí áeáèò òíñeó èáí áíéñòúé íáðíá*

*Ótēuēi nēuēò áá áááúíóáí íáý íí-ú
Á óe nēí óá óeáeò óáçá ááí í úe áçēýä
Á ãðýúóþ óá-ú áóúúò nēuēòú í áðíá!*

«Áðhēnēáý æèçí ú», 1907

ЗАМЕТКИ ОБ ОДНОЙ ЕВРЕЙСКОЙ БРОДЯЧЕЙ ТРУППЕ

Óðáí ò Èáóέα

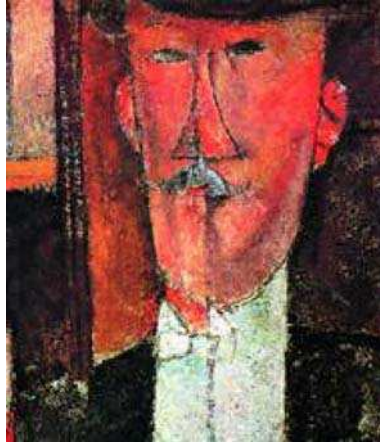
Γεαίειάκφνιέα óðáá áíòú άγούú Γάεινι Άότáíι è Óαείόáι Γίεέóáñι ες áíááíεείá Èáóέε, εó ñýçíáááò íáúáγύ óáι à Υòί çáι áóέε í áðíáγύ:áι óááòðá áñòí:íúó ááðñá, εíòíðúε áúòðíεεðíááε á Γóááι íñáíφ 1911 ááá è ááááε íðááñòááέáíεγύ á íááíεúóíι óáíáι έáóá Γίε ñáέááòáέúñòáφò í ñέέúñíι áíá:áóέáíεε, εíòíðá íðíεçááέí íá Èáóέó íáðáá çíáέíñòáí ñ íáέέííúι íáðíáíúι áúñι è í ñέέá áá έφááε íá íðñòí έγóέι áááέíñέéι έñι ááέáíóáι, íí έ ñáíáí ó íáðíáç, έίáá íí íðááñòááò íáðáá íέí áí áááí ñáíáí íáέñíò:áíííι ñáíáíáðáçέε. Γáέíí:áñòáí ííðíáέáέí á áéóá íέíáòáέγύ áúñòú, ñí í áí έγύ, áúóíáíúá í áóáí έγύ, íí ÷óáñòáí íáúííñò è ñíáááòúγíι è ááááέí í áááέáó íá εçáááέáí έá

ÁÁÁ Í ÁÐÑÍ ÁÁÆÁ Á ÈÁÓÓÁÍ ÁÓ

Вчерашний вечер в кафе «Савой». Еврейское общество.

Фрау К. играет мужчину. На ней кафтан, короткие черные штаны, из черной жилетки высовывается белая, тонкой шерсти, рубаша, у горла застегнутая на матерчатую пуговицу, с широким, свободным, удлиненным воротником. На голове женскую прическу прикрывает темная шапочка без полей, она всё-таки нужна, такую же носит и ее муж, поверх нее большая мягкая черная шляпа с отогнутыми вверх полями.

Я вообще-то не знаю, каких персонажей изображают она и ее муж. Но если бы я не пожелал признаваться в своем невежестве и взялся кому-нибудь объяснять, кто они, я бы сказал, что это, по-моему, какие-то общинные работники, служки при синагоге, их знают все как лентяев, но общине приходится их терпеть, эти прихлебатели используются для каких-то религиозных надобностей и благодаря своему особому положению оказываются в самой гуще общинной жизни, околачиваются без дела там, суют всюду нос, а потому знают все песни, прекрасно осведомлены о взаимоотношениях всех членов общины, но так как ни к какой профессиональной работе они при этом не пригодны, все эти их знания остаются без применения. Это евреи как бы в особо очищенном виде, поскольку живут они только в религии, что, однако, не требует от них ни усилия, ни понимания, ни сочувствия. Кажется, они любого готовы одурачить, смеются, когда убивают благочестивого еврея, за плату предлагают свои услуги отщепенцу, они танцуют, восхищенно держась руками за пейсы, когда разоблаченный убийца принимает яд и взывает к Г-споду – всё это лишь потому, что они легки, как перышки, стоит их прижать, и они уже на земле, они чувствительны, в любой момент готовы заплакать без слез (плач у них похож на гримасу), но едва их отпустишь, они начинают высоко подпрыгивать – веса в них ничуть не прибавилось. При этом им приходится играть какую-то постоянную роль в такой серьезной пьесе, как «Мешумед»^[1] Латайнера, они всегда должны быть тут, ходят то и дело на цыпочках или болтают ногами, спустив их со сцены, это не делает действие менее напряженным, но как бы его расчлняет. Так что пьеса сохраняет свою серьезность, она остается цельной, уравновешенной при всех возможных импровизациях, все слова в ней напряжены единым чувством, и даже когда действие происходит у задника сцены, оно не теряет своей значительности. Порой эти двое в кафтанах выглядят скорей подавленными, что соответствует их натуре, и, как ни вскидывают они руки, как ни щелкают пальцами, видишь там, позади, убийцу, который, приняв яд и пошатнувшись, прислоняется к дверям рукой в слишком широком рукаве...

י אֵיִלְאֵעֵ

Мелодии звучат долго, тела охотно им подчиняются. Эта их текучая продолжительность так и подмывает покачивать бедрами, поднимать и опускать, спокойно дыша, распростертые руки, ладонями прикасаться к вискам, старательно избегая при этом соприкосновений.

Иногда в песнях нас, слушателей, привлекает произношение, «детский идиш», иногда взгляд этой женщины на сцене, потому что она еврейка и потому что мы евреи, нет никакой потребности в христианах, нет любопытства к ним, и щеки у меня начинают подрагивать...

Талмудическая мелодия точных вопросов, заклинаний или толкований: воздух входит в трубу и уносит ее с собой, а навстречу вопрошающему разворачивается как бы издалека поначалу маленькая, потом всё разрастающаяся, на каких-то поворотах смиренная, но в целом исполненная гордости спираль.

Мелодии созданы для того, чтобы подхватить подпрыгнувшего человека и, не терзая его, увлечь своим восторгом, даже если уже не веришь, что он может восторгаться. Особенно же спешат к общему пению эти двое в кафтанах, как будто оно подчиняет себе их тела, и, хлопая под песню в ладоши, они наглядно показывают, до чего хорошо человеку-актеру.

В углу хозяин заведения, его дети остаются с фрау К. на сцене и по-детски подпевают, их губы выпячены, и рты полны мелодии.

י וֵאֵנִי

Хотелось бы увидеть настоящий еврейский театр, поскольку исполнение страдает, видимо, из-за нехватки артистов и плохо выученных текстов. Хотелось бы также узнать еврейскую литературу, которой явно присуща несокрушимая национальная боевитость, это чувствуется в каждой пьесе. Ни в одной литературе, в том числе и у самых угнетенных в общепринятом смысле народов, такого нет. Вероятно, у других народов это бывает в периоды борьбы, которая выдвигает в литературе на передний план национальную тему, и воодушевление слушателей придает такого рода национальную окраску даже другим, далеким от этой темы произведениям, как, например, «Проданной невесте»; но здесь, кажется, существуют лишь произведения первого рода, и так еще будет продолжаться.

Порой действие (на миг я вдруг это понял) не захватывает нас лишь потому, что мы слишком возбуждены, а не потому, что мы всего лишь зрители.

ÀÈÒÀÐÛ

Сочувствие, которое вызывают у нас эти актеры, такие добрые и так мало зарабатывающие, вообще не получающие достаточной благодарности и славы, – это, по сути, лишь сочувствие к печальной судьбе многих благородных устремлений, наших собственных прежде всего. Потому оно и бывает так преувеличенно, что лишь по видимости относится к чужим людям, на самом же деле мы думаем о себе. Но всё же это чувство настолько связано с актерами, что я порой не могу себя отделить от них. И это сознание вопреки всему еще сильнее сближает меня с ними.

Какими израненными кажутся мне актеры после спектакля, как я боюсь прикоснуться к ним словами! Я предпочел бы после короткого рукопожатия поскорей уйти, как будто я сердит и недоволен, потому что высказать свое истинное впечатление невозможно.

Хотя завсегдатаи и работники этого кафе любят актеров, впечатление приниженности мешает им их уважать, они презирают актеров, как голодных бродяг, как собратьев-евреев, точно так и всегда бывало в истории. Старший кельнер хотел, например, выставить из зала Л., швейцар, который прежде работал в борделе и теперь был сутенером, стал криками мешать маленькой Ч., когда она в порыве сочувствия хотела что-то сказать партнерам в спектакле «Дикий человек», а когда я позавчера проводил Л. обратно в кафе, после того как он в кафе «Сити» прочитал мне первый акт пьесы Гордона «Элиэзер бен Шевиа», какой-то парень (косоглазый, из углубления между кривым острым носом и верхней губой торчали маленькие усики) заорал ему: «Явился, идиот!» (Намек на персонаж в «Диком человеке».) «Ждут тебя! Ты и не заслуживаешь, чтобы находиться в такой компании, как сегодня. Тут есть даже один артиллерист-доброволец, посмотри!»^[2] И показал на одну из занавешенных стеклянных перегородок кафе, за которой якобы сидел этот доброволец. Л. потер лоб ладонью: «После “Элиэзера бен Шевиа” – такое».

ÑÌ ÁÐÒÛ ÁÈÀÁÌ × ÁÑÒÈÁÌÁÌ

Смерть дедушки Л., человека щедрого, знавшего языки, совершившего далекие поездки в глубь России и отказавшегося однажды в субботу обедать у знаменитого раввина в Екатеринославе, потому что у сына этого раввина оказались длинные волосы и цветастый галстук, и он засомневался, благочестив ли этот дом.

Кровать была поставлена посредине комнаты, свечи розданы друзьям и знакомым, комнату наполнял свет и чад свечей. Около сорока мужчин стояли весь день у его кровати, чтобы присутствовать при смерти благочестивого человека. Он до самого конца пребывал в сознании и в нужный момент, держа руки на груди, начал читать молитву, подходившую для этого дня. Пока он мучился и после его смерти бабушка, которая с другими собравшимися женщинами находилась в соседней комнате, непрерывно плакала, во время же самой смерти оставалась совершенно спокойной, ибо заповедь требует по возможности облегчать умирающему смерть. Молясь, он покинул этот мир. Такой смерти после такой благочестивой жизни он только и мог желать.

CAÙÈÙÁÍÍÎÑÒÛ

[При отъезде труппы]... Ее [фрау Ч.] девочка трется щекой о свою руку; она этого, наверно, не чувствует, но взрослым передается детская уверенность, что, пока ты при своих родителях, даже если они бродячие актеры, ничего с тобой не может случиться и что так близко от земли настоящих забот не увидишь, они открываются только с высоты взгляда взрослых.

*Í î òáèíòóÍ íéííá ðáðáíéÿ ð-éíáíéé Óðáí òá Èáðéé, ííáíòíáéáííá Í áéííí Áðíáíí äéÿ
èçáàòáéííòáá «Óíééáí».*

^[1] *Í áóú áá - ááðííòíòóííéé (éáèø).*

^[2] *Á Ááíò ðéé ááéòóðéáí òú áíéáí ù áíéé áíáðíáíéííí í ðíòíáéòííáðí áéíéø ðéáéáó, ííÿòíí ó
éó çáéé «áíáðíáíéííú í á áá».*

КОРОТЫШКИ В ЛИТЕРАТУРНЫХ КРУГАХ

Àdùá-Èàéá

В òràèèñŷ i òè òààá..

Îáíèì òáàòîì

– Какое голубое сегодня небо! – восклицал Исаак Зингер. – Бледно-лазурное, как завеса, которую вывешивают в синагоге в Покаянные дни.

И не о том ли думал Маршак, когда написал:

Áíèóáíá áíèóáíá,

Áíèóáíá á yòìò ááí ù

Áúèí íááí íáá Î íñèáíþ,

È á ñààòò òáàéà ñè òáí ù!

В íáíííóáé!

Ñàðááðŷí ùé ááé

– Я родился при царе, – говорил Семен Липкин – и десять лет жил в нормальных условиях.

Птичка певчая

6 декабря 1943 года на пленуме писательского Союза «прорабатывали» Михаила Зощенко. С погромной речью выступил Шкловский – долголетний друг и соратник автора.

– Послушай, Витя, – растерялся Зощенко, – ты же совсем не то говорил в Ташкенте...

– А я, Миша, – отвечал Шкловский, – не попугай!

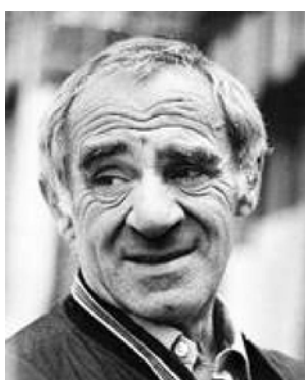
Í á í ò ì ì è è ò ì à è Ì à ò à è?

4 Ê ò è è à ò è

Народный артист Гердт поселился на Ломоносовской проспекте. Не в литфондовской квартире, как драматург и поэт, а на задах кинотеатра «Прогресс» – как инвалид войны. Там-то, в «красных домах», и обратился к соседям:

Перестаньте сикать в лифте!

Говорят, подействовало...

Á ì ò à à ì ì à ò è è à ò à!

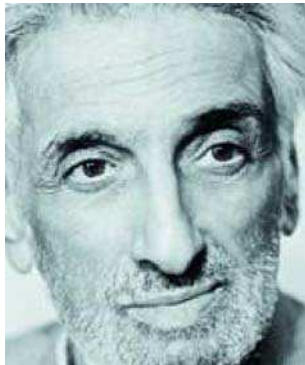
Ì à ò ì è è ì ì ò à ò à ì ì

Анна Андреевна Ахматова (Горенко) и Виктор Ефимович Ардов (Зильберман) понимали друг друга с полуслова. Он, например, спрашивал:

– Что будет, если цыган женится на еврейке?

Без промедления Ахматова отвечала:

– Цигейка!

× òí áññò, áññè áññé...

Êóðíðòíáÿ àñò ðííí èÿ á 1937 ãäó

Глава правительства подарил А. – философу и эстетике – переносной телескоп, дабы знаменитый античник следил за звездами в ночном Коктебеле.

Собиралась толпа. Любопытные обступали ученого.

– Скажите, товарищ профессор, есть ли жизнь на Луне?

– Нет, на Луне жизни нет.

– А на Земле? – тихо спросили из темноты.

– Есть! – И голос мыслителя обрел площадную звучность. – Есть наша с вами превосходная советская жизнь!

МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ

À í ú í á ó í à ì è ð é à Ì è ð à è ó È ú ù à è ÷ ó è ì ì è í è è ì ì ù à ù 90... À ì ð ù à è ì í í à ç à ì è à 75.

È è ð ì è ÷ í ú é à ì ì , è à ù ì à è è ù ù ù ,

È ç à ì à ò ì ì è ð ù à à à è ù ù ,

È à ò ò à ð à è ì è ì à à ð ù à -

À ì ò ð ù à ì è ì à ì à ù ì ì ù .

На его слова написал последние свои песни Исаак Осипович Дунаевский. Их знала вся страна. Исполняли Утесов и Шульженко. И подпевали мы с вами:

È ì à à ò ì ÷ à ò ò à à ù ì ì ò à à ù

Ç à ì ò ì è à à ð ò à à à è è è è è è è

Ì à ç à ù à à è ì à ì è ç à ì ò à à ù ,

Ñ à ì è ò à ð ù à è ì à ç à ù à à è .

Ì à ç à ù à à è , ÷ ò ì ì ì ù à à ì ð à è

Ì ì ù ò ù à ò à ò à ò

ì ð è ò ù à è ò ì à è .

Ì à ç à ù à à è ì à ì è ì ì à ð ù à è ,

Ñ à ì è è ð à à è ì à ç à ù à à è .

(1954)

Кому-то, быть может, хотелось что-ничто изменить: не забывай, например, родной державы. Но мы с вами поем, как поем, – не отклоняемся от текста. Ведь главные темы поэта: Война, Дом... и еще – Верность. Недаром среди фильмов с его участием – «Испытание верности», «Верные друзья»...

À à ð ì è ù ù ù ì à ð ù à è ì à

Θοὶ γὸ ἀάδαεὲ ἀῖοδα:ίύά
Βίίῖῖ ἑὰὸ ἀά:ίὸίῖῖῖ
ῖῖῖῖῖ ἁ:ῖῖῖῖ ἑῖῖῖ.
Ἐ ἁὶὸ ἑῖῖ, ἑῖῖ ἁ ῖῖῖῖῖῖ, ῖ ῖῖῖῖῖ ῖῖῖῖ:ίῖῖ
Ἐ ῖῖῖῖῖ ὀῖῖῖῖ ῖῖῖῖῖ ῖῖῖῖῖ ῖῖ ῖῖῖῖῖ.
ῖῖῖῖῖ ἁῖῖῖῖῖῖ ῖῖῖ ῖῖῖῖῖῖ
ῖῖ ὀῖῖῖ ἑῖῖῖῖ ἑ ἁῖῖῖῖῖῖῖ ἑ,
Ἐῖῖῖῖῖ ῖῖ ῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖ, ῖῖῖῖῖῖ ῖῖ ῖῖῖῖ ἁὸῖῖ
Ἄ ῖῖῖῖῖ ἁῖῖ ἁῖῖῖῖῖ ἑῖῖῖῖῖ:ῖῖῖ
ἁ ἑῖῖῖῖῖῖ:ῖῖ ἁῖῖῖῖῖῖῖ ἑ,
ῖῖῖῖῖ, ἁῖῖῖῖῖῖῖ ῖῖῖ
ῖ ἁῖῖ ἁῖῖῖῖῖ:ἁῖῖ ῖ ἁὸῖῖ

(1948)

Эту песню (голос Утесова) слышали (и, наверное, многожды) Феликс Ефимович Миронер и Марлен Мартынович Хуциев. Оттого, думаю, и первое их кино так и зовется – «Весна на Заречной улице» (1956).

ῖῖῖ, ἑὸί ῖῖῖῖῖ ἁῖῖ ὀί ῖῖῖ,
ῖῖῖ ῖῖῖῖῖῖ ῖῖῖῖῖῖῖ
Ἄῖῖῖῖῖ ἁ:ὸῖῖ ῖῖ ῖῖῖῖῖῖ
Ἄ ἁῖῖ ἑῖῖ ῖῖῖῖῖῖ ἁῖῖῖῖῖ
ῖῖῖῖ ῖ ἁῖῖῖ ῖῖῖ ἁῖῖῖῖῖ,
ῖῖῖῖῖῖ ῖῖ:ῖῖ ῖῖῖῖῖῖῖῖ
ῖῖῖ ῖῖ ῖῖῖῖῖῖ ἁῖῖ ἑῖῖῖ
×ῖῖῖῖῖ ῖῖῖῖ ῖῖῖ ῖῖῖ

(1958)

Михаил Матусовский – певец «отчего дома»: с первой своей книги «Луганчане» до «Московских окон» и «Подмосковных вечеров»... И, наконец, «С чего начинается родина» (опять-таки – через малую букву):

ῖῖ:ῖῖ ῖῖ:ῖῖῖῖῖῖῖ ῖῖῖῖῖῖ?
ῖῖῖῖῖῖῖ ἁ ὀῖῖῖῖ ἁῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖ

Ñ ò ò ò ò è è è è è è è è è è è è,

È è è è è è è è è è è è è è

À ì ì è è è, ì ì ì ì ì ì ì ì ì ì

Ñ ò ò è è è, ò ò ò è è è è è è è è

Ñ ò ò ì ì, ò ò ò è è è è è è è è è è

Ó ò ò ò è è è ò ò ò ò ò ò ò ò

(1967)

«Если глубоко задуматься», как размышлял по телевизору клоун Сеня – актер Семен Фарада (Фертман?), приблизительно в том году (после Шестидневной войны) нас пытались по новой загнать в «черту оседлости», сделать бытовой, медицинской, эстрадной обслугой. Но Вениамин Ефимович Баснер (композитор), Михаил Львович Матусовский (поэт), Марк Наумович Бернес (исполнитель) с твердостью знали: есть нечто такое, с чем – при любых испытаниях – мы не расстанемся.

Ì Á × Û Â Ó Ð Ñ Ò Á Í Á Á Ð Ñ

Ñ è è è è è è è è è è è è è è è è,

ì ì ò è è è è è, á ì á ì á ì, ì á è è è,

Ñ ò ò è è è è è è è è è è è è è è è è

ì á ì ì ì ì ì ì ì ì ì ì ì ì ì ì ì ì.

Ì á ò è è è è è è è è è è è è è è è è,

ì ì ò è è è è è è è è è è è è è è è è.

Ì, è è è è è è è è è è è è è è è è

ò è è è è è è è è è è è è!

È è è è è è è è è è è è è è è è,

ò ò ò ò ò ò è è è è è è è è è è

Ó è è è è è è è è è è è è è è è è

ò ò ò ò è è è è è è è è è è

È è è è è è è è è è è è è è è è,

è è è è è è è è è è è è è è è è

Ý ò ò ò è è è è è è è è è è è è è è è è

È è

ò ò ò ò, è è è è è è è è è è è è:

Áðÿçè - í è èáíèè, í úèè - í è ãðñòèè,

èíííòè - í è èáèíé.

Èàè ì ííã ðñáíúò è çíàèíì úò èèö

ÿ ñáè:áñ óçí àþ:

Èàè ñòðáííí ÿò à ðóááÿ æáí ùèíà

ííðíæà íà ì àòùì íþ.

Á ÿòíò ì àèù:èé íà èíñòúèÿö

èíòíðñá ááíáÿò ñáè:áñ

Èàè áíèã ñ ñòðèò íí íà íãíú

íà íòðñááÿ æàç.

Á ÿòíò áííòðáíáííé èóðòéá ñòàðèé,

èàè íí íá íí áíçðáñò óí ðÿí,

Èàè ì ááèáííí èàòÿòñÿ ááá ñèáçí

íí ææòùì áá ùáèàì.

Ì íèùá í ííùááá, íðíèÿòùá è èðèé

óí ðóò çà ÿòíé ñòáííé, -

Óí áèí ðááíòáàò èñòíííéé,

íáááæáí çàí íè ááíéííé.

Á áááðíáþ áíñáèáí íþ íá:ú

íí ñ ñòðèò èç-ííá ðéè,

È òíèùèí íáíæ, íáíæ, íáíæ

èáòèò íà èíèíñéè...

Ì óáèèèáòèþ ííãñòíáèé Í éíòáñ Èíö

МОРСКОЙ РОМАНС

Èðeí à Beíamí

Núí aíaííā i íðyē-óíòíeíððamííāāí òā, Èíñeó Áðíāñeé í eíñe:

«Çā āí-áòíí èèðāðāóðū āāó íñeāíeó ñòíeāóeé... āāeíñòāííā, ÷āí ííeāó ñðāeóúñy Dímey, - ýòí eíñòíðey ñāñòāííā òeíðā».

Íā āā ñòðāíeóāó - Óāāíð Óāāíðñe: Óñeēíā Áeóñí Áāðeíā Íāóð Áāííeāāe, Èāāí Èðçāíeóāðí, Íāāñe Ñòāíāíñe: Íāðeí íā.. Á āñāí Íðā-āñòāííe āíeíú íā eíðāñeýó è ā āāñāñe íāíðíā òeíðā āñāñe èþāe ðāçíúó íāðeííeāñíñe. Ñðāñe āāñāñe Áāðíāā Ñíāñòñeíā Ñíþçā, - eíí āíāeð íðyēā òíðíāñíúó eāóāðíā Áāðāí Ñāðñeíā i íðñeíe eāó-ee Èeñy Èāðóíeí, eíí āíāeð i íðñeíā āñāí òā Óāçāñí Èñíeēíā íñāñíeēe: eíí òð-āñí eðāe Á. È. Èíñíāñeíā, eāíeóāí 1-ā ðāíñā Áíñðāā è eāññāāðíúe Èçðāeēñí Óeññíñe. Íāí āeóþ eāí'óó āeíñeēe ā Ííñāñe íāā Áāðí āíeāe è Bíñíeāe āāñe-eíñeāíāñí, eóðñí āíú, ññāñāíā i āāñeēe, āðā-ē. Íñeā íñāññí, ā āñāñí «āíðñāñí ñ eíñí íñeēðeçí íí» è «ðíeíñíe āíeíú», ññāññí íññeó íðeóāñíā, íñāññíí āññeíñā ðāíñā, ñeēāññāñeññííñā-āñ íā íðñí...

Í íðñeíe ðñí āíñ

«Áíeíñeēe eāí'āñāí ā ðāñeííñe», -

ðāíñeí eóðñí íāā íñðòñí çāó-eò.

È ñòíeó íí íā eāóāñā òeāāñí āíñeíí,

Èāe íñeíñeāíí, ññ eðíí ñòíeò.

Áññí āñ çāçāí íñā eēāñeā íāāðāñí íúe,

Çāí eðāñó āāðñāñeíñeēe íðyēā,

Í àðáí úñ çáðñíçáñéíé ò èõíé

íéðáéí ú

Í ò èðñíááò áíáí í úé í áðáá

Ááéúé èè ò áéúñéçáò í ááðáááí è,

È íñò áéèñí í ááé çá ñ é í íé

Èáí éí áðáá, Ñáááñò í í íéú è ñáááí úé

Èááí ááðí úé ì óðí áí ñéèé èí í áíé.

À í í ò ì í ò Í ò èí í óçç áí Ááé ò è è è

Á áááí ò á í í ñò áí á í ú ó áðáí áí

Ñéçáé á ó è í ò ñéçç,

áá á í è í í ñò ááé è è,

Áóááò í ðááé ò ú ñò áðáò áéúí í í í.

Í í í á ò ðááááçá í çò è áááçç ò ú á

Õí ò ú í í é: è ò ááí è ðáé, í í í á á é á á

È ááðáéñé í á èí ç è í ò: áñò áí,

È ó áí è è ç ç í á á á é é ó ðáò.

È, á í ò ñò ááé ó áí ññí: í í óáí é á í ú é

È í í é é í ó á é è ñáí é ç é é í á á,

Ðááé í í á é: óñí á é ò í í í ú í é é í í

Í á çááú ò ú é í á: áéúñò áí í

« ò í ðááé ».

Õí ò ú é í ðááéú ó í áá é á é ñ é á é í: è è

È ñéú ááò í í ñò áðí í í í è è ð é í,

Í í í áí á á é á ú, ÷ ò í, áí ðí: áí,

áñò áñò á á í í í,

Ááðáá ñò áí í á é ò ñç « í á á ú á ç á í ú í ».

Áááí ðí ñáò í ú « í í á á é è » í í ò í á é ú í ú á

È í í é ó í í: í ú é é á ð ò í: í ú é ó á ð ò,

*È í àñò èáí àò ááí í àí èí óáí úé,
Èáé í ðéò áéúí áý í óéý, èí ó áðéò.
Ðááé í í áé: í í í ðááé ò ñý, áí áé è áíò,
Í à ñý ù áí í í é ñý ááò ç àí è á
Í í á ááé áé í á áá: í í á í é á á á í ú á
Í í ó é á áò í á ð í á í í è í ð á á é á
Ò àí á á á í í ó é á í áò «ð á á é í í á é: á é»,
È í é ú è ñ é ó é áò, ò í á í í ð ó á Ý é áò.
Í áò í á ñ áò á í á: á é ú í á í í í á á ð è,
× áí ð á í í é á ç í ð í ç á á ú ò ú ó ñ é á áò.*

È á í è ò á í ú

*È ò á é, è í í áò á í é í ú, Í á í ú: á é ò ð é ý,
Ò á í ý ò ý í í ó á á í é é ó í á í ò í á
Ñ í ñ ò í ð í ú Ó é í á á í á - á ð í è ý,
À ñ í í ð ý ó é í ò ñ é á á á í á í ò ú.
Ñ í Ó ò á ò á í è - á ð ó á ý - ñ í ç í é é é,
È ò ð á í ý í á í á á: è ò Ñ ò á é é í ó
È á á á àí á ð é é á í ñ é ò ð á é á á á
Ñ ò í ý ò á í í ð ó Á á é ð á í á (Á á é ú í á á).
Í ò á ó á ó ð á é á: é á ñ «é á í ú ñ ò í ç»
È ñ í ð á á í á í è í í á á é ò á é ý,
Í í á í ú ñ á é ò ú í è í ð í á á ò á í è
È è í á á á á é á í á í í á é è ò á é á í.
Í í í áò ð é é ð á á ò í é ð á á ò í í ñ ò è -
Í ð é: á é ú, á í é è è í á é á á ó ú.
Í ð é á í ò è ð í á í: é á í á í á í ñ ò í í ñ ò è,
Á á é ó ð í ò á í è í í: è ò ñ ý - «Í á ó ó á ó ç á».
Í í á ý ò í ò ð á ç á á í í é é é é í ó é è:*

«B eai è o ai à o i o i a i d a e a a d a»...

È i n o i o i a e i a i u e i i a e a e o a :

«A u i a a a d e ? B e ç A i a d e e e».

Î o a o a i a e e i e e e ç i a e - a e i i a ç e y ...

D a ç a i a d e e e n i , a a e a o u i a - a a i ,

D e i e i o e è i d e i y e i d e a e a o a i e a

Î d e a u o u e i e i a a n n e ç a a o d a a a - a d i i .

A i a d e e a i a o - e ç i i a A e o a a n e a

È n o i e i a e d u o a e a p o - e i i i a i e e .

A i a i a i i e e ç I i a i ç i a e i a a :

«ç a i e y e , e a a e i ! N i n a e a i e a i !»

È o i o i a a o e e d a ç e i a e a i u

A e a i u , d i a i u o è m e i e e a a o n e e a

o i o - i i d o i e a a d a i o i a d a a o y i u e ,

Î o a o a i o a a o - a a n i n a a o n e e a

È a a i d e e e a i i i e o i i - e ,

È i e e e a n y e i a è d a ç i i a

È o i o n e a ç a e : «Î i o e e a A i a d e e o».

Î o a o a ç a i o i o e , i i a e n e a i a o ç a

È a i . Î o e e e a e u i i a n o d a o e e e n i i

x a d a ç i a a a e p i a i d e a i a

«Î o - o i y i i a i i a o i a e , a i - a i u e a ?

È n a a e a e a , - o i i a ç i a e i i u».

A a N i a d o i d e o a e a i i i n ç a i a o e e e ,

E a e o a e a e o ç i i o ç a i a d a a u

«Î i a u e i i i i a i o ç a a i e p» , -

Î o a e e a o a e o e i i a d e a a u .

È a i e a a a i u a i n e a e i a i a a e a i i i :

«Áεαρά á í íε òαáy í á áεάεε»...
Νέεεεéé ý áí í γòύύύύύò òδδδδδδδ,
Í í òí ò óαé á í òñòάάé, áúάéε...

Es ist eine alte Geschichte... *

** Ýò à ñò αάáy εñò íðéý... (Á. Άάεί á).*

Έάòí, άçí í òúá, áάéáy άέέέá
Άíñέδδδδδδδ úú, í ú éάú í á íάάá
Όίçýéí áúí á - Άδδδδδδé Έñάéíáé:,
Í áσ ñòαάúé áδδδδ í íέéíáí éé - í á:í áά
«Í íçí áéí ðò áúú, í íé ñúí».
- Νέí á áάéáy
ó í òí á... Νò áééýí í áý áάάúú óáíáé ò
í á í éýá.
Á í ðñò í ðí í ðí òééá éάδδδéí ú, í áñέé,
Á ñò í éí áí é ò í ðεάí ò áúí í ú é áí ò δδάε.

Ì ú òàéòàì ñŷ ñ Ñàòéìé

àì àì óò ðàí í àì àà ðééà

Èí ò ààì æàñ èí, ì ðéì éí ààì ò ðàáá

È ñ æàéàí úþ, èàì èéóéú àúñ ò ðí

éí ì ÷ àþ ò ñŷ,

È ŷ àì çà ðà ù àþ ñ ñ ì à çà à à Ì ì ñ é à ñ

Ì ðé ò ñ ŷ ò ÷ ó à ñ ñ ù á Ñàò é é ì ú ì è ñ ñ ù à

Ì ð ì ì ð á, ó ÷ è è ù à, é ì ð à á è è,

Ì ð ò ì, ÷ ò ì ñ è ð à ñ è à ñ é è à ñ ð ì é

à à ñ ÷ ì ì é é,

Ì ì ì ì á à ù ó à ñ ò ù ì à è ð à é ç à ì è è.

À ÷ à ð à ç ì ì é à à, à ì ŷ ò ù ñ ñ ñ ò ò ð à ò ù ù ì,

Ì à ó à é ù é ó ð ì é ì ì ì ç à þ á è é à ñ ñ

Á ù è ì ð ñ ò ì ç à ñ ì é:

«Á à ò ì ò à ò à ð à ñ ò ì á à ì,

Ì à ç à à à à é ò á à ì ì ð ñ ñ á ñ à é ÷ à ñ».

«Á è è æ ì é è è ð á» ì ñ ñ ò à ð à é ñ ŷ,

è è ù Á - à ì á à à ì à à é,

Ì ì á ì à ð ò á ì ð à ñ ò à à é è ñ ŷ è è ó à à é.

À à ì ì ñ ñ ì à ì è ñ à è Á ð è ñ ð è È ñ à é ì à è ÷,

Ò ì ò ñ à ì ù é ì á ÷ ì à à, è ì á è ó ÷ è ò à ð ò ç à é.

Ì ñ à ì á à è è è è ò á ì à á, è ì ì á ì ì é à ç à é ì ñ ñ

× ò ì à ñ ì ñ ñ ð à à è ì é è ò ó ÷ à ì ð ì ó è à ..

È ñ à à à à è à ÷ è ç à ì á ù, ì à ð é ì æ à ñ è ì ì ì ...

Ñàò é ó à ì è ù ó á ì á à è à à è à, ì á ì ì à à ..

ИЦХАК ЖЕНИТСЯ

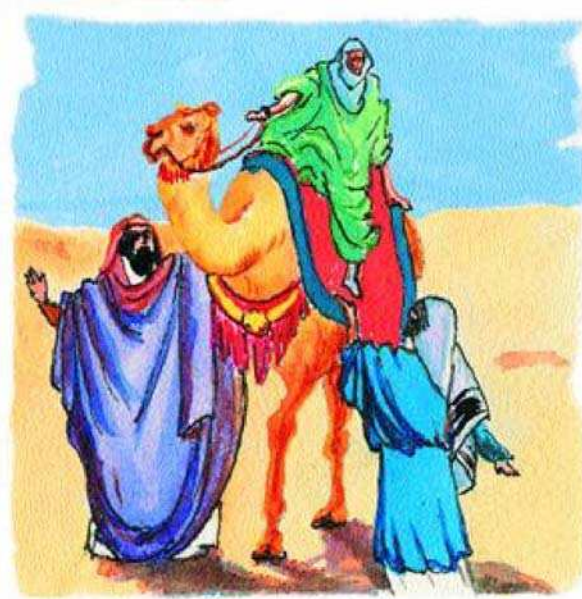
Èëàí à Áððè

«È ñéàçé Áððàì ñàí àì ó ðàáó»

“Á ì ìð ñòðàí ó.. ì òéááçóü è áìçü áóü

æáí ó ñàí ó ì ò àì ó Èððàéó”».

(Áððéøéñ 21:2)

Опустел дом без Сары. Облако Шхины исчезло. Срочно надо женить Ицхака.

Совет Авраам своего верного вольноотпущенника Элиэзера:

– Ступай в Харан к моему брату Нахору и возьми жену для Ицхака. Ему уже сорок лет. Поклянись, что сделаешь так, как я сказал.

– Хаваль, жаль. А я так мечтал с тобой породниться. У меня ведь дочка – красавица.

– Моему Ицхаку нельзя жениться на ханаанке.

С десятью верблюдами, нагруженными подарками, отправился Элиэзер в двухнедельное путешествие. И – о, чудо! – к вечеру того же дня оказался у ворот Харана.

В тени большого кактуса, у колодца, уложил верблюдов. В это время из ворот города спускались женщины с кувшинами на головах.

Элиэзер обратился к Б-гу, чтобы помог ему выбрать невесту для Ицхака.

«Может, та, у которой попрошу водицы и услышу в ответ: “Пей! И верблюдам твоим начерпаю”, – может, она-то и будет суженой Ицхаку?» – размышлял он про себя.

К колодцу подошла тоненькая, гибкая, как тростинка, девушка. А вода к ней навстречу поднимается и аж через край льется.

Наполнила кувшин, а Элиэзер тут как тут:

– Дозволь напиться.

– Пей, и верблюдам твоим начерпаю.

Полила ему на руки. Элиэзер омыл лицо, напился.

Из кувшина вылила девушка воду в поилки для верблюдов и наполняла их до тех пор, пока все горбы не наполнились водой.

– Как тебя зовут? Можно ли переночевать в доме твоего отца?

– Ривка я. Дочь Бегуэля, сына Нахора. И для тебя, и для каравана твоего найдется место.

Элиэзер подарил Ривке носовое кольцо и два ручных браслета из чистого золота. Она вернулась домой и рассказала о случившемся.

Старший брат, Лаван, побежал звать богача в дом. А тот не торопится – верблюдов кормит.

Приглашают за стол, а он:

– Позвольте рассказать, с чем пришел. Отдадите Ривку в жены Ицхаку?

– Бери, но всё-таки давай сперва у нее спросим.

– Я согласна.

Лавану, старшему брату, калым, конечно, желательно получить, да только с Ривкой ужасно не хочется расставаться. К тому же она ведь еще маленькая. Тринадцать лет едва минуло. Можно богатые дары взять, а гостя отравить! Налил в чашу яду, да она сдвинулась в бок и досталась отцу. Враз осиротели.

Отпустили Ривку, а Лаван ее на дорожку так благословил, что потом у Ривки двадцать лет не было детей:

– Сестра наша! Да станешь ты мириадами тысяч и да овладеет потомство твое вратами врагов своих!

Наши мудрецы говорят: «Благословение злодея – проклятье».

Посадил Элиэзер девушку на верблюда и – в обратный путь, в Беэр-Шеву.

А на дороге повстречали самого Ицхака.

– Шалом алейхем! Мир вам! Здравствуйте!

– Алейхем шалом! Ты это откуда? Что за красавица прикрывает шарфом огненные свои очи?

– Это я тебе невесту везу, задание господина выполнил. А с тобой кто?

– Последнее время отец лежит, уткнувшись носом в стенку шатра. Белый свет не мил. Наложниц с богатыми дарами отправил на восток. Молит ушедшую мать простить его.

Вот я и решил разыскать Агарь. Теперь ее зовут Кетура.

– Да, может, еще отгадет.

(Прожил Авраам 175 лет. Кетура родила ему еще шесть сыновей, одного за другим.)

Спустилась Ривка с верблюда и обратилась к Элиэзеру:

– Кто этот красивый молодой человек?

– Господин мой Ицхак, твой жених.

Смутилась она и прикрылась платком.

По дороге рассказывал Элиэзер о своих приключениях.

Сыграли свадьбу, и ввел Ицхак Ривку в шатер Сары.

Молодая хлеб испечет – неделю свежий; свечи зажжет – горят от Шабоса до Шабоса. Облако Шхины вернулось и укрыло шатер.

Всё бы хорошо. Да Ицхаку уже шестьдесят. А детей нет и нет. Просит Ривка Ицхака помолиться.

«И молился Ицхак Б-гу о жене своей. Ашем ответил ему».

Вспомнил Всевышний о Ривке.

Когда она проходила мимо капищ, у нее начинались схватки.

А потом она проходила мимо синагоги, и опять ребенок рвался наружу.

Она пребывала в ужасных сомнениях и думала:

– Зачем же я?

Пошла спросить в ешиве Шема и Эвера.

«И сказал ей Б-г:

– Два племени в чреве твоём: один другого сильнее, и старший будет служить младшему».

Родила она близнецов.

Первый вышел – весь волосат. Прямо как в плаще. Нарекли его Эсав («законченный»).

Держась за его пятку, явился Яков («экев» – «пятка»).

РАББИ ШМУЭЛ А-НАГИД

Маркус Леман

Продолжение. Начало в 9–12, 2004; № 1–3, 2005

25. אֲבָאֵי וְיִשְׂרָאֵל וְעַמּוּ

Новый халиф был коронован во дворце Аль-Хамра и взошел на трон, сопровождаемый общим ликованием. Ему казалось, что самое трудное уже позади. Балкин покорился, берберы дружно его поддержали, поскольку он был им братом по крови, а арабы, которых мудрый рабби Шмуэл поставил почти на все большие и малые чиновничьи посты в государстве и тем самым крепко держал в руках, боялись потерять достигнутое положение и не смели даже пикнуть. Да и евреи все поголовно признали авторитет рабби Шмуэла – особенно после того, как самые уважаемые люди города, поначалу симпатизировавшие Балкину, оставили столицу.

Правители соседних стран, опасаясь сильной и единой Гранады, искали ее дружбы. Лишь Эльмира, прежде считавшаяся союзницей Гранады, теперь, можно сказать, повернулась к ней спиной. Новый ход событий стал результатом деятельности Ибн Абаса, главного визиря Эльмиры. Визирь люто ненавидел рабби Шмуэла и поклялся посеять вражду и раздор между двумя странами.

Сев на трон, новый халиф первым делом заново утвердил рабби Шмуэла главным визирем и предоставил ему еще более широкие полномочия, чем тот имел при жизни Хабуса. Он передал в его руки практически все основные рычаги политики и власти и соглашался с ним буквально во всем, что касалось вопросов государственного управления. Важнейших и второстепенных. В результате рабби Шмуэл фактически превратился в правителя Гранады.

Шли месяцы, но Бадис ни о чем не спрашивал своего визиря, словно государственные дела его не касались и не интересовали. Поэтому рабби Шмуэл был весьма удивлен, когда в один прекрасный день посланец халифа сообщил ему, что повелитель требует его к себе.

– Ну что, Шмуэл, – начал Бадис, дружески улыбаясь, – надеюсь, ты мной доволен? В мире, наверно, нет правителя, который передал бы в руки своего визиря столько полномочий, сколько я. Как ты полагаешь?

– Нет на свете большей ошибки, – отвечал рабби Шмуэл, – чем государю самостоятельно заниматься всеми проблемами страны. Если он ведет дела дурно, ему не на кого будет переложить ответственность, а если дела в отменном порядке, тогда он подвергает опасности своего наследника, ибо народ, привыкший к мудрому, на благо людей направленному царствованию, после его кончины захочет видеть на троне столь же безупречного нового правителя, а не просто того, кто наследует престол по закону, по праву рождения.

– Здорово ты умеешь отыскивать аргументы в свою пользу, – засмеялся халиф.

– Ты не услышал бы от меня ничего другого, даже если б я не был твоим визирем, – произнес рабби Шмуэл. – Я сказал правду. Я совершенно уверен, что это правда.

– Хорошо, Шмуэл. Но ведь ты у нас известный мудрец и ученый: скажи мне, пожалуйста, какой же смертный воистину достоин царства? Чем должен он отличаться от остальных?

– Это должен быть человек, мысль которого глубока, как море, но ясна, как солнце, который не запял себя лукавством или обманом. Человек, чей взор проникает далеко в будущее, чья воля тверда, словно крепостная башня. Человека этого природа наделяет выразительностью и благородством черт, сдержанностью натуры, внешним спокойствием. Он умеет подчинять других своей воле, не прибегая к насилию, чурается всего низменного, всяческой житейской скверны. Именно такой человек, по моему мнению, достоин царства.

– Тогда знай: так ты себя и должен вести! – от души расхохотался Бадис. – Ведь ты фактически правишь страной. Значит, и вести себя должен как идеальный государь, чей портрет ты столь умело нарисовал. А я уж буду поступать, как захочется.

Смесь дикости и благородства, ума и самодурства – вот что такое был Бадис.

Несмотря на бесконечное доверие, которое питал к нему халиф, работа рабби Шмуэла не была ни легкой, ни приятной. Ему приходилось не только вести государственные дела, не только управлять страной, но подчас управлять и самим халифом, влиять на него, обуздывать, наставлять, учить поступать разумно и осмотрительно, удерживать от опасных приключений.

Несмотря на неусыпный надзор рабби Шмуэла, Бадис всё-таки умудрился несколько раз ввязаться в нелепую войну с соседями. И первый визирь, ставший, кроме всего прочего, еще и главнокомандующим гранадской армии, принужден был появляться на поле боя и руководить войском.

За то время, что страна привыкала к новому правительству, а жизнь входила в нормальную колею, рабби Шмуэлу довелось один раз побывать в плену, откуда он спасся буквально чудом. Семья его изрядно увеличилась: у него родились еще два сына. Мальчиков назвали Иеуда и Элиасаф. Появилась на свет и дочь, но, к сожалению, умерла во младенчестве.

Герой нашей истории уделял долгие часы и дни воспитанию детей; те, кстати говоря, были наделены недюжинными способностями. Даже находясь на театре военных действий, он не переставал интересоваться их успехами, спрашивал, как идут занятия у мальчиков, иногда даже посылал за ними и прямо там, чуть ли не на поле боя, устраивал им экзамены, убеждал в необходимости заниматься еще усерднее.

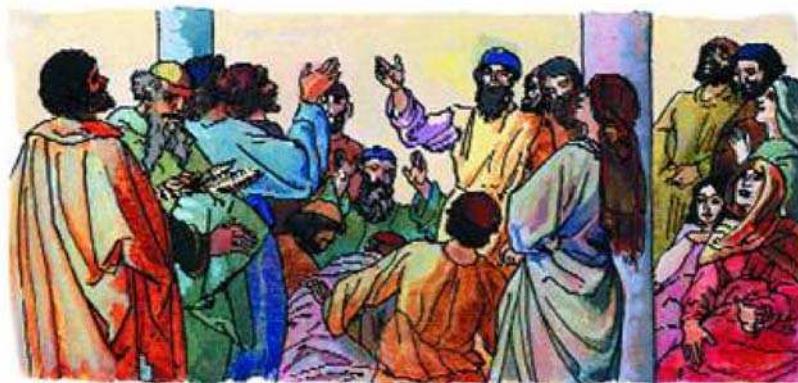
Едва мальчики подросли, рабби Шмуэл заранее стал размышлять над тем, как бы получше их женить. Один проворный шадхан заявился к рабейну Нисиму из Кируана (тот по-прежнему жил в Африке) и ни с того ни с сего предложил ему выдать дочь за старшего сына рабби Шмуэла. Рабейну Нисим, однако, лишь удивленно поглядел на свата и пожал плечами – да еще с таким видом, будто получил предложение слетать на Луну. Он был до крайности беден. Весь его доход составляла сумма, которую ему (правда, неукоснительно) выплачивал рабби Шмуэл. У него не было абсолютно никакой возможности собрать дочери приданое, и он искренно не мог взять в толк, каким образом его дочь способна составить подходящую партию такому богатому и знатному юноше, как рабби Иеосеф. Еще более серьезной причиной казалось ему другое обстоятельство. Он был, по собственному разумению, вовсе не тот ученый, мудрый и многознающий человек, с каким захотел бы породниться рабби Шмуэл. Ибо сказано еще в древности: «Лучше для человека продать всё свое имущество и жениться на дочери мудреца. Или выдать свою дочь за мудреца, потому что если тот умрет или отправится в изгнание, то его дети всё равно вырастут мудрыми. Но не должен человек выдавать дочь свою за неуча: если тот отойдет в лучший мир или окажется в изгнании, его дети вырастут неучами».

Кроме всего прочего, у рабейну Нисима были серьезные основания опасаться, что и сам жених не согласится на этот брак: дочь-то его была отнюдь не красавица, хотя при всем том получила изрядное образование, отличалась добротой, умом и другими привлекательными чертами натуры. Страшилась, наконец, гнева Г-сподня. Понимая, что девушка не слишком хороша собой, рабейну Нисим, вздыхая, утешал себя старинным изречением: «Ложь миловидность, и суета красота, ибо женщина Б-гобоязненная будет прославлена». Однако сам он мало верил в то, что сын рабби Шмуэла, рабби Иеосеф, найдет в себе достаточно мужества, дабы, как учили мудрецы, не обращать внимания на изъяны внешности невесты и сосредоточиться на ее прекрасных душевных качествах.

Как ни странно, вышеупомянутый шадхан не прислушался к доводам рабейну Нисима, даже не стал с ним спорить, а поехал со своим предложением к рабби Шмуэлу.

В отличие от отца будущей невесты, рабби Шмуэл воспринял идею неожиданного свата с великим энтузиазмом. Женитьба старшего сына сулила реальную возможность перевезти рабейну Нисима в Испанию. Само присутствие в этой стране такого человека, как он, обещало увеличить ее роль в изучении и распространении Торы. Да и кроме того, разве каждый может похвастаться, что породнился с одним из величайших мудрецов поколения?! Наш герой даже опасался: вдруг рабейну Нисим не согласится? Кто знает, сочтет ли он Иеосефа достаточно мудрым и преуспевшим в учении, чтобы отдать ему в жены свою дочь... А вот денежный вопрос совершенно не волновал рабби Шмуэла; о деньгах жениха он вообще не упоминал. Он только радовался, что теперь у него есть законный повод щедро одарить рабейну Нисима, не слушая никаких возражений с его стороны.

Спустя некоторое время отпраздновали свадьбу. Отпраздновали, разумеется, с подобающей пышностью. Соглашаясь на брак, отец жениха поставил лишь одно условие. В качестве приданого он требовал самого рабейну Нисима; тот должен был согласиться на переезд в Испанию. Рабейну Нисим, конечно же, дал согласие. Едва он успел приехать в Гранаду и приступить к преподаванию, как вокруг него начали собираться ученики, их было много, и они жадно впитывали из его уст слова Торы. Очень скоро имя рабейну Нисима стало известно по всей стране. В день свадьбы сына своего Иеосефа рабби Шмуэл устроил еще одно торжество и сочетал браком десять юношей и десять девушек. Те были сиротами и приданым никаким, естественно, не обладали. В этом великом празднестве приняли участие без преувеличения все евреи Гранады. Сам халиф Бадис удостоил пышный пир своим присутствием. На все поступки главного визиря он вообще смотрел весьма благосклонно. К тому же он был не лишен прагматизма и понимал, что заполучить рабейну Нисима ему только выгодно. Если прославленный мудрец поселится в его владениях, к нему очень скоро толпой хлынут ученики и последователи из самых разных стран. И уж они-то принесут в казну Гранады немало золота.

Рабби Шмуэл был по-настоящему счастлив. После перенесенных страданий Всевышний наконец-то даровал ему радость: он собственными глазами видел бракосочетание старшего сына... Бадис, заметив, что визирь пребывает в превосходном состоянии духа, решил высказать ему свое давнее и затаенное желание. Он призвал его к себе, они долго дружески беседовали на самые разные темы, а потом халиф вдруг произнес:

– Шмуэл, мне прекрасно известно, что, если б ты даже не был нагидом, не был правителем и мужественным человеком, евреи, твои братья, все равно преклонялись бы перед тобой. Ведь любовь и преклонение вызывают у них прежде всего твои знания, твоя мудрость в Торе. Я тоже хотел бы получить возможность высоко ценить и уважать тебя еще и по этой причине. согласишься ли ты помочь мне изучить вашу Тору?

Рабби Шмуэл пришел в полное замешательство. Он совершенно не знал, что ему теперь делать, как поступить. Не объяснять же в самом деле халифу, что неевреев запрещено обучать Торе. Халиф оскорбится. А если он всё-таки решится всерьез обучать Бадиса премудростям Святой книги, чтобы не повредить их отношениям, то из этого тоже неизвестно что может выйти. Обнаружит халиф в Торе что-нибудь такое, что противоречит его берберскому миропониманию, и разгорится спор, чреватый взаимной неприязнью, и тогда конец покою и миру. Бадис ведь самолюбив... В конце концов главный визирь решил попытаться напугать халифа трудностями, поджидающими его на тернистом пути учения. Он надеялся, что тот дрогнет и откажется от своей странной идеи.

– Господин мой халиф должен знать, – с улыбкой начал рабби Шмуэл, – что труд по изучению Торы и Талмуда – тяжелое и, по совести сказать, скучное занятие. Лишь тот, кто с детства приучен к систематическому и углубленному постижению текстов наших мудрецов, в состоянии понять суть Писания и Талмуда. Так сразу их не осилить. Я не льщу себя надеждой, что господин мой халиф преуспеет в столь трудном деле без всякой предварительной подготовки.

– Что ж, – отвечал халиф, пожимая плечами, – если мне это дело не понравится или покажется неинтересным, а то и неподъемным, я просто прекращу занятия, и всё. Но нет такой причины, по которой я не мог бы попытаться понять вашу священную книгу.

Одним словом, исчерпав все аргументы, рабби Шмуэл вынужден был приступить к занятиям. Разумеется, он надеялся, зная склонность своего подопечного не столько к умственному труду, сколько к развлечениям, что сам халиф вряд ли отдастся учению с истинным энтузиазмом, что, вернее всего, оно ему довольно скоро наскучит. Посему он предусмотрительно выбрал одну из самых сложных и запутанных тем Талмуда и решил изложить ее многословно, подробно, витиевато – стараясь не только не прояснить неофиту трудные места, но попросту сбить его с толку.

Предположения рабби Шмуэла полностью оправдались. На следующий день они уединились в дальней комнате дворца и начали занятия. Не прошло и получаса, как халиф решительно встал с кресла:

– Ну, я думаю, на первый раз довольно!

С того дня он больше никогда не просил рабби Шмуэла учить его Торе...

26. Ἰ Α Ἀ Ἐ Ἀ Β Ἰ Δ Ἰ Ἀ Ἰ Ἐ Ἀ Ὀ Ἐ Β

Однажды утром рабби Шмуэл вошел к халифу; тот мрачно поглядел на него и проговорил:

– Ведомо ли тебе, Шмуэл, что сторонники моего брата до сих пор не смирились? Вчера я узнал, что они поклялись отомстить мне. Скажи – разве ты их не боишься?

– Я уповаю на то, – отвечал первый визирь, – что дело не дойдет до кровопролития. Это главное.

– Может быть, ты и прав, – промолвил Бадис. – Я тоже на это надеюсь. Посмотрим... Однако я собирался говорить с тобой сегодня о других делах. Приспешников Балкина оставим пока на будущее. Сейчас меня занимают прежде всего наши отношения с Эльмирой. Я знаю, ты сделал всё, что в твоих силах,

дабы возобновить союз с Зумаером. Мне также известно, что Зумаер в конце концов согласился на встречу со мной ради того, чтобы утрясти все спорные дела и устранить разногласия.

– Да, собственно, и я пришел поговорить именно об этом, господин мой халиф, – сказал рабби Шмуэл. – Я только что получил депешу, где говорится, что Зумаер в сопровождении своей свиты уже пересек нашу границу. В данный момент он, вполне вероятно, въезжает в городские ворота.

– Что? – вскипел Бадис. – Даже не спросив меня?!

Рабби Шмуэл уже собирался дать халифу свои объяснения по поводу происходящего, но тут с улицы послышался шум, раздались радостные крики, и под окнами появились какие-то всадники; следом за ними на площадь перед дворцом выплеснулась целая толпа конных и пеших: развевались пестрые одежды, ржали лошади, сверкали мечи и доспехи...

Бадис и рабби Шмуэл, изумленные, поспешили к окну и увидели принца Эльмиры в сопровождении пышной и многочисленной свиты. Кавалькада вплотную приблизилась к воротам Аль-Хамры.

Бадис скрипел зубами от гнева. Он был уязвлен до глубины души бесцеремонным поведением чужестранцев.

– Принца я прикажу заковать в железа! – возопил он не своим голосом. – А сопровождающих его людей велю казнить!

– Ты этого не сделаешь, – хладнокровно возразил рабби Шмуэл.

– Как ты смеешь говорить со мной в таком тоне?! Со мной, своим господином?! – закричал Бадис.

– Помнишь, некоторое время назад ты меня спрашивал, как обрести величие, как добиться почета? Я тогда уклонился от разговора, но теперь отвечу тебе. Никогда ты не достигнешь величия и общего почитания, пока не научишься смирать свою гордыню. Сейчас ты взбешен. Но попытайся прозреть тот день в грядущем, когда все люди станут равными, день, к которому движется всё живое и к которому ты должен прийти сам, ибо на сей раз не сможешь послать вместо себя покорного раба. В этот день ты предстанешь перед Царем Царей, чтобы дать Ему отчет во всех делах своих. Умерь же злость, встреть принца с подобающим радушием – именно так, как следует встречать повелителя соседней страны. Отнесись с учтивостью к его свите и раздай гостям щедрые дары.

Всё это рабби Шмуэл произнес, припомнив совет, который пророк Элиша дал некогда царю Израиля. Пророк велел царю даже устроить пир для войска Арама и таким образом заключить мир с врагом. Наши мудрецы сказали по этому поводу: «Один глоток вина стократ лучше, чем двадцать одна война».

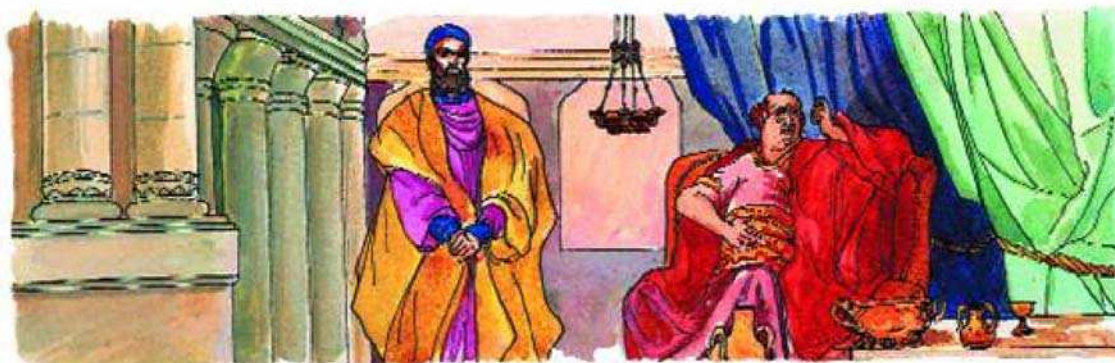
– Хорошо, так и поступим, – согласился Бадис после некоторого размышления и без большой охоты. – Ты проведешь переговоры с Ибн Абасом, а я потом придам вашим общим решениям законную силу.

Рабби Шмуэл без промедления направился в зал, предназначенный для приема иностранных послов. Это было огромное и роскошное помещение, в изобилии украшенное всевозможными произведениями искусства, по преимуществу арабского. На резных столах из ценных пород дерева высились хрустальные кубки, предназначенные для прохладительных напитков. Стояли золотые и серебряные чаши с фруктами, со сладостями. Зал, однако, был пуст. Главный визирь гранадского халифа пришел первым.

Через несколько минут появился Ибн Абас.

Оба визиря молча стояли друг против друга, и глаза Ибн Абаса излучали неприкрытую враждебность. Он действительно терпеть не мог рабби Шмуэла.

Ибн Абас ростом был значительно ниже нашего героя, но тем не менее изо всех сил пытался смотреть на него как бы свысока. Это давалось ему нелегко. Сегодня он даже не стал ждать приглашения сесть, а просто плюхнулся в кресло, хотя рабби Шмуэл всё еще продолжал стоять. Наглое поведение эльмирского визиря оставило рабби Шмуэла абсолютно равнодушным. Он не выказал даже признака гнева или недовольствия.

– Прежде чем мы начнем переговоры, – объявил Ибн Абас высокомерно-презрительным тоном, – скажи мне, к какому роду ты принадлежишь, ибо я веду переговоры лишь с людьми, равными мне по происхождению. То есть знатными.

– Мой род – один из древнейших в мире, – заговорил рабби Шмуэл с полным спокойствием. – Он считается также одним из самых достойных. Мы по праву числимся истинными наследниками и потомками Авраама; вы же, дети Ишмаэля, – всего только потомки его рабыни. Каждую ветвь нашего генеалогического древа отличают благородство духа, глубина ума и веры. Признание единства Всевышнего – бесспорная заслуга нашего праотца Авраама. Всякий, кто привержен лишь к мирской мудрости и равнодушен к мудрости Б-жественной, – не более чем пришелец в стране мудрости. Он не коренной ее житель. Не таковы мы, истинные сыны Авраама, ибо мы унаследовали его веру в единство Г-спода. Цепочка его потомков и наследников тянется до наших времен, тянется через века, через страны, в которых доводилось жить сынам Израиля. Настанет день, и наше первоочередное право признают все народы Земли. Это будет день, когда придет Мошиах. Вот почему родословной народа Израиля уступают любые другие родословные в мире.

Рабби Шмуэл, видевший любого человека насквозь, намеренно задел самую чувствительную струну в душе визиря из Эльмиры, ибо тот больше всего кичился своим высоким происхождением.

– Подлый пес! – Ибн Абас вскочил с кресла; ноги его разъехались на гладком мраморном полу, он чуть не упал. – Я не желаю разговаривать с тобой, проклятый еврей!

Эльмирец выбежал из зала и сломя голову бросился к своему принцу.

– К этим поганым собакам нельзя относиться как к равным! – в злобе крикнул он Зумаеру. – Иначе они будут наглеть всё больше и больше... Докажи немедленно Бадису и его прихвостню, что наше происхождение в тысячу раз благороднее, что мы не чета презренным берберам и гнусным евреям!

Бадис, под влиянием мудрых наставлений рабби Шмуэла уже научившийся сдерживать гнев и владеть собой, вошел в комнату, где находились Зумаер и Ибн Абас. Сел и поинтересовался вполне бесстрастно:

– В чем причина столь сильного волнения? О чем толкует главный визирь? Неужто угощение пришлось моим гостям не по нраву? Не стесняйтесь же, скажите об этом прямо, и я немедленно прикажу подать вам более изысканные яства.

Несмотря на то что вопрос был обращен к Зумаеру, ответил на него Ибн Абас:

– Нет, здешняя еда нам вполне по нраву. А недовольны мы тем, что нам приходится находиться в обществе глупцов и дикарей, которые в изобилии произрастают при этом дворе. Глупцов и нахалов – вроде твоего писца, еврея Шмуэла.

Тут Бадис всё-таки потерял над собой контроль, вскочил на ноги, выхватил меч и собирался уже было зарубить и Зумаера, и визиря, но в этот миг к нему бросился молодой стражник из его свиты и взмолился:

– Господин мой халиф! Сделай милость, умерь свой гнев всего лишь на мгновение! Не дай совершиться непоправимому, а я, ничтожный, попробую восстановить мир между вами...

Призыв юноши возымел действие, Бадис вложил меч в ножны, окинул недобрый взглядом Зумаера и Ибн Абаса и вышел из комнаты. В тот же день собрался государственный совет: министрам во главе с первым визирем предстояло обсудить условия Зумаера и Ибн Абаса. Условия, на которых те соглашались заключить мирный договор с Гранадой. После того как главные решения были приняты, тот самый стражник, которого, кстати, тоже звали Балкином, как и брата халифа, вошел в комнату, где находился Ибн Абас, и сказал ему:

– Побойся же, наконец, гнева и наказания Г-сподня! Ты ведь и есть тот человек, который преграждает путь к миру, потому что господин твой слушается только тебя. Ты знаешь так же хорошо, как и я, что, когда мы были союзниками, успех сопутствовал нам во всех начинаниях. Все завидовали нашим странам. Возобновим же этот славный союз! Всего-то и разногласий между нами, мешающих вернуться к старой дружбе, – это помощь, которую вы оказываете Мухамаду, принцу Кормоны. Перестаньте поддерживать Мухамада, и между нами, как в прежние времена, установятся мир и согласие.

Ибн Абас смерил стражника высокомерным и насмешливым взглядом.

– Ступай и скажи тому, кто тебя послал, что мы настаиваем на своих требованиях и не уступим ни на йоту. А если господин твой Бадис и визирь его Шмуэл не склонятся перед нами, то уж я-то знаю, что предпринять, чтоб они об этом сильно пожалели.

– Таков твой окончательный ответ? – спросил Балкин с искренней горечью.

– Таков мой окончательный ответ, и если, передавая его, ты прибегнешь к более крепким выражениям, нежели мои, возражений от меня ты не услышишь.

Балкин вернулся к членам государственного совета, кипя от гнева, и передал им заносчивые слова Ибн Абаса. Потом прибавил:

– Господа мои, гордыня этого типа совершенно невыносима! Мы должны без промедления поставить его на место, иначе не жить нам в наших домах в мире и безопасности.

Гнев стражника передался остальным. Особенно разъярился брат халифа. Он воскликнул негодуя:

– Надо тотчас подумать, как посильнее наказать этих беспардонных жителей Эльмиры, дабы они научились уважать нас и запомнили преподанный им урок! Запомнили раз и навсегда!

Бадис поглядел на рабби Шмуэла, но тот лишь отрицательно покачал головой. Тогда халиф произнес, обращаясь к остальным:

– Даю вам слово, друзья мои и соратники, что эти низкие люди получат по заслугам!..

27. İ İ Ā Ā Ā Ā İ Ā Ā Ā Ā İ Ē

Полчаса спустя после описанных событий Бадис и рабби Шмуэл собрались, чтобы обсудить положение.

– У меня возник замечательный план, – сказал рабби Шмуэл. – На обратном пути в Эльмиру Зумаер с Абасом неизбежно поедут той дорогой, где между скал петляют узкие горные тропинки и в одном месте, неподалеку от селения Альпуант, над пропастью висит узкий, довольно шаткий мост. Надо немедленно послать туда людей, чтобы они разрушили мост, и отправить солдат – устроить засады на тропинках.

– Так и поступим, – обрадовался Бадис. – Только знаешь, Шмуэл, я должен признаться тебе, что сам Зумаер не вызывает у меня особой ненависти. Я прекрасно понимаю, что он просто целиком поддался влиянию своего визиря, а вообще-то повелитель Эльмиры человек незлой... И вообще неплохой. Я не забыл дни нашей дружбы, дни, когда мы были надежными союзниками, и во мне еще жива надежда, что мне удастся склонить его сердце к разумным и справедливым поступкам. Я верю – его отношение к нам изменится. А посему хочу заранее предупредить его об опасности. Он ведь страшно рискует...

– Как же так? – недоуменно поднял брови рабби Шмуэл. – Ты собираешься втихомолку прикончить Зумаера и одновременно хочешь предупредить его о своих намерениях? Другими словами, ты собрался действовать против себя самого?

– Что поделаешь! – отвечал Бадис. – Только так могу я успокоить свою душу и смирить совесть. Я запутался в собственных чувствах и стараюсь отыскать выход из противоречивой ситуации. У нас есть один берберский воин, он прежде служил в эльмирской армии. Вот его-то я и отправлю сей же час к Зумаеру предупредить о грозящей гибели.

Это странное и нелепое «раздвоение чувств» не вызвало у рабби Шмуэла ни понимания, ни уважения. Он всегда с отвращением относился к людям, норовившим, как говорится, и капитал приобрести, и невинность соблюсти. Бадиса он не без оснований сравнил про себя с переменчивым царем Ахашверошем. Переменчивым и оттого ненадежным.

– Как бы в один прекрасный день не переменился халиф и ко мне, – сказал он тихонько себе под нос. – Натура может взять свое. Несмотря на то, как сильно он во мне нуждается, несмотря на то, что я успешно правлю его страной...

Бадис же тем временем, не раздумывая ни минуты, привел в действие свой абсурдный план. Настала ночь. И берберский воин пришел к Зумаеру и проговорил с твердостью:

– Поверь, мой господин, тому, что сейчас услышишь. Завтра, отправившись в путь, ты встретишься с грозной опасностью. Она будет ждать тебя на горной тропинке. Посему прими мой совет: уезжай немедленно. Уехав прямо сейчас, ты, возможно, еще успеешь миновать горные ущелья, прежде чем их займут гранадские солдаты. Если они за тобой погонятся, ты сумеешь встретить их лицом к лицу уже на равнине или укроешься в одной из своих крепостей.

Встревоженный Зумаер собрался было принять совет берберского воина, но Ибн Абас, разумеется находившийся тут же, надменно покачал головой и презрительно усмехнулся:

– Устами этого бедолаги глаголет обыкновенная трусость.

– Что?! – вскричал берберский воин в гневе. – Ты осмеливаешься подобным образом говорить о человеке, который участвовал в двадцати с лишним войнах и ни разу не бежал с поля боя! Ты-то никогда ведь не стоял лицом к лицу с противником, держа в руках оружие... Что ж, настанет день, и ты убедишься, что я прав. Только поздно будет!

С этими словами он повернулся к дверям. А за ковровой перегородкой, отделявшей покои Зумаера и его слуг от остальных помещений дворца, послышался шепот:

– Знаешь, почему Ибн Абас отверг совет этого храброго воина?

– Да потому, что решил, будто тот чего-то боится и оттого лжет. За себя, мол, боится...

– Эх, неразумный ты человек! Тебе и невдомек, что Ибн Абас жаждет гибели Зумаера. Если Зумаера прикончат солдаты Бадиса, Ибн Абас без труда захватит власть в Эльмире.

– Может, ты и прав, да только сам-то он как надеется избежать ловушки, которую ему готовят в Гранаде?

– А вот он, хитрец, наверняка последует совету бербера. Убежит прямо сейчас, во тьме, проберется домой и провозгласит себя правителем Эльмиры.

– Да нет, не побежит он ночью. Это опасно. А утром я сам побеседую с Зумаером, передам ему твои слова.

Однако утром предпринимать что-либо было уже поздно. Стоило Зумаеру со своими людьми приблизиться к перевалу, как их со всех сторон окружили гранадские солдаты. Воины эльмирского правителя растерялись. Сам он, впрочем, сохранил присутствие духа и немедленно выстроил пятьсот своих нубийских пехотинцев и служившие ему андалузские части в боевой порядок. Главному военачальнику Отайлу было приказано возглавить атаку сельбийских всадников. Но тому не повезло: когда Отайл скакал впереди своего конного войска, его сразила стрела, и он замертво рухнул на землю. Конница в страхе рассыпалась в разные стороны. Тут же Зумаера предали нубийцы, с оружием в руках перейдя на сторону противника. У него остались лишь андалузцы. Но те были не слишком опытными и храбрыми воинами; под напором неприятеля они дрогнули и начали отступать. Отступление вскоре превратилось в паническое бегство. У Зумаера не было выхода; оставалось только удирать с поля брани. Что он и сделал. Но поскольку мост у Альпуанта по совету рабби Шмуэла загодя разрушили, а горные дорожки перекрыли гранадские отряды, беглецы вынуждены были искать укрытия в горах. Большинство было впоследствии убито гранадскими стражниками: те шли за ними неотступно. Многие эльмирцы нашли свой конец в глубоких пропастях; среди них оказался и Зумаер.

Бадис и рабби Шмуэл следили за ходом битвы, заняв позицию на высоком холме, господствовавшем над окрестностями. Когда стало ясно, что победа близка, глаза их засветились радостью.

Í adhárá Y. Í rábhóí réíá

Í óíáíéaeáí eá réááóóò

А АВТОБУС ИДЕТ...

יְאֹדִי אֲרָאִי וְעֵעֵ

Автобус затормозил на остановке. Спереди написано: «119», а сбоку – «111». 119-й поворачивает направо, в еврейское поселение, 111-й – налево, в арабскую деревню. Нормальный человек смотрит на номер, написанный спереди, садится в автобус и едет, ничего не подозревая, домой, в поселение. Другой, столь же нормальный, смотрит на номер, написанный сбоку, и едет в свою деревню. Уже в дороге пассажиры понимают, что здесь что-то не так.

– Так давайте спросим у водителя, и все дела.

– Я еду по своему маршруту, – отвечает тот.

– По какому?

– По своему. Обычному.

– Но мы же должны знать, куда мы едем!

– Приедем – узнаете. Не мешайте мне: разговоры с водителем запрещены.

– Нет, так дело не пойдет. Половина пассажиров должна выйти.

– А какая половина?

– Мы же в демократической стране, давайте проголосуем! Большинство останется, а меньшинство выйдет и поедет на следующем.

– Следующего не будет. Двенадцать ночи. Автобус последний.

– Значит, останетесь на шоссе поджидать тремп.

– Это кто останется?

– Ну, не хотите, поезжайте вместе со всеми.

– И что я буду делать ночью в арабской деревне?

– Подождите, еще не голосовали. Может, как раз они выйдут, а мы поедем.

– Ну, конечно, дождетесь.

- Между прочим, – говорит водитель, – те, кто недоволен моим маршрутом, могут выйти, но учтите: на шоссе дождь и ветер, а тремпов здесь, как правило, ночью не бывает.
- Да он над нами издевается! Долой водителя! Импичмент! Кто умеет водить автобус?
- Прежде чем менять водителя, надо решить, куда ехать.
- Налево! Демократия!
- Налево – это не демократия. Демократия – это направо.
- Прекратите ваш дурацкий спор! Давайте лучше образуем миньян и помолимся, чтобы Г-сподь привел каждого к его дому.
- Но как, если мы едем в одном автобусе в разных направлениях?
- Г-сподь знает как. Если бы все соблюдали субботу и заповеди, этого вообще не случилось бы. Это испытание, которое послано нам свыше.
- Не хочу выше, хочу домой!
- Давайте уже голосовать. Демократия!
- Не хочу демократию! Хочу домой!
- Мама, я хочу пить, кушать, писать, какать, спать, и у меня болит животик. Скажи дядям, чтобы не кричали.
- Кто разменяет 200 долларов?
- Какой сегодня курс?
- Сегодня уже завтра – первый час ночи.
- Это у нас завтра. А в Америке еще вчера. Значит, курс вчерашний.
- Куда едем?
- Добрый вечер! Приготовьте билеты для контроля.
- Контролер! Куда едет этот автобус?
- Это не мое дело. Главное, чтобы у всех были билеты.
- Девушка, а вы куда едете?
- Я еду в сторону, противоположную вашей.
- Водитель, вот 200 шекелей, в аэропорт. Я уезжаю в Америку. Не могу больше терпеть этот бардак!
- Какой умный! Может, все хотят в Америку, а кто останется в нашем автобусе?
- Это не автобус – это сумасшедший дом на колесах!
- Ничего, привыкнете. Мы уже пятьдесят лет так едем.

– Мужчина, отодвиньтесь от меня! Как вам не стыдно! В такой тяжелый момент!

– Извините, девушка, но то, что вас возмущает, – это всего-навсего пистолет.

– А я-то думала!..

– Если хотите знать, вы думали правильно. Вот приедем домой, и я вас приглашу к себе. Вам, конечно, направо?

– Налево, велик Аллах!

– Направо, с Б-жьей помощью!

– Налево! Долой сионистских оккупантов!

– Направо! Трансфер!

– Ребята, не увлекайтесь! Автобус один на всех, и выходить некуда...

– А ведь он направо не повернул!

– И налево тоже!

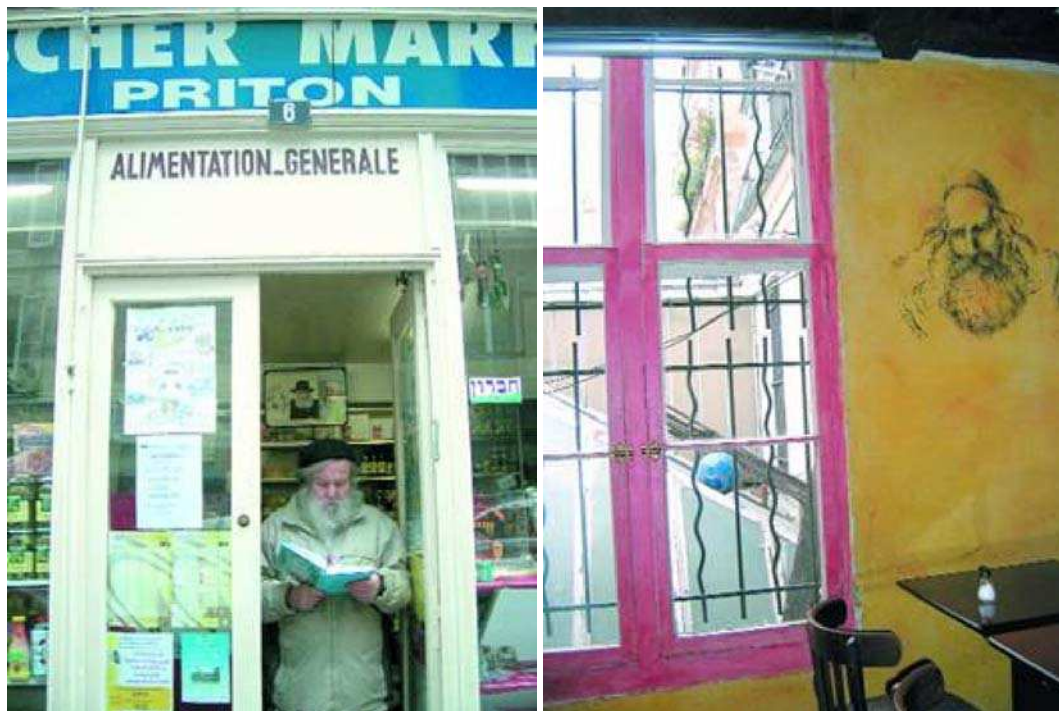
– Он прямо поехал!

– Там же нет никакого шоссе!..

«Уважаемые пассажиры! Наш автобус летит на высоте полутора тысяч метров над уровнем моря. Температура за бортом – ноль градусов. Через несколько минут вам будет подан горячий ужин. Вся еда абсолютно кошерная. Водитель желает вам приятного полета».

НАШ ПАРИЖ

Ἐπιτομή Ἀπριλαίου 1996

*Ἀλλὰ ἰσχυροῦντι τὰ ἰπποδῆλαι Νεοὰ ἀ V αἰεῶν Ἰαεὶοῦσι οἱ ἀστυνῆται ἰεῖαι ὑ γὰδ ὁρῶν Ἀ
ὁρῶν ἐ Ἐπίτομῆται ὁ σῆι ἐὸ Ἰασιῶν Ἀδαεῖται. Ἀ ἰνῆσι ἐὸ ἀγῶνι τοῦ Ἰδεῖ - ἀδαεῖται ἰπποδῆλαι
Ἀεῖται. Ἐεὸ. Ἀ 582-ι ἀτῶν ἐ πῆι ἰπποδῆλαι*

Французов, извините, тогда не было. И немцев, между прочим, тоже. Только различные племена германцев: алеманы, баварцы, тюринги... А евреи десантировались на Рейне аккурат с римскими легионами.

Чуть восточнее, в будущей Венгрии, – римская провинция Паннония: скифские, иллирийские, кельтские племена. И археологи раскопали (посредством лопаты) еврейское присутствие.

В Киеве и вокруг – поляне, древляне, уличи, тиверцы... Да в Ипатьевской летописи (945) – урочище Козары (Хазары?). Да в городской стене – Жидовские ворота (1037). Да у Нестора (1080), что основатель Киево-Печерского монастыря ночью порою навещает евреев...

Вздохнем напоследок: где те римляне, германцы, скифы, древляне?..

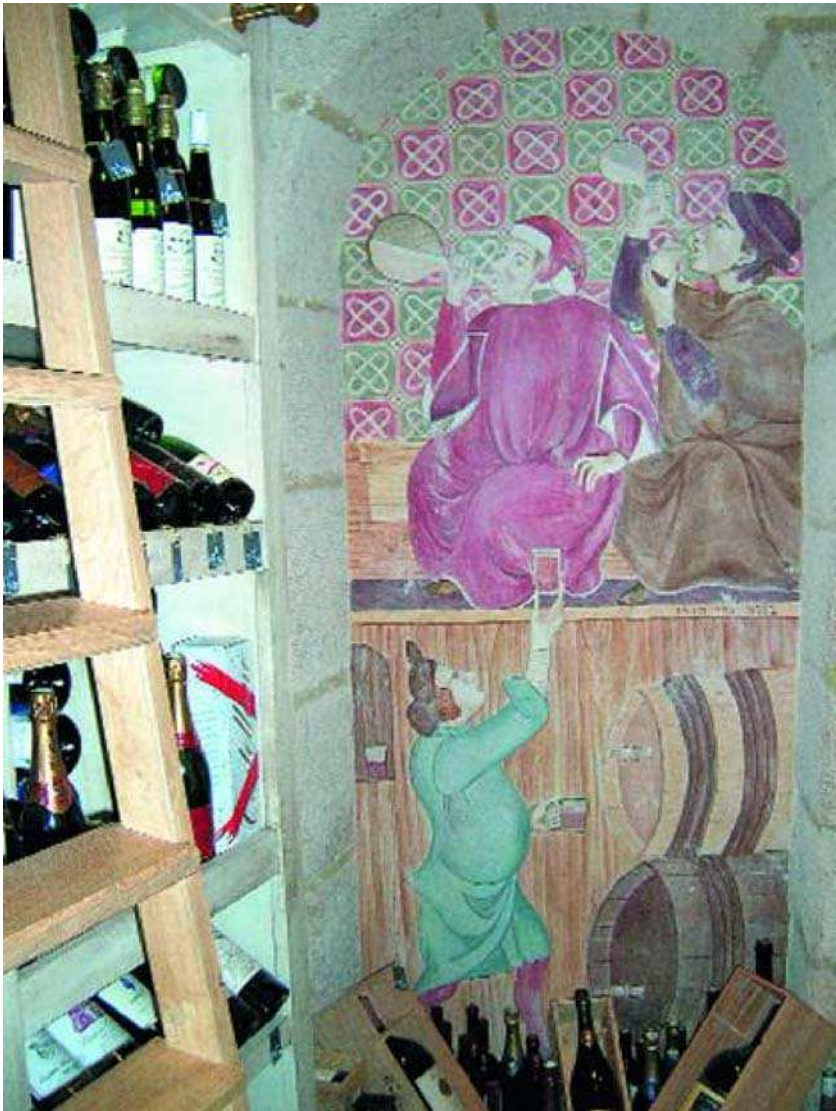
А где те евреи?

Неужто мы с вами?

*Ñ'èpáíþ éí èãé,
á èpáíí ò òàì ááá
Á áóóí úó çàèò òé áééí ò áé,
È áááéá í áéüüáì èèñò ú ðáçðúááý,
Ýòí ìí-òé áíááá é áíáðá
Í éíòéá éí èãé áíò ðá-àþ òíý ðááéí.
Ñ'èíáí í ì ðí áá è ááò é ñáðááðú,
È ááò é ð-áéí ááéó éí èãé í àò éá
Í íý í áááé áá -
ð-è ò à áé è éí èã
Óí-à òíý áíñé áç à òüíý í í èã*

Áí ðéñ Ñ'èóóééé

ОХРАННАЯ ГРАМОТА

*Ἐπεὶ Ἰωσήφ ἠγάπησεν τὸν ὄμιλόν, ἡδέϊα· ἐξ ἰδεῖν δὲ Ἀβελὶφ ὁμοῦ δὲ, ἰταῖα δὲ ἰ τὰ εἶτα δὲ ἰ
καὶ αὐτὸν ἐπὶ τὸν ἄνθρωπον. ὅτι ἀγαπᾷ αὐτὸν ἰ τὰ ἰσχυρὰ ὅτι ἰ τὰ ἀγαθὰ δὲ αὐτὸν ἐξ ἰ τὰ ἰσχυρὰ ὅτι, ἐ αὐτὸ ὁμοῦ ἰ
δὲ αὐτὸν, ἰ τὰ ἰσχυρὰ ἰ τὰ ἀγαθὰ ὅτι αὐτὸν.*

В оркестре Большого театра у Иосифа Михайловича был не то чтобы друг – друзей у него не было, – скорее приятель, а может, нечто среднее между приятелем и знакомым, тоже скрипач, звали его Марк Александрович Зак. В тридцатых годах он был уже не молод, а в оркестре Большого служил с царских времен.

Марку Александровичу однажды пришла на ум прихоть получить жалованье золотым слитком. Это было еще до германской войны – читатель знает, верно, что были такие удивительные времена, когда жалованье выдавали либо ассигнациями, либо золотыми червонцами и серебром, а кто хотел, мог получать и слитками золота. «Малый» слиток весил около трех фунтов. Был он продолговатый, по форме похожий на гроб без крышки, и лежал в хорошеньком сафьяновом чехольчике. Кто знает, может, чехольчиком Марк Александрович по молодости и соблазнился?

Однако слиток этот доставил Марку Александровичу множество хлопот, особенно при советской власти, когда горожан загнали в коммунальные квартиры. Среди соседей по коммунальным квартирам были и такие, которые всей душой откликнулись на ленинский призыв «грабь награбленное», а награбленным они считали всё, что принадлежит другому, и, конечно, не церемонились с чужими комнатами и чужой собственностью. «Чужим они, о Лада, немного считают!» – сказал замечательный поэт Алексей Константинович Толстой. Словом, с тех пор, как в комнату Марка Александровича влезли соседи и, к счастью, не нашли заветного слитка, он, уходя, не оставлял его дома, а держал при себе в кармане.

Разразилась война, и Большой театр эвакуировали в Куйбышев, который Марк Александрович называл Самарой – и не только по привычке. Он откуда-то знал, что Валерьяна Куйбышева, офицерского сына, исключили из кадетского корпуса за неуспеваемость, а Марк Александрович терпеть не мог лодырей. Он, мальчик из бедной еврейской семьи, не был баловнем судьбы, и всё, чего он достиг, было достигнуто упорным трудом. Не говоря уже о том, что пришлось креститься – иначе были закрыты все пути. Не хватало ему теперь называть Самару фамилией какого-то лоботряса!

Оркестрантов поместили в общежитии сельскохозяйственного техникума, и, конечно, не в отдельных комнатах. Марк Александрович жаловался Иосифу Михайловичу и другим товарищам по оркестру, как много хлопот доставляет ему слиток, и при этом каждого умолял никому ничего не говорить про его заботу. И весь театр, вплоть до осветителей и капельдинеров, знал, разумеется, о злосчастном слитке. Некоторые его укоряли, что он трясется над своим сокровищем, а мог бы не голодать, да и другим помочь. Марку Александровичу и самому являлась такая мысль. Но как подступиться к делу?

Слиток свой Марк Александрович и в Куйбышеве носил в кармане. Однажды, устроившись орлом на рундуке в общественной уборной, он ухитрился уронить свой слиток в очко. Проклятый слиток незаметно выполз из кармана и упал именно туда! Почему бы ему не упасть рядом? Так нет!.. Подробностей о том, как Марк Александрович вызволял его, рассказывать не буду. Скажу только: ему повезло, что дело

было зимой, в лютые морозы... Так или иначе, но после этого случая уже весь город знал, что у старого московского еврея, скрипача из Большого театра, есть слиток золота в сафьяновом чехольчике.

Теперь Марк Александрович стал носить свой слиток в скрипичном футляре вместе со скрипкой, а ложась спать, клал его под подушку или под матрас. В общем, в Куйбышеве быть обладателем золотого слитка оказалось ничуть не менее хлопотно, чем в Москве. В конце концов чехольчик обтерхался, побелел на сгибах, утратил свою первоначальную привлекательность, – а всё равно еще годился, чтобы им иногда полюбоваться.

Однажды Марк Александрович проснулся ночью и не обнаружил на месте своей скрипки. С футляром, разумеется. Он машинально сунул руку под подушку – чехольчик со слитком был на месте. Это было самое страшное переживание в его жизни. Он после говорил, что в ту ночь был близок к смерти. Скрипку его утром кто-то из оркестрантов нашел под лестницей. Охотились явно за слитком, а не за скрипкой. Скрипка, между прочим, была очень ценная, работы тирольца Якоба Штайнера, если вам что-то говорит это имя.

После этого случая Иосиф Михайлович сжалился над Марком Александровичем и дал ему добрый совет:

– Идет война, пожертвуй свой слиток на строительство танка! По крайней мере, перестанешь о нем думать.

Марк Александрович так и поступил. Не откладывая дела, он написал заявление в двух экземплярах на имя первого секретаря Куйбышевского обкома: «У меня есть слиток золота, заработанный честным трудом еще при старом режиме. Поскольку идет война с фашистом, прошу принять мой скромный слиток на строительство танка. В просьбе моей прошу не отказать. Скрипач Большого академического театра Марк Александрович Зак». И ниже: «Слиток золота весом 2 фун. 89 зол. 24 доли принял...» Тут на обоих экземплярах предстояло расписаться первому секретарю.

Взяв с собой Иосифа Михайловича и еще одного товарища по оркестру, Марк Александрович отправился в обком. Охранники поначалу не хотели их пускать, но находчивый Иосиф Михайлович объявил голосом диктора Левитана:

– Дело государственной важности!

Удивленные охранники без лишних разговоров провели их к Самому. Там Марк Александрович в присутствии двух свидетелей сдал ему под расписку свой слиток. Нет, не то чтобы он не доверял столь большому человеку, но... так лучше. Правда, чехольчик Марк Александрович оставил себе, пожалел отдавать вместе со слитком – уж больно красивый он был. Да и то сказать – на что им сдался чехольчик?

Словно гром прогремел с ясного неба: Марк Александрович в одночасье стал знаменитым. Про его подвиг написали все газеты страны, протрубили все репродукторы... Это бы еще куда ни шло – но ему прислал благодарственное письмо сам товарищ Сталин! Письмо, конечно, было написано на машинке, но подпись – от руки! К нему повалил народ, и все просили показать письмо. Марк Александрович показывал и каждому ненавязчиво пояснял:

– Подпись, между прочим, от руки...

Марку Александровичу дали УДП – «Усиленный дополнительный паек», который в народе называли «Умрешь днем позже». Что ж, письмо было легче хранить, чем слиток, а УДП всё же лучше, чем ничего. Письмо не помещалось в чехольчике, и он, скрепя сердце, сложил его. Так письмо заняло место золота. Но доставать его приходилось так часто, что в конце концов оно вместе с конвертом истрепалось чуть ли не до состояния вехотки, хотя конверт был из плотной светло-коричневой бумаги, да и само письмо было написано на хорошей бумаге. Когда общественный интерес к письму ослабел, Марк Александрович стал хранить его в скрипичном футляре рядом со скрипкой, где еще недавно хранил золотой слиток.

После войны в Большом театре, уже снова в Москве, возобновили довоенное правило – каждый музыкант должен был проходить конкурс на замещение занимаемой должности. В конкурсе могли участвовать и музыканты со стороны. Большой театр взволнованно гудел. Все боялись этого конкурса как огня – вдруг не пройдешь? Что тогда делать, чем кормить семью, и вообще?..

Марк Александрович тоже боялся конкурса, хотя у него и не было семьи. Но когда он с трепетом явился на конкурс, ему любезно объяснили, что он как особо заслуженный ветеран Большого театра от конкурса освобождается. Выходит, всё-таки не зря он в свое время взял жалованье золотым слитком! И не зря последовал мудрому совету Иосифа Михайловича! Ведь в результате он получил охранную грамоту!

Б-г не оставил своей заботой и мудрого Иосифа Михайловича: он спокойно прошел конкурс. Когда гроза миновала, а миновала она, к счастью, почти всех, оркестранты решили отметить благополучный исход дела. Отмечали на своем рабочем месте – в оркестровой яме. Было тепло на душе, все любили друг друга. Непьющий Марк Александрович как-то незаметно для самого себя перебрал и слегка осовел. Возвращаясь домой в своем привычном троллейбусе, он задремал, а когда открыл глаза, скрипки у него на коленях не было.

Сейчас ученые времена, все кругом говорят «депрессия», а тогда говорили попросту «тоска» или «черная тоска». Эта самая черная тоска сдавила Марку Александровичу сердце и уже не отпускала ни на минуту. Ему выдали какую-то казенную фабричную скрипку. Нельзя сказать, чтобы скрипка была плохая, из имевшегося запаса ему выбрали лучшую, но... да что там говорить! Ребенку же ясно: жизнь кончена!

Переходя улицу, Марк Александрович не сторонился едущих на него машин, за что выслушивал щедрые матюги, а то и недовольство его национальностью – в самой грубой форме, разумеется. Ни машины, ни матюги, ни даже недовольство национальностью не производили на него никакого впечатления. Подходя к любимому Большому, он, естественно, помнил, что театр красив, но уже ничего не чувствовал, глядя на него. И красота, и всё прочее – это было в другой жизни. Он почти перестал есть. Зачем есть, если жизнь кончилась?

Дня через два или три после утраты скрипки он пришел со службы в свою коммунальную конуру и, как обычно в эти дни, не раздеваясь, лег на продавленный диван. В дверь постучали.

– Войдите! – слабым голосом откликнулся он. У него не было даже сил встать и подойти к двери.

Вошла соседка, добродушная рыхлая женщина. В руках у нее был скрипичный футляр. Марк Александрович вздрогнул. Любящая мать вряд ли лучше помнит лицо своего дорогого ребенка, чем помнил Марк Александрович этот обшарпанный, выдавший виды футляр. Он вскочил, как юноша.

– Вот, – сказала соседка, протягивая ему футляр, – вашу скрипку подбросили.

– Как подбросили? – изумленно спросил Марк Александрович, принимая футляр. Он сразу почувствовал, что футляр не пустой.

– Как обычно, – ответила соседка, – положили под дверь. Они всегда так подбрасывают, если в почтовый ящик не лезет.

Тем временем Марк Александрович открыл футляр и убедился, что скрипка и даже чехольчик из-под слитка на месте. Он зарыдал и осыпал поцелуями лицо доброй женщины. Она испуганно высвободилась из его объятий и поспешно удалилась.

После ее ухода Марк Александрович всё-таки полюбопытствовал, на месте ли письмо от товарища Сталина. Письмо было на месте.

Да, какие были времена – даже среди жуликов попадались порядочные люди!.. Впрочем, «порядочные люди», скорее всего, просто побоялись ссориться с товарищем Сталиным...

Так или иначе, охранная грамота продолжала действовать.

ЛЕХАИМ ИЮЛЬ 2005 СИВАН 5765 – 7 (159)

ЛЮДИ, ЯХТЫ, САМОЛЕТЫ

Áàððè Ðíæàí ñèèé

Ñàíàíàí àÿ íòí òà Ðàíñèàçú àí çäóó í íã ñò ðàèèà

Ì.: Ì ñò ù èóèùò óðú; Jerusalem: Gesharim, 2004 – 248 с.

Автор «Рассказов воздушного стрелка» Гарри Рожанский принадлежал к тому поколению советских евреев, которому словосочетание «советский еврей» не казалось ни удивительным, ни противоречивым. Они не забывали о своем еврействе, оставаясь при этом стопроцентно советскими людьми и разделяя со страной победившего социализма все ее тревоги и заботы. Их веру в принципы интернационализма и светлое коммунистическое будущее не смогли по-настоящему поколебать ни война, ни страшная послевоенная действительность. Окончательный перелом во взглядах многих, если не большинства из них, связан с «делом врачей» и сопровождавшей его антикосмополитической кампанией рубежа 1940–1950-х годов.

Судя по всему, именно тогда Рожанский понял, что советская жизнь представляет собой большой театр абсурда. В то время он работал юристом на одном из ленинградских предприятий, и рассказы его об этой поре с удивительной для непрофессионального писателя яркостью передают сюрреалистичность советской повседневности эпохи позднего сталинизма. Безумие партсобраний, персональных дел, анонимок, бредовых хозяйственных споров, увольнений по пятому пункту – всего этого в «Свободной охоте» в избытке. Есть здесь и описания вещей еще более жутких: фронтовик-авиатор, Рожанский вспоминает гибель товарищей, людоедство в блокадном Ленинграде, рассказывает, как советские штурмовики по ошибке то и дело бомбили своих...

Конечно, за последние годы военная литература далеко ушла и от лакированного пафоса советского официоза, и от трагической романтики «прозы лейтенантов». Усилиями В. Астафьева, Г. Владимова и других авторов в читательском сознании сформировался новый взгляд на Великую Отечественную войну как на кровавую и зачастую бессмысленную мясорубку, бесконечное сражение на два фронта, где спереди солдата атакует внешний враг, а с тыла караулит враг внутренний, подчас более опасный, – смершовец. В целом воспоминания Рожанского близки этой традиции, дополнительную же ценность им придает именно тот факт, что автор не является профессиональным писателем. Благодаря этому в его «объектив» попадает множество деталей, которые любой профессионал отбросил бы, как ненужный сор: случайные диалоги, незначительные, на первый взгляд, бытовые эпизоды, солдатские прибаутки и т. д.

Удивительно, что, работая со столь «чернушным» материалом, Рожанский создал книгу, вовсе не оставляющую впечатления мрачной безысходности. Веселой ее, конечно, не назовешь, однако даже в самые трагические моменты повествования интерес автора к встретившимся ему людям, к самолетам, яхтам, на которых он плавал после войны, ощущим куда отчетливее, чем ужас или ненависть. Некогда Ирвин Стоун назвал свой биографический роман о Ван Гоге «Жажда жизни». Жаль, что это заглавие уже «занято» – оно, пожалуй, подошло бы мемуарным очеркам Рожанского больше любого другого. Казалось бы, психологическая загадка: откуда взяться такому запасу жизнелюбия у человека, прошедшего едва ли не через все катаклизмы XX столетия, видевшего то, что видел автор «Свободной охоты»? Однако факт

остается фактом – Рожанский заражает читателя своим оптимизмом, своей витальной энергией, заставляя его даже в самых страшных местах книги не ужасаться, а скорее поражаться разнообразию жизненных проявлений.

На обложку книги вынесены полные сарказма слова Игоря Губермана: «Тут собраны воспоминания типичного представителя того еврейства, которое, как всем известно, всю войну “пересидело” в Ташкенте». Действительно, Рожанский разрушает стереотипный образ еврея – умного (сниженный вариант – хитрого), но не приспособленного к военному делу и вообще к физическому труду. Разрушают этот стереотип и его герои – все как один похожие на автора, яркие и жизнелюбивые. Перед читателем проходит галерея портретов летчиков, спортсменов, яхтсменов, даже авантюристов – но непременно людей деятельных и смелых. Характерно, что Рожанский и за мемуары взялся только в 80 лет – до этого, пока позволяло здоровье, он предпочитал жить, а не описывать жизнь.

Ī ēōāēē Ÿāāēēōōāēī

КНИГА ИСАВА

Áí äðäé Áäëàñè ïá

Ðàðëëü ðì òí ñëëäé òí è

Ì.: Вóçà; Ýèñ ï, 2004 – 320 с

В конце прошлого года автор романа «Рахиль» стал лауреатом премии «Студенческий Букер». Узнав о решении жюри, Андрей Геласимов радостно воскликнул: «Студенты – народ безбашенный». Казалось бы, странная реплика – ничего особо «безбашенного» и даже просто молодежного в «Рахили» нет, роман вполне мог претендовать (и претендовал) на «взрослый» «Букер». И всё же в порыве восторга прозаик сказал вещь очень важную, может быть даже ключевую, для понимания его творчества...

Геласимов возник в русской литературе года три назад, немедленно вызвав переполох среди критиков и читателей своей повестью из жизни школьников 1970-х годов «Фокс Малдер похож на свинью» и рассказом о современном подростке «Нежный возраст». Произведения подкупали оригинальностью языка, искренностью и незаурядным мастерством автора. Всё это никуда не делось и в дальнейшем, однако следующие вещи Геласимова скорее разочаровывали: слишком уж очевидно было стремление писателя непременно «прилепить» к каждой из них по хеппи-энду, что получалось, как правило, довольно искусственно. После повести «Жажда» – о судьбе солдата, вернувшегося из Чечни с обожженным лицом, – прозаика стали обвинять в конъюнктурности, а его первый роман «Год обмана» смотрелся скорее заявкой на сценарий сериала из новорусской жизни, чем полноценным литературным текстом. Оставалось ждать следующей большой вещи. И вот появился второй роман – на этот раз о евреях.

Действие книги происходит в начале 1990-х, однако вставные новеллы и воспоминания героя переносят читателя то на двадцать, то на тридцать лет назад, в эпоху стиляг и хиппи. Герой и повествователь Святослав Койфман, полукровка с русским именем и еврейской фамилией, всю жизнь страдавший из-за своей раздвоенности, преподает в университете зарубежную литературу. Зарплату профессорам не платят уже несколько месяцев, и Койфман питается теми продуктами, которые крадет в магазине его беременная невестка Дина. Его личная жизнь не сложилась: первая жена сошла с ума, со второй он развелся, третья, его бывшая студентка, ушла от него сама, предпочтя ему пожилого, но очень спортивного гэбэшника. Теперь у Койфмана болит сердце, да еще, в довершение всего, сын продает бабушкину квартиру, выставя отца на улицу. Койфману ничего не остается, как поселиться в доме первой жены – именно ее, как выясняется, он любил всю жизнь, именно ее называет своей Рахилью, – а она улетает в Америку и готова оставить его в своей квартире.

Сразу по выходе романа «Рахиль» его объявили неудачей даже те критики, которые изначально к Геласимову были настроены доброжелательно. Андрей Немзер упрекал роман в обилии штампов, Мария Ремизова – в холодности, Инна Булкина – в «риторической недостоверности», Андрей Урицкий – в «нарочитости и вялости». При этом почти все сходились на том, что самой чужеродной в книге выглядит именно еврейская линия, абсолютно не функциональная и ничего к романному целому не добавляющая: «Принимать всерьез размышления писателя на еврейскую тему – увольте. Пикантность положения в том, что никакой еврейской темы, несмотря на громкую заявку, в “Рахили” нет. Повтори хоть десять тысяч раз

«еврей», от этого герой в еврея не превратится. И даже в полукровку» (Майя Кучерская). «Геласимов не побоялся идеологизировать роман “еврейской темой”. Минувшее получилось блеклым, герой – придуманным, “еврейство” – карикатурным (при очевидном и несколько надрывном филосемитстве)» (Андрей Немзер). «Особенно “выламывается” ветхозаветный ряд» (Инна Булкина).

Удивительно, но факт: с мнением «судей» некоторое время спустя согласился и сам автор, в одном из интервью сказавший: «С “Рахилью” у меня вышла очень странная история. Я влюбился в свой текст, а он меня обманул». Такое единодушие критиков и, главное, чистосердечное признание самого автора избавляет нас от необходимости доказывать художественную слабость геласимовского романа и позволяет сосредоточиться на анализе причин этой неудачи.

В «Рахили» есть эпизод, когда герой объясняет третьекурсникам, что «автор не должен писать о самом себе», так как «персональный опыт переживания ситуации не позволяет реализовать ее в эстетической плоскости». Похоже, этому принципу следует теперь сам Геласимов. Между тем он относится к такому типу писателей, которые могут писать только и исключительно о себе. Эпические полотна ему не даются. Разумеется, речь не идет о том, что удел Геласимова – автобиографические произведения в узком смысле слова, но в основе и «Фокса Малдера», и «Нежного возраста» лежит именно «персональный опыт переживания». Да и в «Рахили» по-настоящему живыми получились только отдельные сцены, случайные зарисовки, лирические отступления – как раз те, которые ощутимо пропущены автором через себя: школьная вечеринка с водкой и девочками, перебранка в трамвае, обед в шашлычной.

Поэтому роман вообще не геласимовская стихия. Большая форма неизбежно предполагает обстоятельное и объективное повествование, а Геласимов – мастер рассказа или короткой повести, то есть жанров, которые можно выстроить на лиричности, фрагментарности и косвенных характеристиках. «Недосказанность всегда будет содержать больше смыслов, чем то, что высказано до конца» – это и вообще-то верное замечание из «Рахили» применительно к самому Геласимову верно вдвойне.

И тут мы вплотную подходим к любопытному парадоксу. Геласимов – один из самых оригинальных прозаиков в современной русской литературе, как показали его первые вещи, у него есть свой узнаваемый стиль, своя неповторимая интонация, свое видение мира. При этом он постоянно старается эту оригинальность затушевать, притвориться таким же, как все. Назовем это «комплексом Исава» – Геласимов ведь любит библейские метафоры.

И он пытается быть как другие: пытается писать, как другие, играет в чужую игру, маскируя свою тоску семейной сагой, еврейями, стилиягами. Он создает изысканную, подчеркнута литературную конструкцию, с игрой отражающих друг друга зеркал, с отсылками к Библии, греческим мифам, Джойсу, Фицджеральду и Солу Беллоу. Зачем?

Объяснять такую странность можно двояко. Можно видеть в этом принципиальный изъян современного литературного процесса, происходящего таким образом, чтобы приводить всех писателей к одному знаменателю. Сильные в этой ситуации находят в себе волю к сопротивлению, слабые пытаются вписаться.

Есть и другая возможная трактовка, более простая и, вероятно, более точная. Все удачные вещи Геласимова написаны о подростках и от лица подростка. Прозаик Сергей Солоух назвал его «писателем с детской фамилией» и предположил, что Геласимов «во взрослой жизни не очень разбирается». Да и сам автор «Рахили» однажды сказал, что работа в университете (Геласимов по профессии тоже преподаватель английской литературы) помогла ему сохранить «ощущение себя двадцатилетнего».

Желание поскорее стать большим и серьезным – это очень подростковая черта. Как абсолютно подростковым является желание непременно написать «настоящий» роман. Не беда, что в итоге получается либо комикс, либо ремесленная поделка, главное, ты сделал то, что положено писателю. Не случайно сейчас Геласимов работает над произведением из жизни казаков в послевоенном Забайкалье – «эпическим романом, в котором нет камерных, частных историй, а есть история страны, в которую вписаны отдельные судьбы»...

Решение жюри «Студенческого Букера» радости в среде критиков не вызвало. Резче всех высказался колумнист «Газеты» Александр Агеев – мол, «нельзя позволять малолетним давать волю своему “ндраву” и потом публично о малолетнем волеизъявлении сообщать». Казалось бы, радоваться и впрямь нечему: еще одна литературная премия досталась откровенно слабой вещи. И всё же в студенческом вердикте есть повод для оптимизма. Ибо если студенты сумели сквозь всю литературщину, сквозь все

искусственные наслоения почувствовать геласимовскую «безбашенность» и признать его за своего – значит, не всё еще потеряно. Значит, от всех вещей Геласимова, в том числе и от самых неудачных, остается ощущение, что это прозаик с большим и до конца не раскрытым потенциалом, прозаик, от которого можно ждать новых удач.

Ī ēōāēē Ÿāēēōōāēī

ПАМЯТИ РАИСА

Àèàèñá äð Áðàññ

Î àèáñð èí ñèá èñò ñèè

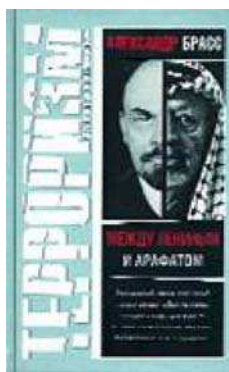
Î .: Ðññ Î èè ì; Î ÈÌ À-Ï ÐÀÑÑ Î áðàçíááí èá, 2004 – 352 с.

Àèàèñá äð Áðàññ

Î àèäó Èáí èí ùí è Áðàóàòòí

Î .: Ðññ Î èè ì; Î ÈÌ À-Ï ÐÀÑÑ Î áðàçíááí èá, 2004 – 320 ñ

Серия книг русского израильянина Александра Брасса, объединенная названием «Терроризм: история и современность», появилась на российском книжном рынке исключительно вовремя. Наше общество левеет так же стремительно, как «беспартийный житель Петербурга Иванов» из знаменитого рассказа Аркадия Аверченко. Всякого рода «городские партизаны», барбудос и герильерос в крови по локти и выше сегодня снова в моде в интеллектуальных кругах. Настоящим хитом прошлого сезона оказался сборник статей легендарной немецкой террористки 1970-х Ульрики Майнхоф, выпущенный одним из маргинальных издательств, – от восторженных рецензий не было отбоя. На этом фоне возникла острая потребность в «противоядии» – внятном и правдивом рассказе об истории всех этих РАФов, ФАТХов, Хамасов и прочих «Красных бригад».

Таким противоядием призваны стать книги Брасса – бывшего бойца одного из израильских спецподразделений. Его работы посвящены истории так называемого «террористического интернационала» с момента возникновения в конце 1960-х годов и до наших дней. Два первых выпуска серии, «Палестинские истоки» и «Между Лениным и Арафатом», рассказывают, как понятно из заглавий, об истории терроризма арабского: у же – палестинского, и еще у же – «красного», то есть действовавшего под знаменем марксизма-ленинизма (о «зеленом», исламистском терроре, а также о европейских, латиноамериканских,

японских, израильских террористических группах речь пойдет в следующих томах). Рассказывают последовательно, подробно, с адресами, паролями и явками. А главное – безо всяких эвфемизмов, называя вещи своими именами и четко отграничивая бандитов от тех, кто с ними борется.

Большинство приведенных в этих книгах фактов были известны и раньше, но столь полный свод сведений о деятельности палестинских террористических организаций и контртеррористических операциях израильских спецподразделений на русском языке появился, кажется, впервые. Угон самолетов, захват морских лайнеров, массовые убийства женщин и детей, взрывы, ответные акции, новые взрывы – карусель террора изображена автором очень детально. Выпукло показана и сюрреалистичность этого кровавого аттракциона: японские марксоиды (!), ради помощи арабским «братьям» (!) расстреливающие в тель-авивском аэропорту... пуэрто-риканских паломников, – это лишь самая известная, но далеко не единственная иллюстрация безумия террора.

Сквозным персонажем обеих книг оказался Ясир Арафат – человек, который в той или иной степени стоял почти за всеми палестинскими террористическими группировками и при этом регулярно выходил сухим из воды, не без блеска изображая перед мировым сообществом respectable политика. Впрочем, как бы мы ни восхищались актерскими способностями покойного раиса, без сознательной слепоты этого самого сообщества подобное раздвоение палестинского лидера на варианты экспортный и для внутреннего пользования было бы невозможно. Брасс отлил Арафату своеобразный памятник, подробно описав путь этого убийцы, вора и лжеца, увенчанного под конец жизни Нобелевской премией мира.

Надо признаться, однако, что при всем восхищении профессионализмом автора книги Брасса вызывают не слишком положительные эмоции. Во-первых, трудно радоваться, когда несколько сот страниц подряд тебе рассказывают о профессиональных головорезах, с маниакальным упорством уничтожающих мирных жителей и пользующихся поддержкой «прогрессивной общественности». Во-вторых, по прочтении «Палестинских истоков» и «Между Лениным и Арафатом» лишний раз убеждаешься: победить терроризм невозможно. Сражение с ним выиграть реально, а вот войну – едва ли. По крайней мере демократическому государству, к каким бы жестким мерам оно ни прибегало.

Не случайно самой успешной операцией против расшалившихся арафатчиков оказалась вовсе не израильская, а иорданская, проведенная в сентябре 1970 года, когда палестинцы были изгнаны из Иордании. Бедуины короля Хусейна просто вырезали несколько деревень, после чего остальные, не дожидаясь продолжения, немедленно побежали сами. Куда? Естественно, в Израиль, прямо в лапы к кровавому сионистскому агрессору, – спасаться от настоящего, а не выдуманного погрома.

Закончилось всё, впрочем, как обычно. Едва придя в себя после резни, палестинцы создали новую террористическую группировку – «Черный сентябрь», которая тут же занялась привычным делом – организацией терактов против... Израиля.

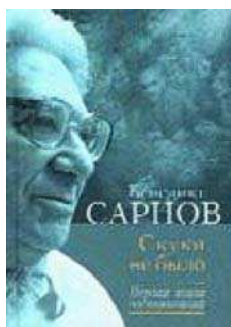
Ἰ ἐδάεῖ Ἰάκωβος ὁ ἀεί

НЕСКУЧНАЯ ЖИЗНЬ БЕНЕДИКТА САРНОВА

Ááí ááèèò Ñàðí íá

Ñèèèè íá áúèí. Í áðààú éí èãã áññíí èí áíèè

Í.: Áããò, 2004 – 693 с

Бенедикт Сарнов написал свою «первую книгу» воспоминаний, и «потянула» она почти на семьсот страниц. Одно из свойств своей жизни, которое автор считает определяющим, вынесено в заголовок. Оно вполне соответствует и характеру книги: читать ее, действительно, не только не скучно, но увлекательно, иногда просто забываешься, представляя себя уже не читателем, а собеседником умного, едкого, много чего повидавшего в этой жизни человека. Думается, большую ценность эта книга будет представлять для будущих историков – ведь в ней дан образ эпохи в представлении типичного, если можно так выразиться, классического интеллигента. Может быть, такого, каких больше и не будет...

Жизнь свою автор осмысляет так. Он пишет о каком-то знакомом, «человеке легком и прожившем легкую, беспечальную жизнь», подшучивая над которым Сарнов «сказал однажды, что ему удалось то, о чем напрасно мечтал Мандельштам: “всю жизнь просвистать скворцом, заесть ореховым пирогом”. А вот у него, у этого моего легкомысленного знакомого, – получилось. В каком-то смысле это можно сказать и обо мне тоже».

Да, в каком-то смысле Б. Сарнов – баловень судьбы, особенно если иметь в виду время, на которое выпала его юность и зрелость. Самое ужасное событие, которое с ним произошло, – это исключение из комсомола. Впрочем, он был тут же восстановлен, хотя, если верить мемуарам, его собирались посадить. Складывается впечатление, что у Сарнова – сильный и мощный ангел-хранитель или их несколько...

Одна жена на всю жизнь, дети, внуки, творческая реализация – нигде не написано, что ему чего-то «не дали», «не напечатали». И одновременно – он никогда не «продавался», всегда был честным человеком, дружил с диссидентами, ходил на суд Синявского и Даниэля – безо всяких последствий... В общем, удивительная по удачливости судьба!

Сами же мемуары представляют собой бесконечные байки, анекдоты, смешные реальные истории, которыми обменивались писатели в каком-нибудь Доме творчества. И – если читатель хоть как-то причастен к литературному кругу – эта книга вдвойне интересна, потому что люди, в ней упоминающиеся, сейчас уже стали легендарными. Взять, к примеру, тех, с кем Сарнов учился на одном курсе в Литературном институте: Тендряков, Поженян, Бакланов, Солоухин, Наум Коржавин. Любой из них – часть нашей литературной истории, неважно, каких он взглядов и какой он человек.

Хотя то обстоятельство, что эти мемуары являются «сборником баек», лишает книгу чего-то большего. Конечно, здесь есть много рассуждений о политике, об эволюции взглядов автора, но практически нет философских раздумий, – и это придает книге некоторую легковесность, поверхностность, отнимает у нее возможную глубину.

Можно подивиться, однако, тому, как автору удалось написать семисотстраничную книгу, которая читается как небольшой и сильно закрученный боевик. Лично я прочел ее за один день и уверен, что так же быстро и с удовольствием прочту вторую часть, которую Б. Сарнов сейчас заканчивает.

Напоследок хочется заметить, вспоминая впечатление от чтения этой книги. Грустно: совсем еще недавно была нормальная литературная среда – целый мир, которого сейчас нет и в помине, как и почти всех Домов творчества...

Но Б. Сарнов тут совершенно ни при чем.

Àãø Ðàããá

ЛИЦО МОШИАХА НА ПУТИ ПРОРОКОВ

Àààà Qààà

Ēàò î í à óëëöä Ī ðřđēîá

Ī.: Ī ñòù éëüòóđù; Jerusalem: Gesharim, 2004 – 286 c.

В статье Гинзбурга и Рона «Иерусалим Шахара», помещенной в книге в качестве послесловия, приводится масса интересных фактов, наблюдений и исторических параллелей. Там нет только одного – ответа на вопрос, что же такое Иерусалим Давида Шахара. Чем не является этот Иерусалим, авторы как раз объясняют очень подробно, иногда даже с картами и планами. Это не «старый ишув», хотя почти все персонажи имеют в нем корни: «старый ишув» ортодоксов остался за стенами Старого города. Это не «новый ишув» сионистов – новые еврейские кварталы в книге практически не упоминаются, словно и нет их. Да и дискуссии о государственном строительстве, о «еврейском труде на еврейской земле», о Хагане и даже о Гитлере едва ли не демонстративно обходят улицу Пророков. Наконец, это не улица Пророков: Гинзбург и Рон показывают на карте, что ни один из домов, где живут и работают персонажи романа, не имеет реального «прототипа», а затем забивают последний гвоздь в гроб реальности, обнаружив смещение времени у Шахара примерно на десятилетие.

Так что это не реконструкция исчезнувшего бытия, как полагают авторы статьи. «Лето на улице Пророков» – это воссоздание альтернативного времени: альтернативная история, разворачивающаяся, так сказать, в альтернативной географии. Что было бы, если бы развитие всего этого поганого «человечества» во всем этом поганом XX веке пошло иным путем, если бы ишув развивался в нормальных условиях, а не был зажат между европейской подлостью и арабским людоедством... Тогда бы он превратился в Касталию Германа Гессе, обитель мальчиков и девочек из хороших семей. А для ребенка – не забудем, значительная часть жизни улицы воспринимается глазами ребенка – улица Пророков навсегда останется милновским заколдованным местом, где маленький мальчик всегда будет играть со своим медвежонком, куда бы ни ушел повзрослевший герой.

В таком романе не могут изменяться герои, там вообще ничто не может эволюционировать. Мир законченного литературного произведения – место, где лучше жить, чем в так называемой реальности, пропади она пропадом. Поэтому персонажи, как правило, не передвигаются вне пределов своего литературного пространства. Даже походы Гавриэля Луриа к горе Ацофим (реально – три четверти часа тихим ходом) описываются как дальние путешествия в неведомое.

Улица Пророков (кстати, буквальный перевод «дерева а-Невиим» означает «путь Пророков») – не единственное заколдованное место в мире. Еще одно обнаруживает Гавриэль Луриа в Бретани – вроде бы жидется на совершенно иной культуре, не сопрягающейся с иудейской. Но бретонская легенда тут же соединяется с легендой еврейской: местная святая, Анна Орейская, оказывается принцессой, бежавшей в Страну Израиля и выдавшей свою дочь за еврея, «ибо евреи суть мужи добрые к женам своим». И был то плотник Иосиф, отец Иисуса, он же дед самого Гавриэля. А сделанный когда-то дедом ему в подарок миниатюрный арон-акодеш оказался ларцом святого Иосифа с локоном Пресвятой Девы – в незапамятные

времена пропавшей реликвией Бретани... В заколдованном мире, мире Б-жием иудео-христианская культура вновь едина, лев возлежит с агнцем и малое дитя ведет обоих.

Однако реальность для персонажей Шахара никогда не исчезает совершенно.

Да и принятие действительности не окрашено в романе безнадежным пессимизмом характера. «Реальный мир», который человек, пробуждаясь, в муках творит вокруг себя, не есть мир истинный, мир Б-жий. Мир Б-жий уже создан, что человек возводит вокруг себя, непрестанно охая и стеная, – это миры-самозванцы – с политикой, шоу-бизнесом, лозунгом «время-деньги» и прочей нечистотой. Только в детстве человек «вбегает из сна в явь и из яви в сон, словно из одной комнаты волшебного замка в другую, с льющимся через край ликованием от предвкушения чудесных сюрпризов, ожидающих... на каждом углу и в каждом лестничном пролете».

В определенном смысле философия Шахара перекликается с учением Любавичского Ребе: «В то время как взрослый ограничивает свои надежды и ожидания, ребенок мечтает и не перестает удивляться». Только детское восприятие способно ощутить чудные моменты жизни, выпадающие из потока времени – и оказывающиеся в единственно существующем мире Б-жием на улице Пророков. Гавриэль в 13 лет, входя в возраст бар-мицвы, убил свою душу-голубку при полной луне, думая, что приносит ее в жертву Г-споду, и слишком поздно поняв, что Ему кровавые жертвы противны. Поэтому его выбросило из детского мира в Париж, символ «реального» мира взрослых, а возвратившись, он обнаружил, что отец лишил его наследства («удела») в этом единственно истинном мире.

Такая же судьба ждет и других персонажей, принимающих за истинную ложную реальность пробуждения. Все они не те, кем должны были быть, если бы оставались детьми мира Б-жия. Ешиботник стал английским судьей, еврейский библиотекарь – протестантским проповедником, аптекарь – боссом наркомафии и т. д. Увы, на улице Пророков останется только лирический герой. Но пока жив этот вечный ребенок – жив мир Б-жий. Вновь позволю себе процитировать Любавичского Ребе: «Если хотите увидеть лицо Мошиаха – просто посмотрите на детей».

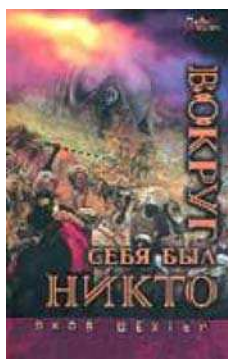
אי עוֹדֵה יִדְרֹוּיָא

ТАЙНА ВЫБОРА «ПСИХОМЕТРИСТА»

Beia Qaiaad

Atedatay au e i e e o i

Dinotia ia Aia Qaieen 2004

Первое, что хочется подчеркнуть: этот роман написан очень талантливым человеком. В аннотации к книге Якова Шехтера сравнивают с мировыми знаменитостями – Коэльо и Кастанедой. Взгляд у автора очень цепкий, стиль оригинальный, воображение удивительное, быстро захватывающее читателя, так что повод для аналогий вроде бы есть. Но достоинство таланта Шехтера – совсем иное, чем у вышеназванных авторов. Он впервые изобразил психологию религиозного мистика изнутри (особенно если учесть, что речь идет об иудее-кабалисте).

Персонаж, от имени которого автор ведет рассказ, сам объясняет, почему в художественной литературе не может быть аналогий Шехтеру. Сознательное погружение личности в «психометрию» (так в романе назван религиозно-духовный мир, сфера контакта человека с Б-гом) требует подчинения личности целиком, без остатка. Финальный крах героя на избранной с детства «дороге к Космосу» (постепенное разочарование в своих возможностях, самопознание и самобичевание молодого мистика составляет, собственно, сюжет романа) связан с «пороком» героя, «подхваченным» в светской школе. Его ущербность в «психометрии» видится порожденной любовью к художественной литературе. Ведь служенье Космосу, поиск Мастера, проводника в Бесконечное, не терпит никаких соперников, не выносит земной суеты! Герой испытывает искушения, терзания и в финале «платит по счетам» за свои слабости – крахом избранного жизненного пути.

Или я не так понял? И, может быть, его бесследное исчезновение в конце романа означает как раз то, что он был прощен Космосом и отправлен туда, где может «стереть» былые заблуждения?

Для читателей крах персонажа, его разочарование в своих жизненных задачах обернулись необыкновенной удачей: возможностью проникнуть в мироощущение мистика, куда до сих пор никогда не проникала литература.

В чем заключается драма героя? Как и у любого светского человека – в свободе выбора. Только светский человек «подвергает всё сомнению» и мучается от неопределенности. А наш лектор-мистик ищет объект, не вызывающий сомнения, – таинственного и скрывающегося от учеников Мастера. У «психометриста» есть незыблемый Авторитет, и, кажется, ему легче жить, чем сомневающимся во всем «хилоним». Увы, это лишь видимая легкость: «психометрист» никогда не уверен, что выбрал в качестве Мастера того человека. В сущности, он подменил объект сомнений и остался существовать в той же драме Выбора, что и любой обыватель.

Время от времени плавное течение сюжета прерывается вставными главами из рукописи героя – истории таинственной, скрытой в земле Реховотской крепости. Написана она настолько ярко и живо,

настолько правдоподобна в деталях, что, говорят, будто в сегодняшнем Реховотском муниципалитете кто-то из «пакидим» сделал прямой запрос писателю – о его исторических источниках...

Зачем Яков Шехтер в свой крепко сколоченный вокруг фигуры «лектора-психометриста» сюжет вставил серию новелл? Мне кажется, смысл этих глав для автора состоит в том, чтобы на историческом фоне (экзотически-католическом – западноевропейские рыцари Храма, экзотически-исламском – мамлюки или ассасины, экзотически-православном – украинское казачество на фоне привычного православия) выявить пласты духовной и материальной жизни разных народов. Такой опыт необходимо ощущать, планируя жизнь среди разных народов мира, хотя опыт этот как бы невидим, «скрыт под землей», но мистически очень живуч и оказывает воздействие на потомков этих народов.

Драма главного персонажа сводится к тому, что он ищет Высшее Наслаждение Жизни, каковым является контакт с Космосом (читай – с Б-гом), но при этом никогда не уверен, что знание, навыки и умения, которыми он овладел, и есть дорога к подлинному единству с Космосом. А вдруг это лишь обман, «притворившийся» «контактом», причем обман многовариантный: чаще всего самообман, рядящийся в мистические одежды... Как найти истину, как не превратиться в одного из многочисленных «эзотериков»-обманщиков? Сюжет строится на сопоставлении судьбы героя с исповедями двух встреченных им одесситок. Обе женщины стали жертвами мистиков-провокаторов, и их рассказы о своей жизни служат для героя мощным катализатором прозрения в его пороках.

Следует признать и некоторые слабости романа. Шехтер – опытный литератор: он умеет строить фразу так, что веришь каждому слову, умеет начертить образ иногда одной лишь деталью. Но романы он пока что не писал, этот – первый. Умение «сколотить» композицию большого сочинения – искусство особое. И в этом смысле мастерства писателю не хватило. Обе новеллы об одесситках – и о Ларисе, и о Тане – читаются как совершенно искусственные дополнения к основному сюжету. Они хорошо написаны – но именно как отдельные новеллы, а не части романа! Это не живые рассказы двух женщин о своих судьбах, а написанные произведения... Автор предусмотрел подобное замечание критика, и у него оба рассказа играют роль записей в дневнике «лектора». Но композиционно они всё равно «выбиваются» из сюжета, заставляя забыть о главной линии.

Роман Якова Шехтера видится мне значительным событием в истории литературы. Многие сочинения авторов-евреев, включая «русских израильтян», выглядят вполне типичными для русской литературы, но посвященными особой, еврейской или израильской, теме. А роман Я. Шехтера является первым крупным произведением еврейской литературы, исполненным на русском языке.

Кроме того, это событие в духовной жизни ашкеназского еврейства.

יְעֹאֵבֶּ ׀אֵבֹאִי

КАЗУС ШЕЙЛОКА

Óèëüü Ì àééèà Ðÿäô îðäà «Ááí äöèáí ñééé éóí äö»

ÑΘÀ, Èòàèèÿ, Èþèíü áóðã Áäèèéíáðèò àí èÿ. – 2004

Òü ôí÷: áóü ì ðàáí ñáüÿ? Áóüü óáðáí –

Áá ì íéó: èóü áíéüóá, ÷:áí æáèááóü

Óèèÿÿì Óáèí'èð

«Ááí äöèáí ñééé éóí äö» (í:áð Ò Ùáí èéí íé-Èóí áðí èé)

Фильм Майкла Рэдфорда «Венецианский купец» – классическая экранизация. Костюмы героев, декорации и натурные съемки переносят зрителя в Венецианскую республику XVI века. В этом антураже происходит развитие пьесы, сюжет которой до Шекспира уже существовал в европейской драматургии. Еврей-купец беспроцентно одалживает крупную сумму молодому аристократу для заключения брака с богатой наследницей; в сделке участвуют трое: кредитор Шейлок, должник Бассанио и поручитель должника

Áí òí íéí.

È íí ò áðèóüü áí ñ ì ííé ííéèè ò á

È í áí èóè ò á áíéíéü; á æèáá óóðéè, –

Èí áá áí í á óí èáðè ò á ì í á òí÷: íí

Á ò áéíé-òí ááí ü è ò áí -òí ñí ì ù áíéá

Óéáçáí ííé, – í áçí à: èì í áí ò í ééó

Óóí ò ááó áá í ðáèðáíí áéó áá ì ÿñá

× ò í á áí áðáòü ì í á: áíòü ò áèà ÿ èþ áóþ

È ì ÿñ áí ðáçàòü; áá í í æáèþ, –

ááí ðè ò Óáèí'èð Áí òí íéí.

Вплоть до конца XIX века образ еврея в европейской литературе рисовали в подобных красках: он – носитель демонического начала, существующий в замкнутом и мрачном мире гетто, ему недоступно

сострадание по отношению к гоим, и, соответственно, на него самого оно не распространяется. Он вынесен за скобки человеческого существования, но бывают ситуации, когда с ним приходится иметь дело.

Одна из важнейших составляющих фильма – цвет: от теплых акварельных тонов, в которых решены интерьеры дворца Порции в Бельмонте, платья невесты и ее камеристки, до тревожных – насыщенных красным, багровым, темно-коричневым – красок Венеции. И всё это в обрамлении холодных, от серого до светло-зеленого и бледно-голубого, оттенков воды, омывающей венецианские улицы и остров Бельмонт. Режиссер не осовременивает и не подгоняет действие, оно неспешно движется в аутентичных берегах. Основное внимание сосредоточено на шекспировских диалогах, и главная «дуэль» происходит между двумя обладателями премии «Оскар»: Аль Пачино (Шейлок) – Джереми Айронс (Антонио). Главный любовный дуэт: Джозеф Файнс (Бассанио) – Линн Коллинз (Порция). По мнению авторов фильма, люди эпохи Возрождения, подверженные сильным страстям, не скрывали эмоций, выражали их открыто и ярко, были в большей степени детьми, чем наши современники. Именно так актеры и играют. И Аль Пачино, безусловно, принадлежит первая скрипка в этом оркестре.

Большинством зрителей – а это молодежь до 25 лет – фильм воспринимается как исторический: дескать, случилась когда-то такая история, а теперь о ней кино сняли... И Шейлок, ограбленный дочерью, сбежавшей с любовником и крестившейся, Шейлок, демонстративно, вопреки логике, требующий перед судом законную неустойку, не находит поддержки у аудитории, как не нашел ее у венецианцев. Когда суд обязывает его заплатить штраф в пользу государства в размере половины состояния, вторую половину отдать Антонио и принять христианство, по залу кинотеатра проходит злорадный смешок. Справедливости ему, видите ли, захотелось!

Какой же урок из этого можно извлечь? И что движет Шейлоком, подписывающим заведомо невыгодный для него вексель?

Шейлок ненавидит Антонио. Его ненависть конкретна, в отличие от обобщенной ненависти Антонио («Он ненавидит наш народ священный»).

Οάεεεε

Αύ ί δὴ πὲ οά, ί εάάάαεεε ί ίάά εεοί,

Ί άύ ί εί εάι ε άάαεεε, εάε άάάεε

Ί ο άάάά εδύεύύά? Αάι άάί ύεε ί άεί ύ!

× οί ε ί ίάάεάαού άάι ?

Ί άάεάαού εε ί ίά

«Άάά ε άάί ύεε ό άάάε? Εάε ί ίεάο ί άί

Άάάαού άεάεί ύ ο δέ ούύύ:ε εάάί ί άάά?»

Αί οί έε

Οάάύ ί ί ύού ά όί ά ύ οάε ί άάαού

Ε ί έπί ούύ ίά οάάύ ε ί ί ούύ ί ά ά ρ.

В такой атмосфере проходят деловые переговоры. Желая унижить Антонио, Шейлок отказывается от прибыли, подписывает беспроцентный вексель. Антонио считает нечестным способ обогащения Шейлока – предоставление кредита под проценты, а Шейлок воспринимает Антонио как завистливого неудачника («...капитал его весь в надеждах»). По мнению Шейлока, неразумно и преступно ради собственного обогащения подвергать опасности жизни моряков, как это делает Антонио. Он оказывается прав: все торговые корабли Антонио погибают вместе с командой, долг ему вернуть нечем. И Шейлок, уже ограбленный дочерью, бежавшей с христианином, оставленный слугой, от чего ненависть к Антонио только усиливается, обращается в суд. При полном осуждении окружающих, в абсолютном

одиночестве, он как бы проверяет на прочность венецианские законы, отказывается от денежного возмещения, приносит весы, точит нож и показывает, что готов идти до конца.

Óóí ò ì ÿñ, ÷ òí ÿ ò ðááôþ, éóí èé ÿ

Í áááóááí; íí ì íé, óí ÷ ó ááí!

Í ò èàæ à ò á - í èþ þ í à ààø çàéíí!

Ááí áðèè ááèðá ò ù í áí áááæí ù.

Ненадежность декретов торговой республики может нанести ущерб в коммерческих делах, то есть Шейлок апеллирует к международному сообществу. Венецианский дож предполагает, что кредитор сохранит видимость злодейства лишь до развязки и просит о снисхождении к ответчику. Но Шейлок ждет этих слов от Антонио, а тот просить не хочет, вместо этого он выбирает позицию «мученного от жидов». Обращаясь к молодому другу, ради которого рисковал, ставя подпись (Рэдфорд трактует их отношения как любовную связь), Антонио говорит:

Í ðí ðá í íááí áé - ñí ðè ø ù ò ù ñ æ è áí ì .

Ñéí ðáé ò ù ì í æ á ø ù ñ ò à ò ù í á á á ð á á

È í í á á è à ò ù í í í è ç è ò ù ÿ ÿ í ð è è á á ç

.Ñéí ðáé ò ù ñí á á ð è ø ù ò ð á í á é ø è é

í í á á è á

× áí óí ÿ á : è ø ù (÷ ò í á ì è ð á æ á ñ ò ÷ á ?)

ñ á ð á á

Áá á á á è í í á! Þ óí í è ÿ þ,

Í ñ ò á á ñ ò á á ñ í í í ù ò è é, á ñ í ñ ò á á í ÿ ÿ ...

Этим он вызывает сочувствие и зарабатывает очки. Конечно, всё кончается хорошо для Антонио и плохо – для Шейлока. Законы – те же слова, их понимают по-разному, в зависимости от личных предпочтений. Соображения коммерции, мнение международного сообщества тут не указ.

Всерьез надеяться, что, находясь в одиночестве и эмоциональной изоляции, можно опереться на законы – полный абсурд.

Á é æ è í á á ð Ð á í í í ð ò

Глава администрации Малаховки Александр Автаев рассказал, что преступник, 22-летний наркоман, совершивший поджог синагоги, а перед этим ограбивший ее, был задержан вневедомственной охраной при попытке ограбить малаховскую церковь Петра и Павла. Во время задержания он попытался покончить с собой, ударив себя в грудь отверткой, и был доставлен в местную больницу. Александр Автаев отметил, что поджог синагоги стал потрясением для всех жителей поселка вне зависимости от национальности и вызвал их возмущение. Он с похвалой отозвался о деятельности еврейской общины, которой удалось объединить вокруг себя людей.

Глава администрации поселка сообщил, что в настоящее время рассматривается несколько вариантов строительства нового здания синагоги в Малаховке и заверил собравшихся, что руководство «будет оказывать в этом необходимую помощь».

Эмоциональное выступление учительницы малаховской школы, заслуженного учителя России Анны Вилк, показало, что слова о горе, объединившем всех жителей поселка, – это не просто красивые слова. «Сегодня у всех в Малаховке одно горе. Сегодня мы хороним не только святые книги, но и погребаем часть своей истории», – заявила учительница.

יְיָ אֱלֹהֵינוּ

עִירֵנוּ אֶתְּנוּ אֵלֵינוּ אִתְּנוּ אִתְּנוּ

ÁĪĈĀĎÀÙÁÍÈÁÀĒĀĒŅĀÍĀĎÀÁĪĎĪĀŪ

Á ģeōyāda 2004 āāā ĩā III ņīāāā Ōāāāāōēē āāāēēēō ĩāūēī Ďīņēē ĩāāīāāāōāēāī ĩāāēāēēy ŌĀĪĎ āūē ēāāāī ĀēāēŅĀĪĀĎ ĀĪĎĀā, āī ōĪā ĉāĳēī āāōēē ĩņō ēŭĳēĳēōāēŭĳā āēōā ĩāāēāāī ōā. Āōyā ēē ĩĳāy āĳēāĳĳōŭņāēāāō yōō ōēāōō āūā āĳēāā ĉĳā-ēī ĳē āēy Ōāāāāōēē: ĀĪĎĀā ĩā ĩāōyāēāēē ĩyōē ēāō yāyāōņy ōāēōē-āņēēī ōēĳāĳāēōāēāī ŌĀĪĎ, ā ĳ āā āāōĳēōāōā ēāāŭĳā-ēāĳ ĉāēāāōāēŭņōāāō ōĳō ōāēō, -ōĳ āāēā ōāĳōāpŭēā ĳĳā āā ōēĳāĳāņōāĳī ēĳāĳĳā ēāāēēŭyĳā ēĳōĳā ēĳy «ĀēāēņĀĪĀĎ» ĳāū-ĳĳ ņēāūāpō āī «Āēāēņā», ĳāō-ēēēŭĳī āĳāāāēāāōŭĳī «ĀēāēņĀĪĀĎ Īĳēņĳāē-» āāā ĉāĳēĳēē. Īāāāā, ņāī ĳĳ ņēōĳĳĳ ĳōōō-ēāāōņy: «ĀēāēņĀĪĀĎĳī Īĳēņĳāē-āī ĳĳy ē āāā ēē ĳāāāēē».

Александр Борода родился в 1968 году в Москве, как он говорит, «в простой еврейской семье» инженеров. Детство его прошло в Марьиной роще – там, где много лет спустя при его непосредственном участии открылся крупнейший в России Московский еврейский общинный центр. Когда-то в этом московском районе стояла старая деревянная синагога – единственная, построенная в советские времена. В Марьиной роще прошли годы занятий в техникуме, службы в морской авиации, учебы в институте, работы в Метрострое, риэлтерского бизнеса и – возвращения к иудаизму...

«Я всегда знал о том, что я – еврей, с самого рождения. Таково родительское воспитание, – говорит он. – Никто не открывал мне никаких тайн».

Итак, этап первый: после восьмого класса Александр поступил в техникум по специальности «маркшейдерское дело».

Второй этап. Вторая половина 1980-х годов, город Николаев, база морской авиации, затем – военный порт в Крыму, учебный полигон для авианосцев – это два года службы в армии после техникума. «В Советской армии национальный вопрос, пожалуй, был одним из самых острых, – рассказывает Александр Борода. – Кого там только не было! В нашем подразделении из сотни человек – десять чеченцев, пять дагестанцев, узбеки, казахи... И разделялись все только по национальному признаку. Мне серьезно помогло то, что я активно позиционировал себя именно как еврей. Многих это просто обезоруживало. Ну, еврей и еврей! У вас так – а у меня эдак! По моей просьбе на Пейсах родители прислали мне мацу. В многонациональном сообществе соблюдение традиций вызывало уважение».

Демобилизовавшись, Борода вернулся к маркшейдерскому делу. Однако ненадолго: после четырех лет работы он ушел из Метростроя. А незадолго до этого окончил заочный Политехнический институт: шесть лет программы обучения он уместил в три с половиной года.

В 1989 году, учась в институте и работая, он стал посещать синагогу. Пробудившийся интерес к еврейству сам он объясняет влиянием... армии: «Мне было интересно узнать подробнее, что же такое “еврей”. Захотелось разобраться в своей жизненной позиции».

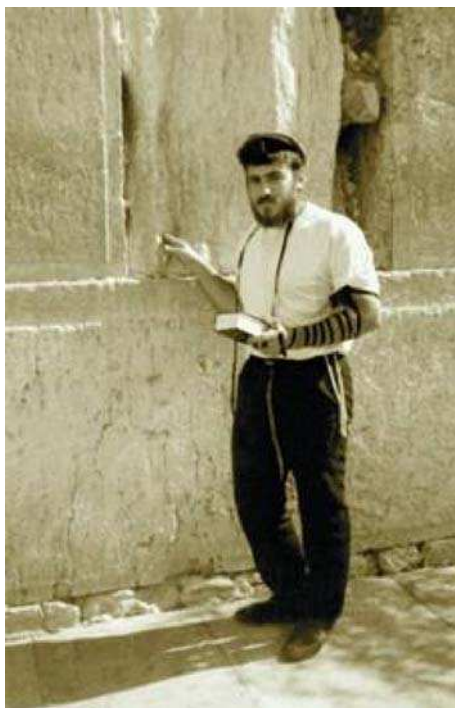

Сначала он пошел в Хоральную синагогу на улице Архипова. Но там он увидел объявления о мероприятиях в другой московской синагоге. «В Марьиной роще мне понравилось больше, – признается он. – Там была более демократичная обстановка. На Архипова я чувствовал себя зрителем, а в Марьиной роще – участником». Александр начал посещать лекции по иудаизму. Впрочем, «тшува» – «возвращение» – оказалось процессом длительным, требующим постепенного осознания происходящих в нем перемен.

«В религиозной среде у меня не было близких друзей – я был с внешней стороны, а они – внутри. Всё происходило постепенно и уж точно не противоречило моим воззрениям. Следование законам иудаизма состоит из массы бытовых вопросов, и решение каждого из них – дело непростое. Возьмем, к примеру, кашрус. Сначала я перестал употреблять в пищу “мясное” вместе с “молочным”, затем – свинину. Через некоторое время я вообще отказался от некошерного мяса. Для меня это стало важным этапом. По мере того как я размышлял, ходил на лекции, читал книги, мне всё более естественным представлялось соблюдение принципов иудаизма. И когда ощущение дискомфорта одерживало верх, я делал очередной шаг вперед».

В 1991 году Александр Борода познакомился с раввином Берлом Лазаром, который приехал в Россию в качестве посланника Любавичского Ребе. Борода отмечает, что в то время никакой системы управления еврейской общиной еще не существовало – было просто сообщество раввинов, во главе которого стоял раввин Лазар. «Это не считалось престижной должностью, просто все решили, что кто-то должен общаться с властями и со спонсорами; раввин Лазар был “первым среди равных”».

Новое знакомство началось с уроков иудаизма, которые раввин давал у себя дома. С тех пор минуло много лет... Учитель стал главным раввином России, ученик – руководителем крупнейшей еврейской организации страны.

«С раввином Лазаром нас связывают товарищеские отношения, – поясняет борода. – У нас идеологическая близость – схожесть целей и задач, их видение, оценка действий... Я приходил к нему и часто отыскивал ответы на многие вопросы, которые не были связаны с уроком. Дискомфорт от несоблюдения заповедей заметно усиливался. Мне неудобно было просто так приходить к нему, что-то изучать с ним, не соблюдая при этом заповедей. Мне было неудобно перед ним! Впрочем, он этого не знал – мы не обсуждали с ним эти темы. Просто потом мне становилось неприятно от сознания того, что мой образ жизни является своего рода обманом, идет вразрез с обсуждаемыми темами. И это стимулировало меня. Были вопросы, в разрешении которых он мне помог, даже не ведая о том, что они для меня вообще существовали».

Деловые качества Александра Бороды проявились еще в годы работы в Метрострое, когда параллельно со строительством метро он занимался риэлтерским бизнесом. Эти навыки пригодились ему и позднее, в начале 1993-го, когда он вместе с нынешним руководителем Департамента по связям с общественностью ФЕОР Борухом Гориным работал над проектом журнала «Лехаим». «Мы с Борухом тогда достаточно много контактировали, – вспоминает он. – Прежде я никогда не занимался сбором денег. Решил попробовать, хотя реально никого тогда не знал. Позвонил Борису Хаиту, президенту страховой компании “Спасские ворота”, мы встретились. Тот познакомил меня с Невзлиным... Потом – банк “Столичный” Смоленского. Я вышел на его заместителя Друкера... В общем, деньги на журнал были собраны».

Александр работал в журнале «Лехаим» до 1998 года. Тогда же небольшая еврейская община в Москве преобразовалась в Федерацию еврейских общин России. А через два года в Марьиной роше открылся крупнейший в СНГ еврейский общинный центр. С тех пор спонсором ФЕОР является российский предприниматель Роман Абрамович. «Мы с ним знакомы уже лет десять, – рассказывает борода. – У нас не было и нет никаких деловых отношений. Когда я работал в “Лехаиме”, мы познакомились с Романом через одного бизнесмена. А что касается его помощи еврейской общине, то, думаю, она обусловлена его ощущением причастности к еврейству».

Со своей будущей женой Александр познакомился в 1996 году в США. Международный шидух своему ученику организовал раввин Берл Лазар. Будущая супруга Александра Бороды вместе с родителями эмигрировала в США из СССР в конце 1980-х годов. Уже в Америке она училась в университете и еврейском колледже.

В семье Бороды растут пятеро детей. На вопрос, что предпримет глава семьи, если его дети, когда вырастут, захотят стать светскими людьми и уйдут из религии, Александр отвечает, что всё же предпочел бы видеть их религиозными: «Я надеюсь на воспитание. Правда, у меня наступает тот возраст, когда прямое воздействие на детей становится всё слабее. И всё же я полагаю, что основные духовные ценности останутся у них незывлемыми».

אֲדַוְּרָא בְּאִמְרֵי הַשֵּׁנִי, אֲדַוְּרָא אִי

אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

יְדִוּוּ עִתֵּי

5 мая – участие в траурной церемонии захоронения останков еврейских священных книг, пострадавших при пожаре в синагоге подмосковного поселка Малаховка. Выступая перед собравшимися, раввин Лазар отметил, что «для евреев произошедшее стало большой трагедией». «Мы считали, что подобные преступления – уже история, – сказал он. – Когда мы нашли обгоревший Свиток Торы, нам стало очень тяжело, потому что никто не думал, что в современной России найдутся люди, способные совершить преступление против дома Б-га». Раввин Лазар выразил сожаление, что траурная церемония проводится всего через несколько дней после празднования 60-летия Победы над фашизмом.

Главный раввин России отметил, что за последние два года усилиями раввина Мойше Тамарина и председателя Михаила Глимчера деятельность малаховской общины значительно оживилась. «Мы уверены, – сказал он, – что это печальное событие не ослабит еврейскую общину, а, напротив, сплотит ее. Сегодняшний день – это не только день траура, но и начало нового подъема в истории общины».

По словам раввина Лазара, на месте сгоревшей синагоги будет построен новый еврейский общинный центр: это будет достойным ответом евреев своим недоброжелателям.

Он вспомнил рассказ из Талмуда: после разрушения второго Храма римлянами мудрецы говорили, что Б-г направил Свой гнев на камни, а не на людей. Для людей это стало уроком, на основании которого они скорректировали свое поведение в лучшую сторону.

Главный раввин России выразил благодарность правоохранительным органам, раскрывшим преступление, а также местной администрации.

19 мая – участие в IV Конференции раввинов СНГ по вопросам еврейского религиозного права и выступление с докладом на тему религиозных обрядов, связанных с семьей и браком.

26–27 мая – участие в праздновании Лаг ба-омера в Москве.

27 мая в парке «Сокольники» раввин Лазар обратился с приветствием к участникам праздника. Адресуясь к детям, он сказал: «На вас лежит великая ответственность – вы можете сделать, чтобы Мошиах пришел поскорее. Мы должны делать всё возможное, чтобы Ребе с гордостью смотрел на нас и видел, сколько мы сделали для того, чтобы пришел Мошиах». Выступление главного раввина России завершилось дружным исполнением участниками праздника песни «Moshiach now!».

31 мая в Москве, на 19-м заседании Российского организационного комитета «Победа», главному раввину России была вручена памятная медаль «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». В грамоте, прилагаемой к медали и подписанной президентом России Владимиром Путиным, сказано, что «медаль вручена за активное участие в патриотическом воспитании граждан и большой вклад в подготовку юбилея Победы».

1 июня главный раввин России и председатель правления ФЕОР Александр Борода приняли участие в заседании Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте Российской Федерации. Заседание было посвящено теме «Взаимодействие органов государственной власти и религиозных объединений в укреплении веротерпимости и общественного согласия, совершенствовании межрелигиозного диалога».

2 июня – поездка в Калининград во главе делегации раввинов из Израиля, США и Швейцарии для переговоров с губернатором Калининградской области Владимиром Егоровым о прекращении строительных работ на территории старого еврейского кладбища

יְאִי בּוֹי יְנִיאֵוֹעֵבֹ אָאוֹוֹוֹנְבִּ אֶאֹוִי אֶ אָאִי יְנֹעֵ

Аааеіеау іаіеіа Діііе іоіоаіііаеа Еаа аа-іі аа. А уоіо ааіі ааае іоі а-аіо ааа ііаіоеу іі-ое аааооііі-аеаоіае аааі ііое - оааііоііа е іа-аеіі іа-аеіі-еааіі уіеааі еу, оіаіоау аеіе оііі-о-аіеіа оааае Аеааі, - а ііоаеі аіоі, іоаеаоеііі ооаоо е іа-аеііі ааіеіа, - іі ііі-аеіі ааеіеіе еаааеіо Оеі іі аао Еіоае.

Традиционно этот день используют для популяризации еврейского образа жизни, выездов активистов общины на природу, где в неформальной обстановке люди получают знания о еврейской традиции и обычаях. Так, в этом году более чем в тридцати «раввинских городах» России прошли мероприятия, посвященные празднику. Важнейшим событием этого дня стали детские парады в парках и скверах. Держа плакаты с призывами соблюдать еврейский образ жизни и вернуться к традиции отцов, ученики школ и активисты общины под музыку оркестра шествовали по улицам. Всего в парадах Лаг ба-омер приняли участие более 5 тыс. российских евреев.

Вечером 26 мая зал Московского еврейского общинного центра в Марьиной роще был переполнен. Это было что-то вроде «Голубого огонька» прежних времен с сидящими за столом гостями, популярными песнями в исполнении шоу-группы «Доктор Ватсон», Аркадия Укупника, с юмором Яна Арлазорова, а также песнями еврейских местечек в исполнении ведущего вечера Ефима Александра.

Около полуночи собравшиеся получили приглашение продолжить праздник на улице. В эту ночь в Израиле принято зажигать костры в честь рабби Шимона бар Йохая. В МЕОЦе это было сделано во дворе старой синагоги. Выступили жонглеры с огнем, потом вспыхнул фейерверк, увенчанный звездой Давида.

27 мая в парке «Сокольники» празднование Лаг ба-омера продолжилось. Его организатором стал МЕОЦ и еврейские общины ФЕОР разных районов столицы. Большую помощь, по словам ведущего праздника Мойше Рохлина, оказали волонтеры – студентки махона «Хая-Мушка».

Сотни детей собрались на парковой площадке аттракционов, начались веселые конкурсы. Всем желающим родителям-мужчинам была предоставлена возможность выполнить заповедь наложения тфилин.

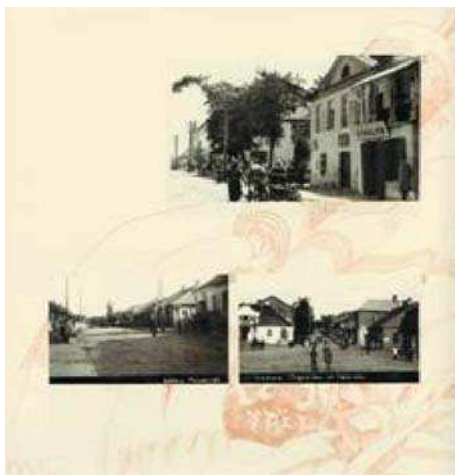
יְיִ אֹאֹאֶאֶאֶיִ עִיִּוִּי אֶעֶיִיִּוֹ אָאִיִּוֹ אֶ

Завершение проекта потребовало больше времени, чем ожидалось. Попутно возникли другие начинания. Следует сказать, что «Шамир» – это международный фонд, одна из форм его деятельности – издание книг, посвященных еврейской традиции и истории; филиалы фонда есть в Израиле и Нью-Йорке.

Параллельно завершению монографии была переведена с идиша книга раввина Леви Овчинского «История евреев Латвии. 1561–

1923 годы». В этом году планируется ее издание на русском и английском языках. В наших планах также издание по-русски и по-латышски уже переведенной книги историка Менделя Бобэ, посвященной латвийским евреям: она была издана в Израиле в 1970-х годах. Три книги, о которых я сказал, поставленные на одну полку, составят полную историю латвийских евреев от появления в XVI веке и до конца XX столетия.

Мы подготовили также курс для гидов по еврейской истории Латвии и событиям, связанным с Холокостом. Во второй мировой войне погибло около 80 тыс. латышских евреев. Демографическая ситуация сегодня такова: евреи Латвии сосредоточены, главным образом, в столице республики и составляют около 10 тыс. человек. В Риге существует единое еврейское сообщество, состоящее из нескольких общин, дружное руководство, и совместными усилиями делается многое, чтобы память о погибших была сохранена. Восстановлено еврейское кладбище, собраны средства на ремонт синагоги в Старой Риге, запланирована постройка новой еврейской школы.

«Шамир» – член Совета еврейских общин Латвии. Он был создан в 1991 году. В то время ощущалась потребность в просветительской и воспитательной деятельности, поэтому международный фонд «Шамир» образовал в Риге свой филиал. Мы стараемся дополнять работу других общин и не конкурируем ни с кем.

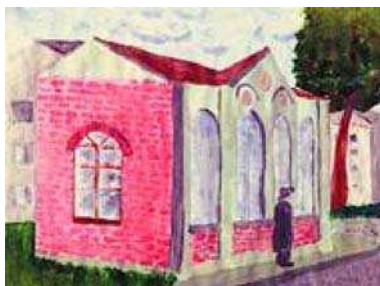
«Шамир» занимается распространением сведений о Катастрофе европейского еврейства, чтобы подобное не могло повториться ни с евреями, ни с другими народами. Надо сказать, что мы наблюдаем большой интерес к этой теме со стороны жителей Латвии – и русскоязычных, и латышей. Мы не занимаемся распространением иудаизма. Мы просто напоминаем о том, что когда-то здесь жили евреи, восстанавливаем важный и драматический отрезок истории этой земли.

У меня возникла идея провести конкурс «Латвийские дети рисуют синагоги прошлого». Эта идея была поддержана филиалом ЮНЕСКО в Латвии, министерством просвещения, министерством иностранных дел и министерством интеграции. Исполнительным директором проекта мы назначили Анну Губерман, молодого и активного члена общины. В ответ на ее обращение более 20 средних и художественных школ прислали свои рисунки. Со всей Латвии нам пришло более 320 рисунков. В последний момент присоединилась израильская школа Хабад из города Лод: оттуда пришло шесть рисунков, но, согласно условиям, израильтяне не участвовали в конкурсе. Участвовали школьники из еврейской рижской школы им. Шимона Дубнова, но большинство участников – латышские и русские дети.

Очень интересно посмотреть, как дети в тех местах, где евреев уже нет, представляют себе еврейское присутствие. Вот шестилетняя девочка бесхитростно рисует деревянный домик и шестиконечную звезду над ним. Или 14-летняя участница конкурса из города Преили рисует мемориал погибшим местным

евреям – ее рисунок получил приз. Понятно, что они что-то чувствуют, когда это изображают. Или другая участница нарисовала синагогу в огне: это ее воображение, видеть такое она не могла. Все рисунки опубликованы в цветном каталоге с текстом на латышском и английском языках, это также издание «Шамир». Мы решили, что все победители в конкурсе будут равны между собой – для детей это важно, – и выбрали четырех лучших. Призом для них была поездка в Прагу, посещение еврейских кварталов города и Еврейского музея. Многие другие участники стали лауреатами и были отмечены дипломами «за художественное исполнение», «за понимание действительности» и «за понимание еврейской традиции». И каждый ребенок получил в подарок книгу «Евреи Латвии» на латышском языке и диплом о своем участии в конкурсе.

16–17 мая, при подведении итогов конкурса, все рисунки были выставлены в Доме Конгрессов. Присутствие представителей сейма и министра просвещения на открытии выставки подчеркнуло важность этого конкурса. Он посвящен памяти исчезнувших еврейских общин Латвии и осуществляется в рамках исторического проекта «Латвия. Синагоги и раввины» покойного раввина Натана Баркана.

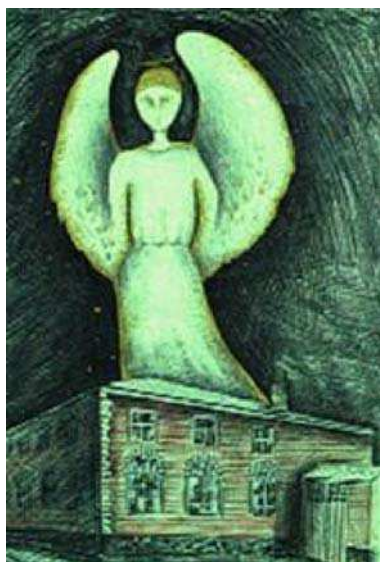
Ōāyēü Ī āāāēēīō, Ī āēōāā Āāī ēēyēü

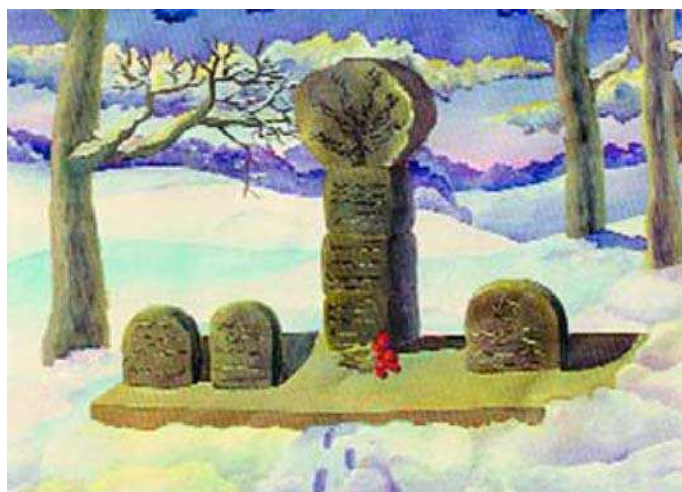
Ī ēāy Ī ē-ōēīā, Āāōā Ēīçā, Ī āōāēiy Āāī ēīā, Āēēā Dīāāā

Ōāyēü Ī āāāēēīō, Ī āēōāā Āāī ēēyēü

Аелá Ĩ еáаíтáа. Ĩ áаáа í аи́и.

Рееŷ Ĩ тáаíт-иŷ. Ĩ áаáа í аи́и.

17 ноября, в День независимости Латвии, выставка будет повторена в Музее Диаспоры в Тель-Авиве.

Еще один наш проект – создание точных архитектурных макетов синагог в масштабе 1:50. Макеты снабжены фотографиями и аудиолекциями о местечках или городах, где синагоги находились. Новая выставка, подготовленная «Шамир», откроется 27 июня и продлится весь июль, а разместится в «Доме Братства Черноголовых» в Старой Риге. На ней будут представлены участвовавшие в конкурсе рисунки, 48 больших фото исчезнувших синагог, восемь макетов синагог, в частности макет Хоральной синагоги Риги. Мы выставим также изданные нами книги.

К началу выставки должен быть готов еще один проект: карта автомобилиста, где отражена история евреев Латвии. Карта уже в печати. В ней будут обозначены бывшие и существующие синагоги, кладбища, места массового захоронения, где стоят мемориальные памятники (их около 40), места концентрационных лагерей на территории Латвии и около 40 предполагаемых мест массовых расстрелов. Карта будет издана в двух вариантах: с надписями по-английски и по-русски, а также на латышском и немецком языках.

Еще одна важнейшая для нас программа – написание нового Свитка Торы. В Святой Торе 79 976 слов. Это число совпадает с числом евреев Латвии, погибших в Катастрофе. 16 мая в память о них «Шамир» объявил о создании нового Свитка. Многие из погибших безымянны, поэтому каждое слово в свитке будет напоминать об одной из жертв. Есть такое пожелание, чтобы каждый еврей раз в жизни

Ї АСЄ ОІА!

Дорогую сестру и бабушку Маню Абрамовну Беренгольц поздравляем с 80-летием и желаем здоровья и долгих лет жизни. Счастья тебе, сестричка!

Сестра Анна, Женя и Оля

Еврейская община Смоленска поздравляет июльских юбиляров Гельфанд Юлию Хаймовну, Лившиц Марию Наумовну, Трифонова Юрия Аркадьевича, Черномордик Софью Абрамовну.

Желаем им здоровья, радости и благополучия до 120!

РЕГИОН : ЧЕЛЯБИНСК

נוֹי עֵאֹ עֵנִי וְוַי עֵי

*Á yòì àáò ñèíáááà ×áéyáéíñá - íáíà èç ñòááéóéò, ñòááéáóéòñy á ðíñé, -
íòì á-ááò þáééé. Ñòì éáò íáçáá çááñí íà Ýóóéíà, áñì áá - à á òó ýíðó óééóá Ì áñòáðíáé, -
ííyáééíñíyòí éðáñéáí, íí ì ííáñò ðáááéúí íá çááí éá*

Челябинск – миллионный город, евреев на сегодняшний день здесь проживает около 10 тыс. Впервые они появились в этих краях в первой половине XIX века. Тогда на Урал целыми партиями отправляли еврейских мальчиков, часть которых раздавали до совершеннолетия крестьянам, а часть – направляли в школы военных кантонистов. Солдаты-кантонисты, служившие в ту пору по 25 лет, заводили здесь семьи, положив начало еврейскому населению Урала. В том числе и Челябинска – города, основанного в 1736 году на месте башкирского поселения Селяба (Челяба).

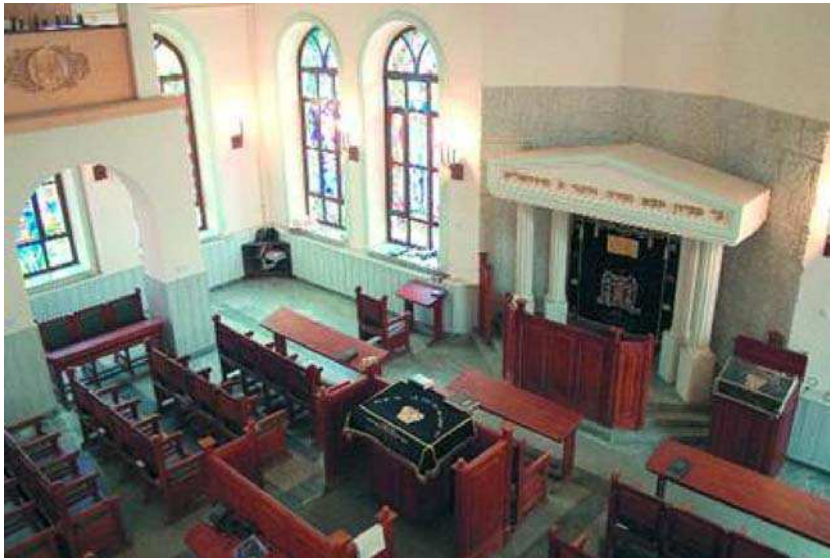
К концу XIX века еврейское население города значительно умножилось. Евреи селились в основном недалеко от центра, в районе улицы, носившей название Мастерская. Были в этом районе деревянные молельные дома, по воспоминаниям очевидцев, регулярно горевшие. Здесь же обитал купец 2-й гильдии Соломон Брент, в 1884 году купивший участок земли по адресу Мастерская, 6 специально для строительства капитального здания синагоги.

Через 10 лет Соломон Брент умер, так и не успев осуществить задуманное, но территорию по улице Мастерской завещал под строительство храма, которое и началось в 1903 году, а закончилось в 1905-м. Неизвестным теперь уже архитектором, на добровольные пожертвования, по всем канонам было выстроено кирпичное здание синагоги площадью более 400 квадратных метров, в два этажа, с молельным залом и балконом, крытое железом. Звезды Давида на толстых стенах не уничтожили ни время, ни Советы.

При синагоге открыли еврейскую школу, погребальное братство (еврейский квартал на Цинковом кладбище существует и по сей день), пункт помощи бедным евреям. До Октябрьской революции, по свидетельствам современников, здесь наблюдалась бурная еврейская жизнь. Во время первой мировой войны в помещении синагоги располагался небольшой военный госпиталь, который обслуживал не только евреев.

Начиная с 1919 года «бурная жизнь» постепенно сходила на нет: были запрещены книги на иврите и изучение самого языка. Церковь отделили от государства, еврейскую школу ликвидировали. В 1921 году была конфискована вся серебряная утварь, а в 1929-м указом большевистских властей синагогу закрыли, и на долгие 63 года это здание перестало выполнять свое истинное предназначение.

В начале 1930-х годов синагога была превращена в концертный зал, а с 1937 года стала... протезно-ортопедическим предприятием. С тех самых пор здание не знало ремонта, его планировка была нарушена: внутри выстроили дополнительный этаж, сделали склады и мастерские, поставили станки.

Основой молитвенной жизни еврейской общины, как известно, является наличие как минимум десяти евреев-мужчин и одного свитка Торы. И если с миньяном проблем не было, то со свитками Торы у челябинской общины, по воспоминаниям ее нынешнего председателя Абрама Жука, истории случались почти детективные.

В 1970–1980-х годах, когда религиозная деятельность в СССР находилась под негласным запретом, члены еврейской общины Челябинска арендовали квартиры и собирались тайком – молились «подпольно». Тогда у них имелось два свитка Торы. В 1987 году общину постигло большое несчастье: на съемной квартире свитки Торы украли. Возможно, «помогла» квартирная хозяйка – в любом случае в те времена в милицию с подобными жалобами не обращались... Впрочем, из сложившейся ситуации сумели найти выход. Как в старом анекдоте: «Нам было трудно, но мы достали». Вскоре у общины снова появились два свитка Торы.

В 1992 году, после долгого хождения по инстанциям, синагога на улице Пушкина, дом 6б, была возвращена общине. В том же году ее тогдашний председатель Михаил Наумович Мохрик зарегистрировал устав. После передачи помещения евреям, по словам Абрама Жука, избранного председателем общины в 1998-м, «это было не здание, а хуже сарая»: окна и арочные пролеты женской галереи заложены, полы провалены, полно крыс... В полуразрушенной синагоге, где, кроме стен, ничего целого не осталось, проводили молитвы, отмечали праздники. Сюда приехали первые раввины...

Тогда община находилась на стадии становления: не было ни секретаря, ни телефона, ни пишущей машинки, не говоря уже о компьютерах и Интернете. Охрана отсутствовала, сейф, в котором хранились свитки Торы до появления Арон-Койдеша, толком не закрывался. Увы, несчастье повторилось: в 1996 году оба свитка Торы опять украли, теперь уже из синагоги...

В том же году началась реконструкция здания. Восстанавливать его помогали местные бизнесмены и предприниматели, руководители предприятий, губернатор области и мэр города. Большую

поддержку оказал главный раввин России Берл Лазар. В Челябинск приехал раввин Меир Кирш, и к открытию синагоги, которое состоялось 20 октября 2000 года, один свиток Торы челябинской общине передали из Москвы. «А с одной Торой очень неудобно, – убежден Абрам Жук. – Например, если новомесячье – надо листать без конца, это очень плохо. Минимум надо две Торы, а еще лучше – три-четыре».

В 2001 году председатель общины Жук и раввин Кирш случайно узнали о том, что в Центральной публичной библиотеке Челябинска с 1941 года хранится свиток Торы, привезенный сюда в период эвакуации из западных районов страны.

Свиток хранился в фонде редких изданий, получить доступ к которому было непросто, но всё-таки Абраму Ицковичу это удалось. Он убедился, что Тора находится в прекрасном состоянии, и, как он признается, «мы загорелись желанием ее достать». Абрам Жук и раввин Меир Кирш обратились к директору библиотеки с просьбой передать этот свиток общине. Но, по словам председателя общины, «заведующая библиотекой оказалась злая» и категорически отказалась передать Тору еврейской общине. «Она сказала: “Никогда!” – вспоминает беседу с непоколебимой директрисой Абрам Ицкович. – Ладно, реб Меир, пойдём. А вам пусть Б-г поможет, сказал я ей. И мы пошли...»

И всё-таки этот свиток оказался в синагоге. Как бы извиняясь за происшедшее, Абрам Ицкович рассказывает: «Через какое-то время эта директриса заболела. Она еще не старая была, где-то лет 50 с чем-то, но скоро скончалась... Вместо нее осталась заместитель. Мы написали письмо, обратились в областную администрацию, и там разрешили передать свиток еврейской общине! Это был большой праздник, мы пригласили телевидение, сделали это очень торжественно».

Сейчас в челябинской синагоге снова две Торы. Правда, второй свиток пока не получил благословения: «Никак не соберемся в Москву. Хотя она совсем новая, но всё равно надо везти Тору к сойферу на проверку», – поясняет председатель общины.

На фасаде здания синагоги, внизу, заметны следы черной краски. «Недавняя работа местных скинхедов,– объясняет один из членов общины. – Самое интересное, что в милиции их всех знают и в лицо, и по именам – мне недавно один знакомый мент рассказывал. А как подобное ЧП случается, так найти не могут...»

Так что страдает челябинская синагога и по сей день. Но продолжает жить, и довольно активно. Не так давно построили прекрасную микву. Ежедневно проходит общественная молитва, открыта благотворительная столовая, под руководством Елизаветы Златкиной и ребецн Дворы Кириш собирается женский клуб, городская еврейская библиотека при синагоге под опекой Зинаиды Соломоновны пополняет свои фонды. Работает также воскресная школа, молодежный клуб, детский летний лагерь. Община организует гуманитарную помощь и делает всё, чтобы каждый, сюда пришедший, почувствовал заботу о себе.

ĪĀĪĪDŌĒĒĒ ŌĒĒĪŪĪ

Ō eim ai nēiā i eimō aēy Ī eāēy Nādaai ō aīā āā Nāāāāāā aūēi i ōi cāēuā Ī ai ēi āā Ēāi ai ōi - Īāi i dōēēē ēc Ēāi ai ōi. Ā i i dōēēē i nāāē ai ēē ō yō i ā ā ō i āā āāāōēēē i eimō aēy i i ō a dōēēē ōēā Ī eāēy Nādaai ō aīā cī ā pō aīā Ēī i nō ai ōē i ā Yēāāēū ai ā - ā i m i ā i i ō i ēūēi ā āēy aēi nēi ē nē i āā āā Ēi ai i i cāā i i ū i i cī aēi ēēē i i yōēi āāēāō aēū i i āē i āē i ē i ū nēēō aēāi - Īāi i dōēēēi Ōēē i mō i ēc xāēy aē i nēā

Константин Рувимович цитирует, как хороший раввин. Но тот «на острие иглы» знает Тору, а Константин Эйдельман – историю, философию, политологию... И, конечно, логику. На стыке гуманитарных наук он создал свою собственную теорию – «логическое структурирование информации». Она крайне важна для теории познания в целом, приложима ко многим дисциплинам и по большому счету необходима всем, кто занимается научной деятельностью. Но о ней никто не знает.

Впрочем, с ней знакомы бывшие ученики Константина Рувимовича и некоторые специалисты. Однако наилучшее представление о ней имеют члены челябинской еврейской общины. Здесь, в синагоге, Константин Эйдельман регулярно, изо дня в день, проводит свои «политинформации». Этот политический ликбез – «просвещение нормативными актами» – он также логически структурировал, ввел три уровня: во-первых, информация федеральная, во-вторых, региональная, в-третьих, муниципальная («горе-администрации и горе-думь»). И подкрепляет свою просветительскую работу соответствующими источниками – в основном газетами, которые приносит с собой и раздает таким же, как и он, старикам. Остальные источники носить с собой не надо – они в голове. Цитирует Эйдельман феноменально, с точностью до запятой.

Вообще-то стариком Константина Эйдельмана назвать язык не поворачивается. На 80-м году жизни он не выглядит и на 70: невысокого роста, худощав, одет очень опрятно, хотя скромно. Правой руки нет. Удивительная ясность глаз и невероятная стройность мысли. В переводе с немецкого (и с идиша) «эйдельман» – «благородный человек». Истинно так.

Он родился в 1926 году в Бердичеве Житомирской области. После начала войны семью эвакуировали сначала на Кубань, где Константин работал в колхозе, а затем в Сталинград, где с 15 лет он начал работать на металлургическом заводе «Красный Октябрь». На завод брать не хотели, у несовершеннолетних – сокращенный рабочий день. Но он заявил, что будет работать по 12 часов, как все. Тогда ему выдвинули второе условие – работать на долбежном станке. Это были старые немецкие

конструкции, у которых не было автомата – «самохода», и 12 часов кряду он вручную подавал стол на резец. Работа была адова: «С ума можно было сойти, с тех пор у меня ноги больные», – вспоминает он. Когда немцы подошли к Сталинграду, ему не было и 16-ти.

Рассказывает Константин Эйдельман:

– Как всегда, у нас было типичное для России безобразие: Джугашвили собрал все войска под Москвой, и танковые колонны фашистов 23 августа 1942 года прошли от Дона до Волги за несколько часов. Не только никто не организовал сопротивления – никто ничего не знал! В штабе фронта за Волгой об этом узнали раньше, чем в штабе 62-й армии, которая защищала город. Страшно что творилось, голову нельзя было поднять весь день! Всё пространство, вся переправа через Волгу простреливались всеми видами оружия – и с земли, и с воздуха. Одни отбомбились, уходят – другие заходят на цель. Дело не только в страхе, дело в обиде: почему они над нами летают безнаказанно? Где же наша авиация?

Я уже тогда понимал, что Джугашвили – сволочь. Ведь по условиям Версальского мира от 28 июня 1919 года Германии за то, что она развязала первую мировую войну, было запрещено иметь танковую и воздушную армии. Так они у нас в Липецке готовили летчиков, а в Казани – танкистов. Там они подготовили всю ударную силу! Зато Сталин уничтожил весь комсостав Красной Армии...

Счастье для Сталинграда, что, когда 23 августа 1942 года фашисты прорвались к Волге, командующий группировкой не рискнул пройти весь город. Они понимали, что танки в городе могут поджечь, и остановились на сутки. Это и спасло Сталинград. За ночь заместитель председателя Совнаркома Малышев, который прилетел из Москвы, организовал оборону. Рабочие Сталинградского тракторного завода сами делали танки. Они сели на них и закрыли фашистам путь. А те могли пройти весь Сталинград с севера на юг – 65 километров – буквально за несколько часов. Уже после войны начальник германского штаба сухопутных войск Гальдер в своих мемуарах писал, что они увидели за рычагами танков людей не в военной форме, а в спецовках. Это были наши рабочие. Там погибло страшно много народу...

В конце 1942 года с семьей – отцом, матерью и сестрой – Константин был эвакуирован из Сталинграда в Челябинск. По его словам, на Челябинском металлургическом заводе погибло страшно много людей: «Завод строили на костях. Задача была – дать качественную сталь, без которой воевать невозможно. А на людей было наплевать».

В первом электросталеплавильном цехе этого завода погиб его отец... В железнодорожном цехе стала инвалидом и вскоре умерла сестра... Здесь же 8 марта 1945 года 18-летний Константин Эйдельман лишился правой руки...

Однако даже после того, как ему оторвало руку, Константина не отпустили с завода. Открыли ФЗО №5, где он учил ребят, своих сверстников. Здесь же, на Челябинском металлургическом, ему пришлось учить немецких военнопленных работать на их же станках XIX века, 90-летней «древности».

Константин Эйдельман вспоминает:

– Немцы – самая культурная нация. Солдаты вели дневники, чего у нас даже генералы не делали! Но Гитлер их оболванил еще до войны, за шесть лет... Когда я им говорил, что наша армия вышла на границу СССР, они не верили, говорили: «Это всё ваша пропаганда!» Я, пацан, всё думал: чем же их пронять? Хотя Гегель, Кант оттуда вышли, а логики у них никакой! Раз логике не поддаются, надо обратиться к эмоциональной сфере. Я знал, что их воспитывали на пословицах (до Гитлера, конечно!). И вспомнил эквивалентную нашей немецкую пословицу: «Ви дер шнихт ист фйин гешпонен, ист эр эндлих ин ди зонен» («Как тонко ни пряди нить, она всё равно окажется на солнце» или «Сколько веревочку ни вить, а кончику быть»). Я им рубанул. И они были совершенно потрясены тем, что за Уралом я привел им пословицу их детских лет, про которую они уже забыли. И тогда они поверили...

Со стороны кажется, что потерять руку, да еще в такие лета – страх и ужас, ни с чем не сопоставимый. Но, по словам Эйдельмана, потеря правой руки в 18-летнем возрасте – это ничто по сравнению с тем, что ему пришлось пережить в 1942-м, в Сталинграде, где он был заживо погребен.

Константин Рувимович рассказывает:

– Меня в Сталинграде живым похоронило. Такая была жуткая бомбежка, – накрыло щель, где я прятался, и выбраться было невозможно. Но мне повезло – немцы перенесли огонь в другой сектор. Меня откопали. Я от страха был весь мокрый. И потом, когда я преподавал, студенты всегда кричали: «Сейчас будет философия – открывайте окна!» Жарко мне теперь всё время, душно после этой живой могилы. В Сталинграде смерть была явлением обыденным. Но так умереть – закопанным заживо, задыхаться постепенно, пока не помрешь, и никто не узнает, где ты похоронен... Я ребятам с «Курска» больше всех, думаю, сочувствовал...

После войны он учился в Челябинском педагогическом институте на историческом факультете. Был единственным отличником на курсе. Но в январе 1949 года началась борьба с «космополитами». Студента второго курса Константина Эйдельмана обвинили во «вредных политических убеждениях». Начали таскать по инстанциям – комитет комсомола, райком, горком, обком... У него, еще полностью не пришедшего в себя после потери руки, испытывающего сильнейшие фантомные боли (когда болит кисть руки, которой нет), на фоне переживаний начинается туберкулез в открытой форме...

Ему тогда сказали: «Уезжай, пока тебя не посадили». Он поехал в Днепропетровск, поступил на историко-филологический факультет тамошнего университета. В 1953 году окончил, вернулся в Челябинск. А после научного доклада, прочитанного в Москве, его пригласили работать в МГУ. Но без партбилета и с «пятой графой» это было невозможно, ведь философия и политэкономия в те времена были дисциплинами идеологическими. Поскольку дорога в высшие учебные заведения для него была заказана, Эйдельман преподавал обществоведение в выпускных классах вечерней школы, в Институте усовершенствования учителей, редактировал учебники... И разрабатывал свою научную теорию.

Итак, Константин Эйдельман занимается логическим структурированием информации. Что это такое? Простой пример: известный еженедельник «Аргументы и факты», согласно теории Эйдельмана, правильно должен называться по-другому: «Факты и аргументы». Впрочем, если вдуматься, в соответствии со здравым смыслом – тоже. С помощью своей системологии Эйдельман, к примеру, может объяснить основные философские категории ребятишкам в детском саду на кубиках!

Мысли челябинского философа – не только о науке и не только о прошлом. О современности он думает не меньше. Константин Рувимович объясняет: научно-технический прогресс высвобождает время, силы и средства человека. Причем как для хорошего, так и для плохого. К сожалению, современное человечество использует эти преимущества не во благо. В настоящее время, по мнению Эйдельмана, происходит тотальная дегуманизация общества. К чему это приведет? Увы, перспективы не радужны...

Константин Эйдельман – Однорукий Философ из Челябинска. В сражении с тем временем и этим городом он потерял не только руку – он потерял здоровье, родных, возможность полноценно работать и делиться своими замечательными идеями с широкой аудиторией. Но он сохранил себя – свое благородное сердце, свое достоинство и глубокий аналитический ум.

Ёёу Ёади́а ёѳ

ЇÀ ÁÁËÎÑËÌ ÁÁÁ ÈÇ ÁÁÁ

*Á +æÿæííéíé íëíáááá áá íáçíááò ìðíòí áÿáÿ Ì èòá, ðíòÿ á ÿòíí ááò ìí íòí áòèè
íáèèèè - 85 èáð. Ìí æóòíááð - áááò íááÿ çí áòü ðááíòá èóçí áòíí á òá-áí èá 60 èáð...*

Дядя Миша – Михаил Моисеевич Валицкий – кузнец потомственный. Родился в 1920 году в местечке Остыно Гродненской области, на границе с Литвой. Тогда это была территория Польши, а с 1939 года – советская Западная Белоруссия. С детства, сколько себя помнил, работал в кузнице. Вместе со старшими братьями, Яшей и Исааком, помогал отцу – Моисею Ароновичу. Тот был хороший кузнец, которого знала вся округа, и жили они зажиточно – большая кузница, свой дом. Отец учил ремеслу, был хоть строгий, но добрый – зря не ругал.

Кроме двух братьев, у Миши были еще пять сестер, поэтому работать приходилось много. И хотя две старшие – Хана и Кейля – вскоре вышли замуж, а средняя, Шейна-Лея, сама работала, была портнихой, жилось нелегко: утром – школа (тарбут), потом – в кузнице с отцом и братьями... Сестра Злата училась в Гродно, в еврейской гимназии, а младшая, Мария, была маленькая, в школу еще не ходила.

В свободное время маленький Миша играл с соседскими ребятами. Кто поляк, кто литовец, кто еврей – дети особо не разбирали. Разница была лишь в том, что у соседей дома говорили по-польски и по-литовски, а у Миши – на идише. В школе преподавали на польском и иврите, но он знал и литовский, и белорусский, и украинский. Хорошо давался ему и немецкий, которому учили в тарбуте.

В 1939 году пришли «красные». Миша к тому времени уже вырос: 19 лет было, 7 классов еврейской школы давно окончил. Тогда он впервые услышал русскую речь и слова «Советы», «РКСМ». К началу войны Михаил вступил в комсомол.

23 июня 1941 года, на второй день войны, немцы вошли в Остыно. Собрались Мишины друзья, комсомольцы. И пока немцы входили в местечко с одного конца, десять юношей решили с другого конца уехать на велосипедах на восток, к российской границе. Они надеялись, что немцы скоро уйдут, и они вернуться. Секретарь райкома так и сказал: «Давайте на велосипедах отъедем, а когда погонят немца – обратно вернемся». На том и порешили. Но обратно вернуться не пришлось...

Михаил Моисеевич рассказывает:

– Из дома пришлось выскакивать через задние двери. Когда сказал маме – ее звали Алта, Алла Исааковна, – что уезжаю, она закричала зятю, мужу сестры Ханы: «Возьми веревку, связывай его, не пускай!» И я как был в тапочках – ведь лето было – так и выскочил через задние двери. Мы с ребятами собрались все за городом и на велосипедах уехали. Больше я никого из своих не видел... Вся семья осталась там, другой возможности эвакуироваться не было – мосты все взорваны, кругом война...

Десять друзей проехали на велосипедах до Рославля – 1800 километров! Дорогой ели что попало, кормились с полей... 7 июля 1941 года в Рославле их задержал военный патруль. Михаил был мобилизован и до 2 февраля 1942 года служил телеграфистом в 7-м полку связи, в 200 км от Куйбышева.

Перед тем как полк отправить на фронт, по приказу отбирали всех «металлистов» – кузнецов, слесарей, токарей – и отправляли в тыл. Поскольку Михаил был кузнец с опытом, его направили в Челябинск. Так, в феврале 1942 года он попал на 254-й военный завод, ранее – «Сельмаш», ныне – «Сигнал». Там и проработал всю войну.

В 1944 году Гродненская область была освобождена. Михаил написал соседу, спросил о судьбе родных. Тот ответил: «Вся семья погибла. С 1941 по 1942 год они были в гетто, а потом всех отправили в Освенцим...»

Три раза – в 1945, 1946 и 1947 годах – Михаил приезжал на родину. Родительский дом уцелел, но он его продал...

Небольшой черно-белой фотографии, которую он всегда носит с собой, уже 70 лет – она была сделана в 1935 году. Тогда тетка Нэди, жена папиного брата Захария, в 1905 году уехавшего в США, приезжала к ним из Америки. В честь этого события они и сфотографировались. На фотографии – все ОНИ, вся семья Валицких... А еще семья папиного брата Гершла, семья их сестры Рахели. Самому Мише здесь 15 лет – он стоит в верхнем ряду слева...

Эту память он пронес с собой через всю жизнь. Б-г дал прожить 85 лет, родились сын и дочь. Он рад за свою семью, за восемь внуков, которые уже совсем взрослые. Один из них подарил ему правнука, скоро будет второй – правнук или правнучка... «Но то, что произошло там, что все погибли, – болит в сердце...»

И иногда кажется, что живет он за них за всех – за маму Алту, папу Моисея, братьев Якова и Исаака, за сестер Хану, Кейлю, Шейну-Лею, за Злату и маленькую Марию... Он один за всех, оставшихся ТАМ.

Èëÿ Èáðíáí èí

*P. S. **Áíá** ááÿóï ðííóáé, èí òí ðíá ááæáèè èç ðí ãðá-èá íá ááèííéí áááð, ðéóæèèè á íáí ïí ïíèèó (7-í ïíèèó ðÿçè). 2 óááðáÿ 1942 ááá, áí ãðá ðí ï èðáèèí ï ïèíááè-áí, á ÷áÿáèííè íá áíáí íúé çááíá áúèè íáí ðááèáí ú áúá òðíá (íí èóçí áóíí, á òá - ðèáíáðÿí è). Ðááí òáèè áíá á-áó ááðíí íá çááí áá áí 1950 ááá, ïíèá èð íá çáíèèèè (ÿòí áúèí ááá ÿ áí ðíáú ð èíí ïííèèðèçí ïí). ï èðáèèó ðéóæèèè á áèíó «íáÿçí ð çááðáí èðáé»: ð òí è ïáí íé áí áðèèáííèíé òáðóðèíé ï ÿáè, èí òí ðáÿ ïíçèá ðáçííèáèá ááí á ÷áÿáèííèá è -áí ïíáá ïíííáèá (íðèííèáèá ïíííèèè). Òðíá òíááðèúáé áááèè íá ðíáèíó á Ááèíðííèð. Ñáè-áí èð íáð á æéáúð ï á ïíðááðèèÿ óáíðáðíð ï èðáèè ï ïèíááè-çíááð, -òí èð èç ðííèááÿ ÿááèèðíáèè á Òáðèáí ò, ááá ïíè è æèèè ïííèá áíèíú. Á ïíðíí íáèíðíðíá èç íèð ÿí èáðèðíáèè á Èçðáèèú Ñ íáí èí èç òáð áíáíáí íúð áðúçáé, Ááðáçí áíèèí, æéáúíèí á Èçðáèèá, ï èðáèè ï ïèíááè-áí ðéð ïíð íáðáí èíííááðííÿ.*

×ΑΕΙΤΑΕ, ΙΑΡΑΕΕΑΘΕΕ ΟΙΑ

Εαά Ι ιιηεεία - ίαεί ες οαί, εία Νοεαί Νιεεααά μαεδααό ιί αίι ό ί εδδ, ιιçαάαγ ματαδααίυε «ααίε ααίιυό», ίδααηοααεγυεεε μαίε ηεααοαεηυοαα Εαοαηοδίου, όιε-οίαείεγ ααοίαεηεία ααηεηοαα αί αοίοίε ίεδίαε αεία Αηου ό Εύαα Αδεαοίυαε-α ίεηυ ί ες οίία Νιεεααά, α είοίοίι αη αεαηααογο çα είοαδαηρ αεγ όίία, α οαεαα çα ί οεαηοαί ε αοοαί ορ υααδηου «Ααοά είοαδαηρ αααο ουαοαεηυί ηοδαίαι. Α ααεαίι ααοοίαι εραε ιι ίαο οαεαουί εεοα, αηευοαουαίεηα, ογίαουί ηαυααο... Ιίε ιι ίαο ηεοαουίε ό-εοιυγ. Ε αηαα ίιι ίεοι...»

Κ началу войны Льву Мопсикову было 19 лет, он окончил 2-е Киевское артиллерийское училище. В должности адъютанта командира 69-го артиллерийского полка 25-й Чапаевской дивизии он служил на границе с Румынией. В течение 1941 года его полк отступал вплоть до самой Москвы. Во время боев в районе Вязьмы немцами были окружены четыре армии, в том числе и 32-я, куда входил 69-й полк. Попав в окружение, молодой лейтенант, как и все другие бойцы, уничтожил свои документы.

На пятый день выхода из окружения, 11 октября 1941 года, Лев Мопсиков был тяжело ранен и остался на поле боя. Он сутки пролежал на траве, и немецкая похоронная команда подобрала его. Уже в этот момент Судьба в первый раз сжалилась над ним. Если бы он был солдат, его бы пристрелили. А так – привезли в сортировочный лагерь под Вязьмой. Там удача вновь улыбнулась ему.

– У меня не было ни малейшего сомнения, что я не останусь в живых, – признается Лев Григорьевич. – В то время, в ноябре-декабре 1941 года, еще не было решения о полном уничтожении евреев, но оно уже назревало. В лазареты забегали команды эсэсовцев и задавали вопрос: «Jude?» Но мальчишкой, в 19 лет, я не понимал, что такое «jude». Они выискивали комиссаров, командиров, евреев. И уже начинали убивать. Записали мои данные – фамилию, имя, отчество. И указали, что я русский. Так как я не сомневался в том, что не останусь в живых, мне хотелось, чтобы родители смогли найти то место, где я погиб. Поэтому фамилию я не стал менять, а поменял только имя, назвавшись Леонидом. Мне казалось, что Леня звучит более по-русски, чем Лева.

Но немцы, кроме того, применяли испытанный способ поиска евреев – их осматривали голыми. Льву Мопсикову повезло: в их комнате был еще один солдат-еврей, который, испугавшись, признался в этом. Его схватили и увели, а проверку на этом закончили. Льва перевезли в его родной город Смоленск, поместили в так называемый лазарет 126-го лагеря для военнопленных. У него было тяжелое ранение в пяточную кость. Однако в «лазарете» раненых не лечили и не кормили.

Лагерь для военнопленных находился в бараке на самой окраине Смоленска, недалеко от школы, где когда-то учился Мопсиков. Фашисты в то время готовились к параду на Красной площади. Пленных было огромное количество, размещать их было буквально нигде. И немцы объявили, что тех тяжелораненых, которых местные жители признают родными, отпустят «на поруки». Добрые люди и его величество Случай спасли Льва Мопсикова.

– По бараку ходили две девочки, искали своего отца – одна лет 13-ти, а другая 15–16-ти. Я с ними разговорился, и оказалось, что со старшей мы учились в одной школе. Я расплакался и стал их упрашивать взять меня домой. Они пообещали поговорить с мамой. И их мать, Ольга Игнатьевна Вишняк, решила мне помочь: пришла к командованию лагеря и сказала, что нашла родственника. Мне дали какой-то документ об освобождении из лагеря, и на саночках, так как нога у меня не работала, они увезли меня к себе домой, в мазанку на окраине города. Маша (старшая из сестер) работала санитаркой, носила из больницы медикаменты, промывала мне рану. Немецкий врач спрашивал: «Кому ты носишь лекарства?», а она отвечала: «У меня братик приехал».

К февралю-марту 1942 года немцы стали сгонять евреев в смоленское гетто. Вывесили везде объявления, что за укрывательство евреев и коммунистов – смертная казнь. Соседи стали говорить, что я похож на еврея...

Лев ушел, не желая подвергать опасности своих спасителей. Он обратился в городскую управу, где бургомистром был местный житель – профессор медицинского института Базилевский. Леонид показал ему справку из лагеря, где было указано, что «Мопсиков Леонид Григорьевич, русский, военнопленный, ввиду тяжелого ранения непригоден ни к какой воинской службе». Рассказал, что родом из этих мест, но родных никого здесь нет, он бродяжничает. Из лагеря его освободили, так как там не хватает мест. И попросил определить его на какое-нибудь казенное содержание.

Три дня, пока не решился его вопрос, Лев жил в управе. За это время здесь побывала бывшая дворничиха из их довоенного дома. Он узнал ее по голосу, накрылся каким-то тряпьем, притворился спящим... Через три дня на старенькой машине городской управы его отвезли в интернат для инвалидов. Этот дом находился на окраине Смоленской области – карательные бригады, выскивающие евреев, так далеко не заходили.

– Там было хорошее, доброе пристанище. В доме инвалидов нас, военнопленных, было двенадцать человек. Кто был без рук, кто без ног, кому снарядом выжгло глаза. Поэтому мы чаще всего объединялись по парам. Мы с одним слепым солдатом, Ильей Найденовым, вместе ходили по деревням и просили Христа ради милостыню, за счет этого и питались. Я не мог нести сумку, так как был на одной ноге, а он мог нести, но не видел. Обошли вдвоем порядка 50–60 деревень. Я дал себе слово, что, если выживу, отвезу Илью домой, в Оренбургскую область...

25 сентября 1943 года наши войска освободили Смоленск. Радости не было предела! В Смоленском райвоенкомате мы получили справки, литер на проезд и аттестат на питание. Своим родителям я сообщил, что жив. Два года они считали меня «без вести пропавшим». Мы поехали к Илье домой до станции Орск, а оттуда 6 ноября 1943 года я приехал к родителям. Они в это время жили под Челябинском.

Больную ногу удалось спасти, и в 1944 году Лев Мопсиков получил инвалидность 2-й группы. Сегодня, в который раз рассказывая свою удивительную историю, на его глазах появляются слезы.

Лев Григорьевич не забыл своих спасителей. На протяжении более чем 60 лет он помнит о них, много раз бывал в Смоленске, старшая дочь Ольги Вишняк – Мария Ковалева – приезжала в Челябинск. Сейчас в живых осталась только она, живет одна. Мария Ивановна и Лев Григорьевич считают себя сестрой и братом. Жена Льва Григорьевича, Нина Соломоновна, говорит: «Он должен был жениться на ней, а не на мне. Она спасла ему жизнь».

Марии Ивановне помогают материально и Лев Григорьевич, и смоленская еврейская община, и местное отделение благотворительного фонда «Хесед». Их хлопотами 22 декабря 2002 года Ольге Вишняк и ее дочери Марии Ковалевой Иерусалимским институтом Яд ва-Шем «в знак глубочайшей признательности за помощь, оказанную еврейскому народу в годы второй мировой войны» присвоено почетное звание Праведников Мира. Им были вручены медали и почетные грамоты, их имена выгравированы на Стене Почета в Яд ва-Шем, в их честь на аллее Праведников Мира высажены деревья. Воистину: «Спасший душу одну – спас весь мир!»

Сей деаа Одиаа

Î ÁÎ × ÊÁ È Á-ÆÚÁË ÈÑËÐÁ

«Ñeäy íá áí-éá ñííðíòíí, íá áñèòá Á-æyþ eíèðò!» - ñeáçæ Î. Èææèèèè. Èæè ðaç ííðíòá þíúí æyæeíñeí ííyòáí íá çáíeí àòú Èííá Èèòíeñ è Áñáñeíá Øeíeòúí eç èèòáðàòòðííe ñòóæè «Î èèá» íðè æóðíæá «Ëyðyí» íaçaíú ííææèðæyí è æàðíeíñ íææáñòííá ííyòè-áñeíñ òòðíeðá «Ñáðáðyííá íáðúøeí», ííñáyúáíííá 60-éàðeþ Ííááú. Ííe çáíyèe íáðáíá è òðáòúá í áñòá Èííá, íðááñòáæèæoäy íá eííeòðí ñeáçeó «Ííñáá áúñòñy íá ñ-áñòúá», ó-èòñy á øeíeá «Îð Ááíáð». Ñááá çáíeí áàðñy á áñeðáñííe æðæeíñeí øeíeá Áá ñèèè - í æðæeíñeí eñðíðèè è òðáæèèè. Òáí á íeáçæeáñí eíðáðáñíá íá òíeúeí æðæeíñeí íáúeíá xæyæeíñeá, íí è æáíáí æþðè, è ó-áñòíeéáí eííeòðíá. Í ðíeçáñíáíeý ííææèðæeí æúúò ííóæeéíáíú á ñáíðíeéá «Ñáðáðyííá íáðúøeí». Ñòóæy «Î èèá» ííá øeíeíáñòáíí ííyòá Áííú Èeííeñ ðááíðááð íí-ðè íyòúéáð, è áá ó-áñòíeéè íá áíáðáíá ííeó-áþò çáíeý eáððááòíá è ííææèðæeí ðaçeè-íúð eííeòðíá, á òíí æeíéá í ææáðíáðíáíe æeáñòáíðeòæeúíe í ðíáðáí í ú «Í íáíá eí áíá».

ÈÑÕÍÁ

ÐÁÁÑÒÁÎ

Ðááñòáí - áíáíeý, ííæeí íááí eá

Ðáá áaç ðaçðæçáí úy í á áíeáí

áçáíòí òòú

Ñeéúú úò í áá ñeááúí è áíçáúøáí eá

Ææááøú ñáíáíáú? Í ñò ááú

è çááóúíí

ÑÁÍÁÍÁÁ

Ñáíáíáá - òyææeíá áðáí y ææeáíeé.

Í øíeæè òú ñáíáíáí è ñò ðáð èñ-áç

Áá í á áí áááááááááá, í á çí äý ñò ðááááí éé.

Ñáíáíáá – ííááðíé è èàðà í ááááí

Á Í Ó Ñ Õ Ò Û Í Á

Í í èà ý ó äé í í èññóáí í í ò í ááéá

Í óñò ù í í ú é ááðáð í í á í ááá äé

ò í ñéá

Β áñí ñí í éé áééíá, æáðééé í í ò

è ñéñò áé:á

È ñ áó æáñò í ééé óáðáí í á í áéá:á

Í í ÷ áé:ò í áéíñ ðáçíáá äé

áí áçáí í í áááááááá

«Çááááááá í ðí óéíí è ñ í ò ðé

áí áááá, è í óñò ù..

Ñéýáð ñéí óá è óááò óó áí éðáá

óááò ù!

Áááááá áí í ááí ñáí ááí ùí

áááááááá ò ù!»

Áíááéíá Óéí éóúí (13 éáò)

А любите ли вы театр так, как любят его участники челябинского еврейского литературно-музыкального театра «Зеркало»? Два раза в неделю в половине шестого вечера, когда другие дети, наспех сделав уроки, уже прильнули к обожаемому телевизору или гуляют допоздна в мало озелененных дворах, самоотверженные любители театра занимаются в уютном зале Центральной детской библиотеки им. Горького. Здесь под руководством педагога Александры Слеповой юные актеры совершенствуют свою дыхательную систему (чтобы лучше говорить и меньше простужаться), выполняют упражнения на расслабление (отличный способ отдохнуть после учебного дня), на внимание и воображение, учатся жить и работать в коллективе. Хотя многие актеры еще очень юны (в кружке занимаются дети от 6 до 13 лет), они уже могут сказать одну и ту же фразу с семью различными интонациями, общаться при помощи жестов и мимики, станцевать на стуле, придумать и разыграть сценку на тему еврейской истории. Мальчишки и девчонки из челябинской школы «Ор Авнер – Хабал-Любавич» – основа творческого коллектива, а вместе с ними погружаются в еврейскую традицию и развивают свои творческие способности ребята из других школ города и даже старшие «детсадовцы».

В марте 2004 года педагоги Центра детского творчества при Центре еврейской культуры составили программу занятий театром, вокалом, хореографией и рисованием, куда органично вошли элементы арт-терапии и цветотерапии, лечебной физкультуры и правильного дыхания, что позволяет детям не только развивать свои творческие способности, но и укреплять организм. Главное же, о чем знают преподаватели: в каждом ребенке есть Б-жья искра, надо разглядеть ее и помочь сохранить. За урок ребята успевают услышать рассказ о сотворении мира, узнать, как развлекаются и смешиваются краски, воплотить свою фантазию на бумаге... Руководит студией изобразительного искусства «Атиква» Елена Акрамовна

Шипицына, известный в городе искусствовед, сотрудник Областной картинной галереи. Художники из «Атиквы» в этом году провели несколько выставок в Хеседе, выставку «Читаем Тору» в библиотеке при синагоге. Лучшие из рисунков, а также кроссворды и ребусы на знание еврейской традиции опубликованы в молодежном журнале «Кэрэн».

Одно из самых ярких воспоминаний ушедшего года – ханукальный спектакль театра «Зеркало», названный «Бейс-дин у моего отца» и посвященный 100-летию со дня рождения еврейского писателя, нобелевского лауреата Исаака Башевиса Зингера. Премьера состоялась 12 декабря в челябинском Доме актера. Три разножанровых отделения спектакля не давали зрителю возможности скучать: новеллу-притчу «Почему Ной выбрал голубя» – кукольный спектакль с элементами хореографической постановки – сменила любовная история «Фаталист», а за ней последовал мюзикл «Как Шлемиль в Варшаву отправился». Музыка и вокализ к первому отделению спектакля написала и исполнила 9-летняя Марианна Горская, лауреат Всероссийского конкурса юных композиторов; танцы в спектакле ставила профессиональный хореограф Нелли Пимштейн, преподаватель Центра творчества. Юных артистов (младшему из которых – 6 лет, а старшему – 18) зрители наградили шквалом аплодисментов.

Кстати, в марте 2005 года коллектив детского театра «Зеркало» стал участником Международного фестиваля еврейского юношеского творчества «Зажги свечу» в Москве. Фестиваль не в первый раз принимал детей из челябинского Центра творчества: в 2004 году дипломантами фестиваля стали художники Полина Бондаренко, Рита Миллер и вокалист Лев Зильберман, который в новом спектакле театра «Зеркало» стал исполнителем сразу трех ролей – Автора, Ноя и Шлемиля. Он ответил на наши вопросы.

– Публике спектакль понравился, а тебе?

– Мне тоже. Но, как всегда, не без проколов. На этот раз забыл, что должен петь, и вступил только со второй фразы. Ну совсем в духе Шлемиля!

– Надо же было так войти в образ!

– Легко. Я ведь постоянно нахожусь в обществе евреев – и дома, и в школе. А среди них так много Шлемилей! Да я и сам такой.

– Поясни, пожалуйста.

– За что бы мы ни брались, всегда хохма получается. Но даже из этой хохмы бывает польза. И тут зингеровский Шлемиль – воплощение еврейского мужчины. А вот Голда – это настоящая еврейская женщина. И тогда, и сегодня она и мать, и хозяйка, и работает на трех работах, и Шлемиля своего любит, несмотря ни на что.

– На твой взгляд, Шлемиль – счастливый человек?

– Конечно! Он же мечтатель, а в мечтах человек всегда счастлив, как бы ни была грустна реальная жизнь. Он не обращает внимания на эти «временные» тяготы, ведь рано или поздно мечты осуществляются.

– А у тебя есть мечта?

– Да. И уже начинает исполняться. Я мечтаю стать артистом. Настоящим. И я им буду.

– А Ной? Что это за образ?

– Праведный Ной – это для меня гораздо сложнее. Не уверен, что образ получился. Скорее, мы с Александрой Валерьевной нашли нужные интонации для текста.

– И, наконец, Автор...

– О! Это очень интересно. Исаак Башевис-Зингер – любимый писатель Александры Валерьевны. И мой теперь тоже. Бывает приятно, что понимаешь не только сюжет, но и многие моменты,

касающиеся еврейской традиции (спасибо школьным урокам). Не знаю, насколько мне удалось передать образ, но лично мне он близок.

– Есть что-то, объединяющее артиста и писателя?

– Главное – это наблюдательный взгляд и желание познакомить других со своим наблюдением.

«Σείαί ύέ Αί αί». Έάέ Έδà, 12 έάò.

«Ï έδ ïπά Ïòπì». Αάέδ Αύέέà, 6 έάò.

«Ï ïά έίâ-ââ». Αί ïάάδâί έί Ï έέέòà, 12 έάò.

«I ääiä äi è ò äi äi èy. Ääü...» Êëñëää Äëää, 10 ëäò.

Äííä Äëëüëíä,

Äëäëñäí äòä × äöíy äñëäy,

Ííëëíä Èòëi éíä

коммуникаций, познания, науки, лауреата Национальной научной медали США **Роберта Кинга Мертона** (Merton; наст. имя и фамилия Меир Школьник; 1910, Филадельфия – 2003, Нью-Йорк).

8 ИЮЛЯ

55 עָאָר מִן אִיִּךְ דִּיאַיאִיעֶךְ актера, народного артиста РФ, художественного руководителя Московского театра «Сатирикон», лауреата Государственной премии РФ **Константина Аркадиевича Райкина** (р. 1950, Ленинград).

9 ИЮЛЯ

105 עָאָר מִן אִיִּךְ דִּיאַיאִיעֶךְ эмбриолога, члена Национальной АН США, профессора Университета Вашингтона в Сент-Луисе, автора работ в области нейроэмбриологии, лауреата Национальной научной медали США **Виктора Гамбургера** (Hamburger; 1900, Ландесгут, Пруссия – 2001, Сент-Луис, США).

10 ИЮЛЯ

85 עָאָר מִן אִיִּךְ דִּיאַיאִיעֶךְ графика, члена-корреспондента АХ СССР, иллюстратора произведений А. П. Гайдара, А. И. Куприна и др., лауреата Государственной премии СССР **Давида Александровича Дубинского** (1920, Новороссийск – 1960, Москва).

14 ИЮЛЯ

200 עָאָר מִן אִיִּךְ מִן אֲדוֹעַ (7 тамуза) общественного деятеля, одного из родоначальников хасидизма, главного раввина Франкфурта-на-Майне, комментатора Торы, законоучителя, автора трудов «А-флоа» («Изумление»), «Поним Йофойс» («Прекрасные лики») и др. **рабби Пинхаса Горовица** (האָלפֿה'ה'לעב, Баал а-Афлоа; 1730, Чортков, Польша – 1805, Франкфурт-на-Майне).

15 ИЮЛЯ

75 יארן פֿון אײַן דאָעאַלענען философа, теоретика языка, члена Американской академии искусств и наук, профессора Высшей нормальной школы в Париже, Калифорнийского, Йельского, Корнеллского и др. университетов, создателя философской концепции «деконструкции» и «грамматологии» – науки о письме, утверждающей примат письменности перед звучащим словом (логосом), **Жака Деррида** (Derrida; 1930, Эль-Биар, Алжир – 2004, Париж).

120 יארן פֿון אײַן דאָעאַלענען биохимика, академика АМН СССР, Героя Социалистического Труда, профессора московских медицинских институтов, организатора и директора Института питания, директора Научно-исследовательской лаборатории при Мавзолее Ленина, участника бальзамирования тела Ленина, автора работ в области строения, биологической функции и обмена белков, лауреата Государственной премии СССР **Бориса Ильича (Бера Элиевича) Збарзкого** (1885, Каменец-Подольский – 1954, Москва).

19 ИЮЛЯ

125 יארן פֿון אײַן דאָעאַלענען (12 тамуза) общественного деятеля, шестого Любавичского Ребе, организатора и руководителя подпольной системы еврейского религиозного образования в СССР, автора книг «Ликутей дибурим» («Собрание речей»), «Решимас а-маасар» («Записки об аресте»), «Любавичер Ребенс зихройнос» (Воспоминания Любавичского Ребе) и др. **рабби Йосефа-Ицхока Шнеерсона** (רבי יצחק, Раяц; 1880, Любавичи Могилевской губ. – 1950, Нью-Йорк).

665 лет со дня смерти (12 тамуза) комментатора Торы, законоучителя, талмудиста, автора трудов «Сейфер аремозим» («Книга намеков»), «Арбаа турим» («Четыре ряда») и др. **рабби Якова бен Ашера** (בירוט'הלעב, Баал атурим; 1268, Германия – 1340, Испания).

22 ИЮЛЯ

75 *éàò ìí áíý ðíæääíéý* социолога, члена Национальной АН США, профессора Калифорнийского университета, автора работ в области социологической теории, экономической социологии, коллективного поведения, социологии образования, компаративных методов **Нейла Джозефа Смелзера** (Smelser; р. 1930, Кагока, США).

24 ИЮЛЯ

65 *éàò ìí áíý ðíæääíéý ðíæèíííðà, äèääííä ðíæèíííðà Ì ííèíàíèíä ÒÐÇà*, поставившей спектакли «Собачье сердце», «Соловей» и др., **Генриетты Наумовны Яновской** (р. 1940, Ленинград).

26 ИЮЛЯ

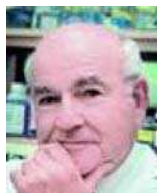

190 *éàò ìí áíý ðíæääíéý* невропатолога, члена «Леопольдины», одного из основоположников современной электротерапии и электродиагностики, автора работ в области описания анатомических структур **Роберта Ремака** (Remak; 1815, Позен, Пруссия – 1865, Киссинген, Бавария).

75 *éàò ìí áíý ðíæääíéý* физика, академика РАН, автора работ в области статистической физики и сверхпроводимости **Герасима Матвеевича Элиашберга** (р. 1930, Ленинград).

28 ИЮЛЯ

80 *éàò ìí áíý ðíæääíéý* генетика, члена Национальной АН США, профессора Пенсильванского и Оксфордского университетов, директора института астробиологии НАСА, открывшего антиген сывороточного гепатита и разработавшего метод лабораторного контроля

доноров крови на его присутствие, лауреата (совм. с К. Гайдузеком) Нобелевской премии по медицине 1976 года **Баруха Бламберга** (Blumberg; р. 1925, Нью-Йорк).

29 ИЮЛЯ

95 *עֵשְׂרִים וְאַיִשׁ דְּתַשְׁבְּעִים* биохимика, члена Национальной АН США, профессора Калифорнийского университета, автора работ в области роли структурных компонентов вирусов в вирусной репликации **Хейнца Френкеля-Конрада** (Fraenkel-Conrat; 1910, Бреслау – 1999, Окленд, США).

30 ИЮЛЯ

435 лет со дня смерти (23 тамуза) кабалиста, автора трудов «Пардес римоним» («Гранатовый сад»), «Томер Двора» («Пальма Дворы») и др. **рабби Моше Кордоверо** (רמ"ק, Ремак; 1522 – 1570, Цфат).

75 *עֵשְׂרִים וְאֵיבָר דְּתַשְׁבְּעִים* биолога, члена Национальной АН США и Лондонского королевского общества, профессора Индианского университета, автора работ в области изучения вирусных структур **Майкла Россмана** (Rossmann; р. 1930, Франкфурт-на-Майне).

75 *עֵשְׂרִים וְאֵיבָר דְּתַשְׁבְּעִים* экономиста, члена Национальной АН США, профессора Станфордского и Йельского университетов, автора работ в области использования математических методов в экономике **Герберта Скарфа** (Scarf; р. 1930, Филадельфия).

60 *עֵשְׂרִים וְאֵיבָר דְּתַשְׁבְּעִים* телеведущего, народного артиста РФ, художественного руководителя телекомпании «ВИД», ведущего программ «Поле чудес» и «Колесо истории» **Леонида Аркадьевича Якубовича** (р. 1945, Москва).

31 ИЮЛЯ

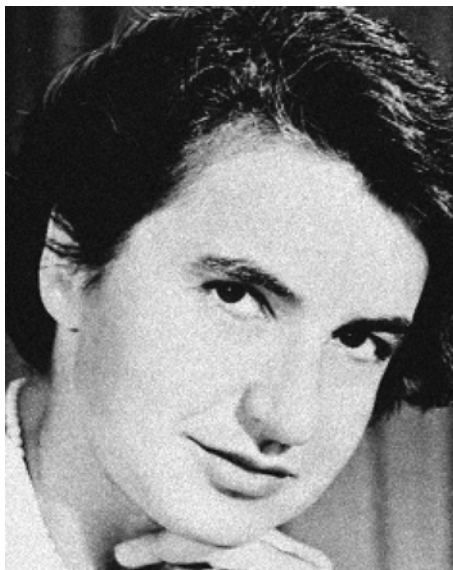

60 лет со дня рождения аккордеониста, народного артиста Украины **Якова (Яна) Петровича Табачника** (р. 1945, Черновцы).

НАША ПАМЯТНАЯ ДАТА

דִּי צאַעַעִי װאַיַעַעִי: יִאָאַיַיִ דִּי װִיאַאַװ

*יִדְוֵעֵעֵ אַעֵ אִיטֵ אִיאַװ יֵאֵ יֵאֵ:יִוֵאֵ יֵדְעֵוֵדְעֵ, יִמְאֵיִי אֵ יֵאֵאַװֵ דְעֵעֵעֵ עֵ אֵעִיטֵאַעֵ.
דִּי צאַװֵדֵוֵאֵ, יֵעִיטֵװֵאֵי, עֵאִיאַװֵ, יֵאַעִיטֵאֵ - יֵװֵװֵ דְוֵאַ אִיטֵיטֵאֵ יֵיֵאַװֵ אִוֵװֵ אִיִיטֵיטֵאֵ עֵ אִוֵװֵ
אִיִיטֵיטֵיטֵיטֵ עֵ עֵי אִיאֵי עֵ. יֵאִיֵדְעֵי אִוֵ, עֵי אִיאֵי אִיאֵעֵ:אִיטֵעֵ דִּי צאַעֵי װאַיַעַעִי, אִיאֵאַיֵאֵ יִמְאֵיִי
דֵאֵי װֵאַיַיִטֵאַעֵעֵ אֵעֵװֵאַעֵװֵיִיטֵעֵ אִיאֵעֵ: יֵיֵאַעֵװֵ אִיֵעֵ אֵעֵאַאַװֵ, :װֵיִי אֵי אִיאֵװֵ װֵיִי
װֵיִיטֵיטֵעֵ אֵעֵװֵאַעֵװֵיִיטֵעֵ אִיאֵעֵ: אִיאֵעֵװֵ אִיֵעֵ אֵעֵאַאַװֵ, :װֵיִי אֵי אִיאֵװֵ װֵיִיטֵיטֵ
:אַיַיִטֵאַעֵ:אִיֵװֵאַ*

Это была яркая, очаровательная и умная женщина с сильным характером. Серьезный ученый, но – женщина, что, по мнению коллег-мужчин, являлось большим недостатком. Но Розалин была не из тех, кто легко сдается. Она была богата и независима. У нее всегда имелось собственное мнение по любому вопросу, далеко не всегда совпадавшее с мнением признанных авторитетов науки. Ее французский шарм раздражал мужское научное общество, но это мало волновало ее.

Розалин Франклин родилась в 1920 году в семье лондонского банкира Элиаса Франклина. Ее мать принадлежала к богатейшей и известнейшей еврейской фамилии Монтефиоре, которая обосновалась в Британии в конце XVIII века, перебравшись из Германии в Портсмут. Дядя Розалин, Мозес Монтефиоре, был в числе первых английских евреев, получивших дворянский титул и место в Палате лордов.

В детстве Розалин посещала одну из немногих в Лондоне школ для девочек, где преподавали физику и химию. К пятнадцати годам она твердо решила заняться наукой и в первую очередь была намерена получить высшее образование. Отец был против этого, он настаивал, чтобы дочь занималась социальной работой, как это было принято в то время в богатых английских семьях, и отказался платить за ее учебу. Однако в 1938 году Розалин всё же поступила в колледж Ньюхем в Кембридже. Расходы по ее обучению взяли на себя мать и дядя. Спустя семь лет она защитила докторскую диссертацию по физической химии.

Ей было двадцать пять, когда она отправилась в Париж, где занялась исследованиями в области рентгеновского излучения и разработала технологию рентгеновской кристаллографии для изучения сложных веществ. В 1951 году Франклин вернулась в Лондон, в лабораторию Джона Рендалла в Королевском колледже. Она присоединилась к группе ученых, занимавшихся изучением живых клеток, и приступила к исследованию ДНК. Морис Уилкинс, с которым ей пришлось работать, к тому времени научился выделять сверхтонкие нити ДНК, очень подходящие для рентгеноструктурного анализа, чем и занялась Розалин.

Их отношения не сложились с самого начала. Уилкинс видел в ней не более чем лаборанта, и это очень обижало ее. Но в то время зачастую ученые мужи свысока и с некоторым пренебрежением смотрели на женщин в науке.

За годы работы в лаборатории Рендалла Франклин добилась блестящих результатов, но Уилкинс на правах шефа держал их в своем сейфе, демонстрируя лишь избранным. Так, он показал знаменитую рентгенограмму № 57 с изображением В-формы ДНК, выявленной Розалин в 1951 году, своему коллеге Джеймсу Уотсону, который в паре с Френсисом Криком тоже разрабатывал тему ДНК в Кавендишской лаборатории Кембриджского университета. Опираясь на результаты, полученные Розалин Франклин, они создали свою модель пространственной структуры ДНК, которая позволила объяснить процесс репликации самой ДНК, и объяснили механизм ее действия в процессах биосинтеза. Оставалось лишь написать письмо редактору журнала Nature. В апреле 1953 года оно было опубликовано. В том же журнале появилась и статья Розалин, чье исследование было гораздо более глубоким и верным. Но оно опоздало на пять дней и стало считаться лишь дополнением к работе Уотсона и Крика.

В 1962 году Уилкинс, Крик и Уотсон разделили Нобелевскую премию по физиологии и медицине «за открытия, касающиеся молекулярной структуры нуклеиновых кислот и их значения для передачи информации в живой материи». Считается, что имя Розалин Франклин тоже вошло бы в списки нобелевских лауреатов, но к тому времени ее уже не было в живых. А Нобелевская премия не присуждается посмертно.

После публикации материалов Крика и Уотсона Розалин ушла из лаборатории Рендалла к Джону Берналу и активно включилась в работу над вирусами табачной мозаики и полиомиелита. Разработки были весьма успешными и имели огромное значение для медицины.

Розалин Франклин скончалась от рака, вызванного постоянной работой с рентгеновскими лучами, в 1958 году. Она продолжала работать до самой смерти, и открытия группы ученых, работавших под ее руководством, легли в основу современной структурной вирусологии.

Ī aēñēi Āāñēāī ēī

АЕЄСІ Ū È ÑÓÁŪÁÁ

Отец мой, гвардии рядовой Семен Шулимович Фиш ушел на войну в июне 1941 года из Одессы и погиб в мае 1945 года в Берлине. Там и похоронен.

Мама много рассказывала мне об отце, о том, каким добрым и щедрым он был. Он страстно любил жизнь. Любил маму, бабушку и особенно меня, свою дочку. Просил маму в каждом письме подробно рассказывать ему, как я расту, что говорю, что делаю в детском садике. Мама обводила мою ладошку на листке бумаги, посылала на фронт, и папа целовал этот немудреный рисунок.

Помню, как он появился у нас в Челябинске после ранения. Я в ту пору болела дифтерией, почти умирала. Он, как был в шинели, схватил меня на руки и отнес в больницу. Мама тогда почти лишилась рассудка, она даже не поняла, что папа опять с нами, говорила потом, что ей казалось, будто он никуда не уходил... Видно, Б-г послал его к нам, чтобы он спас меня во второй раз.

А в первый – это когда эвакуировались из Одессы. Немцы нещадно ее бомбили. Как семья военнослужащего мы получили талон на последний пароход, отходящий из города. В талоне стояло: «три человека». Фамилия наша Фиш, и по ней не поймешь, о ком речь – о мужчинах или женщинах. Придя в райисполком, мама увидела, что чиновник отдает наш именной талон какому-то дядьке. Она буквально вырвала его из чужих рук.

До отхода парохода оставалось не больше часа. Мама не помнила, как добежала до дому. А тут еще бабушка запричитала: в субботу, мол, ехать нельзя, это грех. Мама ответила ей: а умирать в субботу можно? Мы же все погибнем. Соседи тоже отговаривали ее: зачем вам, Лиинька, уезжать? Мы вас спрячем... Всех евреев, оставшихся в Одессе, убили.

Как сердечно встретили нас в Новороссийске! На пристани стояли накрытые столы, беженцев приютили. Нам же предстояло двигаться дальше, на Урал, где жила мамина сестра. Посадка на поезд была такая же страшная, как в порту. Но какой-то инвалид с костылем подтянул нас в вагон. Нам досталась третья полка.

Состав бомбили. Горели вагоны с людьми. Немецкие летчики на бреющем полете расстреливали бегущих в разные стороны; видели ведь, по кому бьют! Сгоревшие вагоны отцепляли, и состав двигался дальше. Под Сталинградом нас высадили: я заболела, температура под сорок. Каким-то чутьем мама нашла ночью поселковую больницу. Меня сразу взяли туда, дали лекарства, сбили жар.

Потом опять были дорога, бомбежки. Еще не раз нас ссаживали: то вдруг заболела бабушка, то снова я. У меня открылась скарлатина. Незнакомая украинская женщина разжала мне рот ложкой и влила туда полстакана молока. И это, как ни странно, меня спасло. А у женщины была своя маленькая дочь...

Вот говорят: подвиг народа. Это так. Но народ состоит из людей. Значит, то был и подвиг моей мамы. Уму непостижимо, как эта хрупкая, маленькая женщина в нечеловеческих условиях спасла семью.

Получив похоронку, мама потеряла сознание... Больше замуж она не выходила, осталась верна мужу. Мама умерла в 1991 году в возрасте 83 лет. Долго болела. Я в чем-то повторила ее судьбу: так уж, видно, суждено. Посвятила свою жизнь маме, тоже не вышла замуж, хотя могла бы. Мама почти не ходила, я постоянно находилась возле нее, было не до свиданий...

В. Оёя,

х аёя аё і ъё

ÎÁ ÎÄÎÊÎΘÈÄË

Хочу прокомментировать письмо г-на Гильмутдинова, опубликованное в вашем журнале. Оно напечатано в 156-м номере. Говорится в нем следующее:

«Речь пойдет об интервью с Александром Городницким (№ 152). Высказывание г-на Городницкого о тех, в ком половина еврейской крови, я воспринял как личное оскорбление... Г-н Городницкий говорит, что мы антисемиты».

Вышеупомянутое высказывание г-на Городницкого на деле звучит следующим образом:

«...Самые ярые антисемиты – это, как правило, полукровки».

Не давая оценки этому высказыванию, хотел бы заметить, что из него никак не следует, что все люди смешанных кровей – ярые антисемиты или что процент антисемитов среди них высок. Любому человеку, владеющему в достаточной степени русским языком и элементарной логикой, это должно быть понятно. Таким образом, письмо г-на Гильмутдинова дает, мягко говоря, неверное представление о содержании высказывания г-на Городницкого. Лично я, не зная содержания этого высказывания, был просто шокирован заявлением г-на Гильмутдинова. К счастью, мне удалось быстро найти адрес сайта редакции и ознакомиться с реальным содержанием интервью, о котором шла речь...

Ä. Øáì èðíáñèè,

Î ïñèè